



**ВЕСТНИК  
ДОНБАССКОЙ  
ЮРИДИЧЕСКОЙ  
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ  
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 6/2018



г. Донецк 2018

**Государственное образовательное учреждение  
высшего профессионального образования  
«Донбасская юридическая академия»**

**ВЕСТНИК  
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО  
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО  
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ  
«ДОНБАССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»**

**(Юридические науки)**

**Научный журнал  
№ 6 / 2018**

**Выходит 4 раза в год. Сетевое издание.**

**Донецк  
ДЮА  
2018**

## УДК 34

Главный редактор –	Р. С. Алимов, канд. юр. наук, доцент
Ответственный редактор –	А. К. Поправко, канд. филос. наук, доцент
Ответственный секретарь –	В. А. Грабельников, канд. юр. наук
Редакционная коллегия (Донецкая Народная Республика):	А. М. Моисеев, д-р юр. наук, С. В. Лихачев, д-р юр. наук, А. В. Броварь, д-р ист. наук, ( <i>Донбасская юридическая академия</i> ), В. Г. Севка, д-р экон. наук ( <i>Национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка</i> ), Г. Н. Гапотченко, канд. юр. наук ( <i>Донбасская юридическая академия</i> ), В. В. Ковалева, канд. юр. наук ( <i>Донбасская юридическая академия</i> ), П. И. Павленко, канд. юр. наук ( <i>Донбасская юридическая академия</i> ), В. И. Козюберда, канд. юр. наук, ( <i>Донбасская юридическая академия</i> ), В. А. Комаров, канд. юр. наук ( <i>Донбасская юридическая академия</i> ), С. Ю. Мироненко, канд. юр. наук ( <i>Донбасская юридическая академия</i> ), Э. Д. Коваленко, канд. юр. наук ( <i>Донбасская юридическая академия</i> ),
Иностранные члены редакционной коллегии:	С. В. Шевелева, д-р юр. наук ( <i>Юго-западный государственный университет, г. Курск, Россия</i> ).
Журнал зарегистрирован	В Научной Электронной библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (лицензионный договор № 596-11/2016 от 10 ноября 2016 г.). В Министерстве информации ДНР. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – Серия ААА № 000169 от 14.11.2017 г. Внесен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Приказом МОН ДНР от 08.05.2018 г. № 433.
Основатель и издатель –	Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия», г. Донецк. Журнал утверждён к изданию Ученым советом Донбасской юридической академии, протокол № 8 от 04.05.2018 г. <i>Язык публикации:</i> русский, английский. Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.
Адрес редакции:	ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, 83049. Тел.: (071) 338-39-90; e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки: научный журнал / под ред. Р. С. Алимова. – Вып. 5 / 2018. – 126 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://donbassla.ru/zhurnal-nauki>

© Государственное образовательное учреждение  
Высшего профессионального образования  
«Донбасская юридическая академия», 2018

**Gosudarstvennoe obrazovatelnoe uchrejdenie  
Vyshego professionalnogo obrazovaniya  
«Donbasskaya yuridicheskaya akademiya»**

**VESTNIK  
GOSUDARSTVENNOGO OBRAZOVATELNOGO  
UCHREJDENIYA VYSHEGO  
PROFESSIONALNOGO OBRAZOVANIYA  
«DONBASSKAYA YURIDICHESKAYA  
AKADEMIYA»**

**(Yuridicheskiye nauki)**

**Nauchnyi Zhurnal  
№ 6 / 2018**

**Vykhodyt 4 raza v god. Setevoe izdanie.**

**Donetsk  
DYA  
2018**

## UDK 34

Editor-in-Chief –	R. S. Alimov, PhD, Sc.(law)
Executive Editor –	A. K. Popravko, PhD in Philosophy, Lecturer
Executive secretary	V. A. Grabelnikov, PhD, Sc.(law)
Editorial board (Donetsk People Republic):	A. M. Moiseev, Dr. Sc. (Law); S. V. Likhachev, Dr. Sc. (Law); A. V. Brovar, Dr. Sc. (History) ( <i>Donbass Law Academy</i> ); V. G. Sevka, Dr. Sc (Economics), ( <i>National Academy of construction and architecture, Makeevka</i> ); G. N. Gapotchenko, Cand. Sc. (Law) ( <i>Donbass Law Academy</i> ); V. V. Kovaleva, Cand. Sc. (Law) ( <i>Donbass Law Academy</i> ); P. I. Pavlenko, Cand. Sc. (Law) ( <i>Donbass Law Academy</i> ), V. I. Kozyuberda, Cand. Sc. (Law) ( <i>Donbass Law Academy</i> ); V. A. Komarov Cand. Sc. (Law) ( <i>Donbass Law Academy</i> ); S. Yu. Mironenko Cand. Sc. (Law) ( <i>Donbass Law Academy</i> ). E. D. Kovalenko Cand. Sc. (Law) ( <i>Donbass Law Academy</i> )
Foreign members of editorial board:	S. V. Sheveleva Dr. Sc. (Law) ( <i>Southwestern State University, Kursk, Russia</i> ).
The journal is registered	Of the Scientific Electronic Library - (SEL) – the chief executive of the project on determining Russian Science Citation Index (RSCI) (license agreement № 596-11/2016 of November 10, 2016). In Ministry of information of DPR. Testifying to registration of means of mass information is Series of AAA № 000169 from 14.11.2017 year. Included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of the candidate of sciences should be published, for the academic degree of the Doctor of Sciences Order of the Ministry of Education and Science of the DPR dated 08.05.2018 No. 433.
Founder and Publisher	The state enterprise of higher professional education “Donbass Law Academy” Recommended for printing by Academic Board of Donbass Law Academy. Minute № 8 dated 04.05.2018 year. <i>Language of publication:</i> Russian, English All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only with the agreement of the author and publisher
Address of publisher and editorial:	83101, Donetsk, Lebedinsky Street, 9. Tel. (071) 338-39-90; e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru

Herald of the Donbass law Academy. Legal science: scientific journal / edited by R. S. Alimov. – Vol. 5 / 2018. – 126 p. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://donbassla.ru/zhurnal-nauki>

СОДЕРЖАНИЕ

<b>Гончаров С. П., Панчук Е. А.</b> К проблеме реализации права на справедливое судебное разбирательство в уголовном судопроизводстве ДНР.....	7
<b>Лихачёв С. В.</b> Концептуальные основы административного права.....	14
<b>Ракша Н. С.</b> Особенности административно-процессуальной деятельности как составляющей юридического процесса .....	22
<b>Лысов А. А.</b> Идея сербской государственности во внешнеполитической программе И. Гарашанина и ее практическая реализация .....	31
<b>Маковецкий С. А.</b> К вопросу о преступлениях в сфере электронной коммерции .....	38
<b>Мамона Т. М.</b> Актуальные вопросы осуществления защиты в уголовном процессе .....	47
<b>Мироненко С. Ю.</b> Институт примирения в системе уголовного права .....	55
<b>Ничик Т. С., Одегова Л. Ю.</b> Дефиниции отдельных правовых категорий наследственного права .....	62
<b>Овчаренко А. В.</b> Национализация имущества в условиях военной агрессии .....	73
<b>Овчаренко А. В.</b> К вопросу о приобретении права собственности на бесхозяйное недвижимое имущество.....	81
<b>Остапец В. А.</b> Экзистенциальная теория происхождения государства .....	87
<b>Поправко А. А.</b> Закон РФ о цифровых правах и формирование цифрового общества в России ....	97
<b>Чамлай В. В.</b> Деятельность правоохранительных органов в период утверждения советской власти .....	112
<b>Янчик Е. А.</b> Предупреждение и пресечение привлечения несовершеннолетних лиц к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.....	119

## CONTENTS

**Goncharov S., Panchuk E.**

To the problem of implementation of the right to fair trial in national criminal proceedings of the DPR.....7

**Likhachev S.**

The conceptual framework of the administrative process.....14

**Raksha N.**

Features of administrative and procedural activities as part legal process.....22

**Lysov A.**

The idea of Serbian statehood in the foreign policy program i. Garashanina and its practical implementation.....31

**Makovetskiy S.**

To the question of crimes in electronic commerce sphere.....38

**Mamona T.**

Actual issues of implementation of protection in criminal process.....47

**Mironenko S.**

Institute of reconciliation in the criminal law system.....55

**Nichik T., Odegova L.**

Selected legal categories' of hereditary law definitions.....62

**Ovcharenko A.**

Nationalization of property under the conditions of military aggression.....73

**Ovcharenko A.**

To the question of acquisition of the ownership of property on human being property.....81

**Ostapets V.**

Existential theory of the origin of the state.....87

**Popravko A.**

The draft law on digital rights and the formation of the digital society in Russia.....97

**Chamlai V.**

Law enforcement activities in the period of approval of the soviet power.....112

**Yanchik E.**

Attraction of minors to illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, analysis of legislative regulation.....119

УДК34.037

**С.П. Гончаров**

**Ректор Донбасской юридической  
академии (г. Донецк)**  
(e-mail: donbassla@mail.ru)

**Е.А. Панчук**

**Преподаватель кафедры уголовного  
процесса, Донбасская юридическая  
академия (г. Донецк)**  
(e-mail: panchuk\_ekaterina@mail.ru)

### **К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ДНР**

*Право на справедливое судебное разбирательство является ключевым правом человека и основополагающим элементом права в демократическом правовом государстве. В статье раскрывается понятие права человека на справедливое судебное разбирательство. Рассматривается освоение данного права как международно-правовой нормы и правовой системы Донецкой Народной Республики в уголовном судопроизводстве. Исследуется доступ к суду как весомая единая составляющая права на справедливое судебное решение.*

**Ключевые слова:** права на справедливое судебное разбирательство, уголовное судопроизводство, судебная защита, справедливость, суд, доступ к суду.

**Goncharov S.P.  
Panchuk E.A.**

### **TO THE PROBLEM OF IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO FAIR TRIAL IN NATIONAL CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE DPR**

*The right to a fair trial is a key human right and the fundamental element of law in a democratic state of law. The article reveals the notion of the human right to a fair trial. The author considers the development of this right as the norm of international law and the legal system of the Donetsk People's Republic in criminal proceedings. The access to the court as an integral part of the right to a fair trial is also investigated.*

**Keywords:** right to a fair trial, criminal proceedings, judicial defense, justice, court, access to the court.

Разбирательство подразумевает какое-либо действие, направленное на обсуждение спорного вопроса. В русском языке у термина «разбирательство» имеется 17 синонимов: расследование, анализ, тяжба, рассмотрение, судилище и т.д. [5]. Но, в конечном итоге, результат такого действия подразумевает



выяснение обстоятельств какого-либо спорного вопроса или конфликта. Устанавливается правдивость определённого события.

Судебное разбирательство основывается на подробном расследовании, детальном анализе спорного вопроса. В процессе судебного разбирательства устанавливается факт виновности, либо невиновности, наличие нарушения закона или права объекта разбирательства. В этом случае можно указать, что действие разбирательства направлено на деяния лица, совершившего преступление, констатируемое Законом, как уголовное. Для полного понимания исследуемой проблемы следует установить значение термина «уголовный». Уголовное (дело) в этимологическом словаре объясняется как производное от древнерусского языка - голова «убитый». Следовательно, *уголовное преступление* - это вид общественно опасного деяния, вследствие претворения, в жизнь которого человек подлежит уголовной ответственности [5]. Такое нарушение касается как частного, так и публичного права. Важно понимать, что не только действие, но и бездействие может нести опасность жизни и здоровью других людей.

Таким образом, судебное разбирательство должно отражать содержание и требование установленных в обществе норм и правил. Доказывание в процессе судебного рассмотрения уголовного дела должно соответствовать законодательной регламентации этих правил. Соблюдение закона является очень важным компонентом во всей процедуре судопроизводства, так как исследуются материалы, собранные обвинителем и защитой для опровержения презумпции невиновности. В конечном итоге выносятся обвинительный или оправдательный приговор. Именно такая картина вырисовывается при разбирательстве по уголовному делу. Можно сказать, что процесс судебного разбирательства – это действия направленные на установление истины. Но понимание истины в уголовном процессе подразумевает расследовать все события и как они происходили в действительности. Дискуссии о том, какая истина должна достигаться в рамках уголовного процесса, велись еще в Российской Империи. Взгляды Современных ученых на сторонников объективной истины и сторонников формальной истины, последние. Объективная истина в уголовном процессе достигается, когда решение суда основано на соответствующих действительности обстоятельствах уголовного дела. Формальная истина достигается, когда соблюдена состязательная процессуальная форма [4].

Из выше сказанного можно сделать вывод, что процесс справедливого судебного разбирательства стал предметом исследования ученых и специалистов в разных областях науки. Проблему изучали не только юристы, но и философы, историки, психологи, политологи, филологи. В одних работах исследовалось значение термина «справедливость», в других устанавливалась связь справедливого разбирательства в суде с другими правами, нарушение которых влечет за собой фальсификацию справедливости во время судебного процесса.

Существует достаточное количество научных работ, посвящённых проблемам защиты прав человека в уголовном судебном процессе. Среди них достаточно яркие работы ученых: Ю.М. Грошевой, П.С. Элькин, В.С. Зеленский, В.М. Корнуков, Л.Н. Лобойко, В.Т. Маляренко, В.Т. Нор, В.А.

Попелюшко, М.С. Строгович, В.Т. Томин, Н.Е. Шумило, В.П. Шибико и др. Специалистами были изучены разные проблемы справедливого судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве. Право на справедливое судебное разбирательство в уголовном судопроизводстве в последние годы стало темой обсуждения многих ученых и практиков. Постоянной точкой зрения, по мнению О.И. Рабцевич является то, что это право состоит из нескольких элементов:

- 1) право доступа к судебной процедуре;
- 2) право на справедливое рассмотрение на протяжении разумного срока независимым и беспристрастным судом, установленным законом;
- 3) право на публичное разбирательство дела;
- 4) право участвовать в судебном разбирательстве дела, имея равные возможности с другой стороной;
- 5) право допрашивать свидетелей [4].

Можно долго говорить и спорить о сущности уголовного преступления, но по сути своей оно является негативом в человеческом обществе. Совершение уголовного преступления влечет судебное разбирательство в уголовном судопроизводстве. Это разбирательство является важным этапом уголовного процесса, который подразумевает деятельность в правовом поле ее участников. Главную и определяющую функцию такого разбирательства в Донецкой Народной Республике выполняет суд. Также об этом может свидетельствовать ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики, которая закрепляет осуществления правосудия по уголовным делам только судом, и то, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом [7].

Процесс судебного разбирательства направлен на установление фактов для признания подсудимого виновным, и определение к нему мер уголовного наказания или признания его невиновности. Такой вид разбирательства решает главную задачу в уголовном судопроизводстве - справедливое разрешение уголовного дела, по существу. В итоге приговор суда отвечает на вопрос о виновности или невиновности подсудимого и определяет применение или неприменение к нему меры процессуального принуждения.

Право на справедливое судебное разбирательство общепризнанная международная норма. Эта норма связана с правом на эффективное восстановление нарушенных прав и свобод человека. Поэтому большинство международно-правовых актов закрепляют или само право на судебную защиту граждан, или обеспечение их доступа к правосудию.

В настоящее время в Донецкой Народной Республике формируется нормативно - правовая база, проводится работа по применению её в жизни государства. В молодой Республике судебное разбирательство в обязательном порядке должно обеспечивать права и конституционные свободы всех участников уголовного процесса Донецкой Народной Республики, законные интересы которых могут быть затронуты в процессе судебного разбирательства.

**Задача статьи** - освоение права на справедливое судебное разбирательство как международно-правовой нормы и правовой системы ДНР, которые закрепляют теоретические и правовые аспекты. Теоретические аспекты связаны с установлением содержания данного права. Правовые – касаются юридического закрепления исследуемых норм.

**Актуальность** проблемы, рассматриваемой в статье подтверждается несколькими фактами. Доказывающими, что самым надежным и эффективным механизмом защиты прав и свобод является судебный механизм. А достижения принципа справедливости в судебном разбирательстве является гарантией защиты любого другого права.

Донецкая Народная Республика приняла на себя обязательство обеспечивать для своих граждан право на справедливое судебное разбирательство. Следовательно, должна его закрепить и гарантировать в законодательстве. Но для этого предстоит устранить все препятствия на пути реализации правового механизма в жизни молодой Республики. В Донецкой Народной Республике право на справедливое судебное разбирательство гарантировано Конституцией ДНР ст. 39, в которой говорится:

1. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.
2. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде.
3. Каждый вправе в соответствии с международными договорами обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты [7].

Данное право закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики [7].

Следует обратить внимание на роль справедливости в уголовном процессе. Справедливость понимается человеком как критерий судебной оценки происходящего, с одной стороны, и нравственная оценка совместной деятельности людей, с другой стороны. Таким образом, справедливость – это воздаяние равноценное деянию. Но отношение к справедливости в каждом обществе не однозначное. Что, само по себе является проблемой для отдельного исследования. В данной статье исследуется проблема реализации права граждан Донецкой Народной Республики на справедливое судебное разбирательство. Для решения этой проблемы существует ряд препятствий:

1. Статус не признанности Донецкой Народной Республики становится важной проблемой на пути становления правовой системы Республики.
2. Военные действия, проводимые Украиной на территории ДНР способствовали «вымыванию» квалифицированных кадров разных специальностей в том числе и юридических (судьи, адвокаты, юрисконсульты и т.д.), способных обеспечить справедливое судебное разбирательство.

Укрепления принципа справедливости в уголовном судопроизводстве ДНР является одним из условий реализации права человека в соответствии с

Конвенцией о защите Прав Человека и Основных свобод. В настоящее время особого внимания заслуживает процесс судебного разбирательства уголовных преступлений Украины против народа Донецкой Народной Республики.

Однако, остаются неисследованными содержательное наполнение принципа справедливости. Следует исследовать значение самого права каждого гражданина ДНР на справедливое судебное разбирательство и гарантий этого права в уголовном судопроизводстве Донецкой Народной Республики. Практика показывает, что основополагающим компонентом в данной системе должен стать человек, его права и гарантии на их осуществление. На сегодняшнее время в молодой Республике уже сложился значительный комплекс прав социального, политического, культурного характера. И особое место занимают права и гарантии человека, связанные с процедурой осуществления правосудия, получившие закрепления в таких международных актах, как «Всеобщая декларация прав человека» от 10 декабря 1948 г., «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Рим, 4 ноября 1950 г.), «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.).

Значимость закрепленных и установленных уголовно–процессуальных прав проявляется прежде всего в том, что правосудие в ДНР является видом государственной деятельности, связанный в определенных случаях с применением мер принуждения. Таким образом, проблемой для изучения может стать определение границы возможного обоснованного воздействия государства на личность.

Самым эффективным и универсальным способом обеспечения прав человека является судебная защита. По мнению В.В. Терешковой, правосудие по самой природе может признаваться лишь при условии соответствия требованиям справедливости и обеспечения эффективного восстановления в правах [6, с. 25]. Именно защита способна реализовать принцип справедливости в судебном процессе. Она является основой в установлении прав человека и его свобод во время разбирательства. Следовательно, одним из самых важных критериев при оценке справедливости судебного процесса является соблюдение принципа равенства возможностей защиты и обвинения. Ибо во время проведения судебного разбирательства необходимым условием выступает соблюдение свободы обвинителя. Равенство возможностей в ходе всего судебного процесса предусматривает равноправное применение процедурных действий в отношении сторон. Обеспечение этого соотношения позволяет выдать справедливое решения суда. Право на справедливый суд толкуется широко и не означает, что справедливость касается только судебных стадий производства по уголовному делу. Оно возникает с момента начала принудительных действий в отношении лица, подвергаемого уголовному преследованию, — момента задержания, предъявления обвинения и т.п.

Право на справедливое разбирательство в уголовном судопроизводстве следует понимать, как в широком, так и в узком значении. В широком значении это право закреплено в п. 1 ст. 6 Конвенции о защите Прав Человека и Основных свобод и отождествляется с правом на доступ к правосудию. Следовательно,

граждане должны иметь возможность свободно инициировать судебное разбирательство дела относительно своих гражданских прав и, при этом, получить справедливую и эффективную судебную защиту [1].

В узком понимании право на справедливое судебное разбирательство охватывает лишь требование "справедливой" процедуры, которое в тексте статьи Конвенции о защите прав человека и основных свобод используется вместе с требованиями независимости и беспристрастности суда, публичности и разумности срока судебного разбирательства.

Следует отметить, что проблема реализации права на справедливое судебное разбирательство как международно-правовой нормы существует во многих государствах. Международные механизмы судебной защиты способны эффективно действовать лишь как дополнение к внутригосударственным, а потому очень важно обеспечить осуществление справедливого правосудия в национальных судах. Власть любого уровня, отметил В.И. Гончаренко, которая пренебрегает правами и свободами человека, действует аморально, постепенно теряет свою легитимность вместе с актами, которые она принимает [2].

Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики обеспечивает право граждан на справедливое судебное разбирательство. Представляет собой комплекс процессуальных прав, каждое из которых имеет свое собственное содержание, тем не менее, обладает и самостоятельным содержанием, не тождественным полностью ни одному из входящих в него прав, а раскрывающимся целиком именно во всей их совокупности [4].

Научно-практическая значимость обеспечения справедливости в уголовном судопроизводстве Донецкой Народной Республики обусловлена необходимостью защиты интересов общества и государства через защиту конкретного лица в этом обществе и государстве. Система уголовного правосудия Донецкой Народной Республики представляет возможность путем обеспечения права человека на справедливость в уголовном судопроизводстве. Нравственная категория «справедливость» в ее правовом значении служит утверждению гуманистической методологии как средства практического урегулирования уголовных процессуальных правоотношений. Уголовное процессуальное право ДНР предлагает обществу законность и порядок его развития.

Таким образом, в данной статье сформулированы определение категории справедливости. Отмечено, что объективность выносимого компетентным судебным органом решения зависит, прежде всего, от правильного уяснения и оценки всех обстоятельств дела, а также точного и полного анализа действующего законодательства Донецкой Народной Республики, примененного в каждом деле. На основании изложенного можно прийти к выводу, что право на справедливое судебное разбирательство нашло свое закрепление и продолжает развиваться в правовой системе ДНР. Однако, в процессах судебного разбирательства уголовного судопроизводства Республики имеются проблемы, которые нужно безотлагательно решать. Следует отметить, что многие трудности, возникшие в правосудии ДНР, характерны и для других государств. Поэтому эта тема стала одной из самых исследуемых. Бесспорно, многие вопросы еще предстоит

рассмотреть. Например, как свидетельствуют решения Европейского суда по правам человека, суды во время рассмотрения дел не всегда придерживаются требований, которые представляют составляющие изложенного выше. Требуется усовершенствование законодательства Донецкой Народной Республики, особенно, по мнению автора, в направлении признания права на справедливое судебное разбирательство как самостоятельного объекта судебной защиты и разработки соответствующих способов и судебных процедур его защиты.

### Список литературы

1. Алексеева Л.Б. Практика применения статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским судом по правам человека. Право на справедливое правосудие и доступ к механизмам судебной защиты. М.: Рудомино, 2000.

2. Гончаренко В.И. Принцип научности как методология юридического нормотворчества, /В.И. Гончаренко// Вестник Академии адвокатуры Украины, - К, ВЦ ААУ, 2007. – Исп. 3(4). – С. 32-44;

3. Конституция Донецкой Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> – Название с экрана.

4. Рабцевич О.И. право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М.: Лекс-Книга, 2005. – 3,4 стр.;

5. Современный толковый словарь русского языка под редакцией Т.Ф.Ефремовой;

6. Терешкова В.В. // Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: Сб. ст. / под ред. М.Р. Воскобитовой. – М.: Издательство «Анархис», 2005. -С.25;

7. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики. Принят Постановлением Народного Совета ДНР № 240-ІНС от 24.08.2018. Вводится в действие 20.09.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su//zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> - Название с экрана.

УДК 342.9

**С.В. Лихачёв**

**Доктор юридических наук,  
профессор, Юго-западный  
государственный университет  
(РФ, г. Курск)  
(e-mail: svlikhachev@yandex.ru)**

### **КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА**

*Статья посвящена рассмотрению концептуальных основ административного процесса. Исследуется понятие «процессуально-правовой механизм», охватывающее совокупность взаимосвязанных процессуальных средств отраслевого характера, в том числе и в административной сфере. Представлены научные толкования разновидностей административного процесса, его особенностей. Исследовано соотношение понятий “процесс”, “норма”, “производство”, “процедура”.*

***Ключевые слова:** административный процесс, процессуально-правовой механизм, норма, производство, процедура.*

**Likhachev S.**

### **THE CONCEPTUAL FRAMEWORK OF THE ADMINISTRATIVE PROCESS**

*The article is devoted to the consideration of the conceptual foundations of the administrative process. The concept of "procedural-legal mechanism", covering a set of interrelated procedural means of sectoral nature, including in the administrative sphere, is studied. Presents scientific interpretations of the varieties of the administrative process, its features. Investigated the relationship between the concepts “process”, “normal”, “production”, “procedure”.*

***Key words:** administrative process, procedural and legal mechanism, norm, production, procedure.*

**Актуальность темы исследования.** Проблемы определения принципов, надлежащего регулирования условий и порядка реализации законов и подзаконных актов приобретают в современных условиях особую остроту и практическую значимость.

Общеизвестными являются многочисленные нарекания (как со стороны законодателей, так и тех, на кого возложены функции исполнения законов) относительно того, что во многих законах не предусмотрен или же недостаточно четко прописан порядок и механизм реализации правовых норм. Важной

причиной такого положения является то обстоятельство, что в современных условиях не уделяется должное внимание их процессуальным формам и выработке нового административно-процессуального законодательства.

Одним из ключевых понятий административного права является понятие «административный процесс». Оно всегда привлекало внимание ученых, а его понимание отражало доминирующее представление о сущности и назначении административного права и государственного управления. Стоит обратиться к работам прошлых лет, чтобы убедиться, какие сдвиги произошли с тех пор в понимании этого явления [5; 6; 14].

В ходе построения демократического правового государства происходит соответствующее изменение точек зрения на некоторые фундаментальные политико-правовые ценности и реалии практики. Причем, речь идет далеко не только о, так называемом, “изменение акцентов”, а о сущностных сдвигах, о принципиально новых подходах и представлениях об устоявшихся явлениях и традициях. Поиски в этом направлении являются насущно необходимыми в рамках модернизации публичной власти.

Для формирования современных научно-методологических и правовых основ реформирования на административном поприще необходимы соответствующие исследования сущности и особенностей административного процесса в современных условиях.

**Анализ научных исследований.** Содержание научного исследования базируется на анализе новейшего современного законодательства и теоретического материала учёных, внесших существенный вклад в разработку отдельных проблем административного процесса: Ю.С. Адушкин, А.П. Алёхин, Д.Н. Бахрах, К.С. Вельский, И.И. Веремеенко, И.А. Габричидзе, И.А. Галаган, Л.В. Коваль, Ю.М. Козлов, А.П. Коренев, Б.М. Лазарев, В.А. Лория, А.В. Лунёв, В.М. Манохин, Ю.Н. Стариков, М.С. Студеникина, Ю.А. Тихомиров, Н.М. Тищенко, А.П. Шергин, В.А. Юсупов, О.М. Якуба и др.

**Цель исследования.** Целью данного исследования является рассмотрение понятия административного процесса на концептуальном уровне, через соотношение и определение категорий, с помощью которых передаётся содержание его феномена.

**Изложение основного материала.** Этимологически слово «процесс» происходит от латинского «processus», что означает движение вперед, продвижение, течение, ход [4, с. 813]. В наиболее общем смысле процессом считается совокупность целенаправленных последовательных действий, имеющих целью достижение желаемого конкретного (заранее определенного) результата; а также порядок осуществления определенной деятельности (например, педагогический процесс, законодательный процесс, процесс научного исследования и т.п.

В то же время, семантически слово «процесс» может означать течение событий, последствия которых непредсказуемы, принципиально неопределенные (например, процесс роста социальной напряженности). В рамках юридической



науки фактор целенаправленности в понимании процесса выражен более четко и рельефно.

Процесс в юридическом смысле – это раскрытие сущности, форма существования этой сущности. Причем, природа “юридической материи” не знает другой практической формы ее реализации, как процесс. Правовая природа процесса выражается в его социальной направленности, поскольку он обеспечивает возможность реализации норм материального права разных отраслей. Соответственно, каждый вид процесса – это порядок последовательного выполнения действий, имеющих целью практическое проведение в жизнь норм материального права [2, с. 163].

Как подчеркивает В.Б. Аверьянов, сам характер исполнительной власти обусловлен объективным назначением – исполнение законов и других правовых актов – подтверждает единство этой власти с содержанием управленческой деятельности государства [3, с. 29]. Соответственно, этот вид деятельности также имеет процессуальную форму, в чем выражается и олицетворяется преемственность, последовательность и непрерывность административного воздействия и регулирования.

Известно, что в традиционном юридическом обиходе понятие “процесс”, как правило, отождествляется с деятельностью судебных органов по рассмотрению и разрешению конкретных уголовных, гражданских, трудовых и прочих дел (уголовный и гражданский процессы). Однако в подобном понимании процесс сводится лишь к правоохранительной деятельности, что составляет главное содержание функций правосудия. Именно в таком аспекте определяется функционально-компетенционное содержание судебной власти.

В то же время важно иметь в виду, что правовое регулирование распространяется на широкий контекст социальных отношений, а именно управление, как справедливо указывает В.Б. Аверьянов, возникает там, где осуществляется любая (производственная, научная, духовная и собственно управленческая) непосредственно общественная деятельность, которая имеет форму общественно-комбинированного процесса и не является разобобщенным трудом самостоятельных производителей [3, с. 17].

Эвристически ценным для общеправовой процессуальной теории является понятие «процессуально-правовой механизм» («процессуальный механизм»), которое охватывает совокупность взаимосвязанных процессуальных средств отраслевого характера (в нашем случае – административной области), необходимых и достаточных для выявления и реализации материальных правоотношений.

Так, это понятие позволяет относительно адекватно отразить административно-правовую подсистему, выявить особенности процессуальных явлений, потому что они наиболее четко выражены в общем механизме их действия, а не на уровне, скажем, отдельных процессуальных норм, понять природу административного процесса как системной целостности.

Поддерживаем точку зрения Ю.А. Тихомирова, который предлагает отказаться от устоявшегося деления административного права на общую и

особенную часть, разделив его на следующие подотрасли: органы исполнительной власти; государственная служба; административно-правовые режимы; административный процесс и законность в управлении; организация государственного управления; административно-правовое регулирование нормативов [16].

Следовательно, административный процесс можно рассматривать как подотрасль административного права вследствие органической связи материальных и процессуальных норм.

Можно также вполне согласиться с И.В. Пановой, которая считает общепризнанным положение о том, что процессуальные нормы обеспечивают реализацию норм материальных и, наоборот, нормы права, в которых закреплен порядок реализации материальных норм, представляют собой нормы процессуальные [11].

Государственно-управленческая деятельность преимущественно ориентирована на решение задач позитивного характера, и юрисдикция не является определяющей для понимания ее сущности признаком, а сама она (государственно-управленческая деятельность) не совпадает с судебной процессуальной деятельностью. Административный процесс призван обеспечить применение определенных правовых норм в сфере государственного управления с целью достижения необходимых, определенных законом юридических результатов (последствий), предусмотренных диспозицией нормы, т.е. соответствующих правил должного поведения.

Указанная функция является прерогативой субъектов исполнительной власти, осуществляющих свою деятельность в процессуальной форме. Именно в такой форме реализуется юридически-властная форма реализации задач и функций исполнительной власти (правоприменительная функция).

В то же время, понимание данного процесса нельзя сводить лишь к обеспечению соблюдения соответствующих правил поведения. Субъекты исполнительной власти исполняют (реализуют) также и санкции материальных административно-правовых норм (правоохранительная функция). Административно-процессуальная деятельность является одним из элементов общей характеристики исполнительной власти в ее динамике (наряду с формами и методами ее осуществления).

Следовательно, в рамках административного процесса реализуются диспозиции и санкции административно-правовых норм. В рамках административно-правовой науки можно найти различные толкования разновидностей административного процесса: наиболее распространенным считается смешанное – иерархически-юрисдикционное, в рамках систем органов управления или образованных ими административных комиссий, так и общих судов.

В широком понимании административный процесс обычно определяют как «совокупность последовательных действий, урегулированных правовой нормой, обеспечивающих определенный порядок деятельности органа

(должностного лица) исполнительной власти по применению и реализации административно-правовых норм» [15, с. 40].

Административный процесс можно рассматривать широко – как совокупность всех действий, осуществляемых субъектами (носителями) власти для реализации своей компетенции. Сама государственно-управленческая деятельность во всех ее разнообразных проявлениях трактуется, таким образом, как административный процесс.

По нашему мнению, такое чрезмерно расширенное толкование «растворяет» сущностное своеобразие административного процесса. Более приемлемым является другое (хотя также «широкое») толкование административного процесса, которого придерживаются, например, Д.Н. Бахрах [1, с. 153-156], Ю.А. Тихомиров [16, с. 57]. Их толкование административного процесса охватывает все индивидуальные дела, рассматриваемые органами управления. Иногда деятельность по управлению и процессуальная деятельность отождествляются [9, с. 182-185].

Административно-процессуальные нормы определяют и регулируют порядок подготовки и принятия актов государственного управления, осуществление делопроизводства, проведения контроля, оформления юридических документов, а также порядок выдачи разрешений и лицензий на определенные виды деятельности, порядок регистрации юридических лиц и т.п. В этом отношении административный процесс называют (не совсем оправданно, по нашему мнению) административной процедурой, связанной с реализацией задач и функций органа исполнительной власти в процессе его повседневной текущей деятельности [15, с. 40].

Относительно соотношения понятий «процесс», «норма», «производство» и «процедура», наиболее приемлемым, как нам кажется, является разграничение, которое предложил Л.В. Коваль [8, с. 143]. Так, определяя своеобразие и специфику административного процесса, он указывал, что с помощью административно-процессуальных норм «процедуры вводятся в административный процесс для его осуществления. Процедура – официально установленный или принятый по обычаю порядок в ведении, обсуждении, рассмотрении, оформлении, исполнении любых дел управленческого или юрисдикционного характера». Следовательно, только процедура, «опосредованная» и определенная нормой, становится формой процесса. Соответственно, совокупность процессуальных норм, объединенных общей функцией, образует то или иное производство.

В узком понимании административный процесс – это урегулированная законом административно-процессуальная деятельность субъектов административной юрисдикции – уполномоченных (компетентных) исполнительных органов (должностных лиц) – по применению норм материального права при разрешении административно-правового дела или во время рассмотрения дел об административно-правовых нарушениях [15, с. 40]. Принципиальное (дефинитивное) значение имеет то, что назначением процесса является реализация норм материального права. Деятельность по реализации

материальных административно-правовых норм можно рассматривать как узкое толкование административного процесса.

Конечно, нельзя считать указанные подходы (или какой-то один из них) ложными или, наоборот, исчерпывающе удовлетворяющим все требования по толкованию. Оценивая подходы к пониманию административного процесса, стоит признать право на существование каждого из них. С фактической стороны, действительно, отождествление управленческой деятельности с процессуальной оправдано. Однако действующее административное законодательство и подзаконные административно-правовые нормы не содержат доброкачественной (по крайней мере, в полной мере) юридической основы для того, чтобы можно было руководствоваться широким (упомянутым первым) пониманием административного процесса.

Для формирования адекватного современным реалиям и современному пониманию задач права, понимание сущности административного права и процесса как юридических феноменов оправданным, по нашему мнению, является рассмотрение административного процесса в двояком смысле: во-первых, как порядок реализации органами, гражданами и юридическими лицами своих статусов в административной сфере (это понимание является основополагающим для достижения цели нашего исследования) и, во-вторых, как порядка рассмотрения коллизий и споров по поводу их нарушений (т. е. в приведенном выше понимании). Последнее отражает уклон к юрисдикционному толкованию категории, что было свойственно правоведам ранее и было вполне оправданным, если принять во внимание специфическую «философию» советского права и соответствующую правоприменительную практику.

Заметим, что на дуалистическую природу административного процесса все чаще обращают внимание в научной литературе [12, с. 65; 13, с. 122].

В действующем законодательстве РФ наиболее полно урегулировано производство по делам об административных правонарушениях. Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [7] содержит нормы материального и процессуального права, которые в целом определяют задачи производства, его принципы, порядок совершения процессуальных действий на различных стадиях производства и т.п. В КоАП РФ закреплено определение административного правонарушения, видов административной ответственности, приведен перечень составов правонарушений, установлен порядок производства по делам об указанных правонарушениях.

Развиваются специальные административные процессы «внутри» тематических законов (в рамках бюджетного, налогового, земельного процессов, рассмотрения нарушений правовых норм и споров). Часто они подробно регламентируются или даже вводятся актами правительства или министерств, ведомств. Все это свидетельствует о том, что актуальная правовая практика «питается» повседневной практикой администрирования, что делает понимание административного процесса открытым и изменчивым.

В свое время В.А. Лория высказал мнение, что юридический процесс всегда имеет целью правоприменение, а не правотворчество. Последнее

указанный автор связывал с процедурами, связанными с осуществлением государственно-властных полномочий и законодательной техники [10, с. 28-29].

И.В. Панова справедливо выражает категорическое несогласие с мнением В.А. Лория относительно исключительно правоприменительной сферы административного процесса. Исследователь небезосновательно считает, что правотворческому (нормотворческому) процессу органов исполнительной власти принадлежит важное место среди правотворческих источников законодательства [11, с. 118].

Следовательно, принципиально важно признавать правотворческий характер административного процесса, а также необходимость такой составляющей (даже в правоприменении она также в определенной степени должна быть предусмотрена) в деятельности исполнительной власти. Это связано, не в последнюю очередь, с тем, что жизненная конкретика социальных отношений больше может быть учтена именно (или в большой степени) исполнительной властью, которая может одновременно организовать надлежащий контроль за исполнением принятых решений или за соблюдением принятых норм.

Если рассматривать административный процесс на уровне его наиболее общих характеристик, как вид юридического процесса (в одном ряду, скажем, с уголовным процессом), то надо указать на такие его общие черты (независимые от отраслевой принадлежности):

Во-первых, как и другие разновидности правового процесса, административный процесс имеет целью выявление и реализацию материальных правоохранительных отношений.

Во-вторых, административному процессу свойственны аналогичные закономерности (как и другим отраслевым формам процессуального права), которые связывают его с материально-правовой сферой.

В-третьих, все процессуальные механизмы, присущие административному процессу, являются внутренними, специальными механизмами правовой системы.

В-четвертых, как и другие разновидности процессуального права, административный процесс имеет структуру, подобную любой другой отраслевой разновидности права (одинаковый набор элементов и связь между элементами) [2, с.183-185, 189-190].

**Выводы.** Таким образом, рассматривая многоаспектность административного процесса, речь можем вести лишь о частичных вариантах процессуальной регламентации тех или иных составляющих повседневных управленческих действий, разнообразных по своему назначению, юридическому содержанию и последствиям. К тому же, существующий нормативно-правовой материал, который позволяет объединить любые управленческие действия под эгидой административного процесса, крайне «распылен».

В большинстве случаев отсутствуют единые правила совершения таких действий, а если такие правила есть, то они касаются конкретных действий отдельных органов и содержатся в разрозненных, несогласованных правовых актах различного назначения и различной юридической силы. Господствующим является ведомственный подход к формированию таких правил.

Все это свидетельствует о том, что устойчивых оснований для широкого понимания административного процесса нет, а административно-процессуальное законодательство в завершенном и универсальном виде отсутствует. По нашему мнению, такое положение исходит из текущего состояния развития новейшей государственности, общего реформирования государственного механизма, недостаточно четко определенных приоритетов правотворчества.

### Список литературы

1. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник для вузов.– М.: Изд-во БЕК, 1996. – 368 с.
2. Битяк Ю.П., Зуй В.В. Административное право Украины (Общая часть): учеб. пособ. – Х.: ООО “Одиссей”, 1999. – 224 с.
3. Государственное управление в Украине: учеб. пособ. / под общ. ред. В.Б. Аверьянова. – К., 1999. – 265 с.
4. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – Изд. 2-, переработ. и доп. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
5. Застрожная С.К. Советский административный процесс: учеб. пособ. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1985. – 100 с.
6. Зивс С.Л. Источники права – М.: Наука, 1981. – 240 с.
7. Кодекс РФ об административных правонарушениях: офиц. текст: принят 30 декабря 2001 № 195-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс»: поиск по реквизитам.
8. Коваль Л.В. Административное право: курс лекций для студентов юрид. вузов и факультетов. – К.: Вентури, 1998. – 208 с.
9. Лазарев Б.М. Государственное управление на этапе перестройки. - М.: Юридическая литература, 1988. – 320 с.
10. Лория В.А. Административный процесс и его кодификация. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1986. – 281 с.
11. Панова И.В. Административный процесс в Российской Федерации: понятие, принципы и виды // Правоведение. – 2000. – № 2. – С.114-127.
12. Ракша Н.С. Производство по делам об административных правонарушениях в структуре административного процесса // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2016. – № 3 (24). – С. 63-67.
13. Ракша Н.С. Фундаментальные принципы административного процесса // Проблемы государственно-правового строительства в современной России: анализ, тенденции, перспективы: сб. материалов Междунар. научн.-практ. конф. / редкол.: Е.В. Позднякова (отв. ред. [и др.]); Юго-Зап. гос. Ун-т. – Курск, ЗАО «Университетская книга», 2016. – С. 120-123.
14. Салищева Н.Г. Административный процесс в СССР. М.: Юрид. лит., 1964. - 158 с.
15. Словарь административного права / И.Л. Бачило, Т.М. Гандилов, А.А. Гришкoveц и др. – М.: Фонд “Правовая культура”, 1999. – 320 с.

16. Тихомиров Ю.А. О концепции развития административного права и процесса // Государство и право. – 1998.– № 1. – С.5-14.

УДК 342.9

**Н.С. Ракша**

Кандидат юридических наук, доцент,  
Юго-западный государственный  
университет (РФ, г. Курск)  
(e-mail: nsraksha@yandex.ru)

### **ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

*В статье рассматриваются особенности административно-процессуальной деятельности как составляющей юридического процесса. Уделяется внимание вопросам выделения признаков юридического процесса, специфических черт административного процесса. Рассмотрены процессуальные принципы административного права, и, соответственно административных производств. С точки зрения содержания, характера и специфики индивидуальных дел административный процесс рассмотрен как совокупность административных производств, разница между которыми определяется предметом производства.*

***Ключевые слова:** административное право, административно-процессуальная деятельность, юридический процесс, принципы, производство, стадии.*

**Raksha N.**

### **FEATURES OF ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL ACTIVITIES AS PART LEGAL PROCESS**

*The article deals with the features of administrative-procedural activity as a component of the legal process. Attention is paid to the allocation of signs of the legal process, the specific features of the administrative process. The procedural principles of administrative law and, accordingly, administrative proceedings are considered. From the point of view of the content, nature and specificity of individual cases, the administrative process is considered as a set of administrative proceedings, the difference between which is determined by the subject of the proceedings.*

***Keywords:** administrative law, administrative procedure, legal process, principles, production, stages.*

**Актуальность темы исследования.** Вопросы надлежащего регулирования условий и порядка реализации законов и подзаконных актов, всестороннего и эффективного обеспечения прав и свобод граждан, приобретают в современных

условиях особую остроту и практическую значимость.

Определение сущности административного процесса, выделение особенностей административно-процессуальной деятельности, её задач, принципов всегда привлекало внимание ученых, а её понимание отражало доминирующие представления о сущности и назначении административного права.

В настоящее время, в период реформирования государственного управления происходит соответствующее изменение точек зрения на ряд фундаментальных политико-правовых ценностей и реалий практики, к которым относится административный процесс и, соответственно, административно-процессуальная деятельность. Поэтому для формирования современных научно-методологических и правовых основ реформирования, в административной сфере необходимы соответствующие научные исследования широкого круга вопросов, охватывающих проблематику административного процессуальной деятельности. Указанное и подтверждает актуальность направления нашего исследования.

**Анализ научных исследований.** Научному исследованию проблем административного права, административного процесса, и в частности, административно-процессуальной деятельности посвятили свои научные разработки многие как отечественные, так и зарубежные авторы: Д.Н. Бахрах, Ю.П. Битяк, В.В. Зуй, М.А. Гурвич, С.В. Лихачёв, И.В. Панова, Ю.Н. Стариков, Ю.А. Тихомиров, А.П. Шергин др.

**Цель исследования.** Целью данного исследования является рассмотрение общих положений юридического процесса, характеристика административного процесса и выделение особенностей административно-процессуальной деятельности, её задач и принципов.

**Изложение основного материала.** Процесс в юридическом смысле порождает и формирует совокупность административно-процессуальных отношений, которые являются самостоятельным видом правовых отношений. Для возникновения любых процессуальных отношений необходимы четыре элемента: норма материального права, норма процессуального права, правосубъектность и юридический факт [4, с. 163].

Д.Н. Бахрах определяет сущность юридического процесса как властную деятельность уполномоченных субъектов, направленную на решение конкретных юридических дел и достаточно полно урегулированную процессуальными нормами [3, с. 81].

Укажем, что юридические процессы являются разновидностью социальных. В литературе выделяют следующие их особенности: это сознательная, целенаправленная деятельность; она связана с реализацией властных полномочий субъектами власти; она запрограммирована на достижение определенных юридических результатов, направлена на решение юридических дел; промежуточные и окончательные итоги процесса закрепляются в официальных документах; полная (или в основном) регламентация деятельности юридическими процессуальными нормами [3, с. 153-154].

Указанный автор определяет основные признаки юридического процесса:



1) это деятельность, в которой реализуются властные полномочия. В отношениях участвуют и граждане, и организации, но ведущая роль принадлежит носителям публичной власти. Властность отличает процесс от разнообразных процедур (заключение договоров, организация пресс-конференций, регистрации и т. п.);

2) результатом процессуальной деятельности является решение юридических дел (принятие нормативного акта, прием в гражданство, применение санкции и т. д.). Поэтому она оформляется официальными документами как промежуточными, так и итоговыми;

3) процессуальная деятельность регламентируется процессуальными нормами, которые определяют участников процесса, их права и обязанности, подведомственность, последовательность и сроки выполнения действий, правила оформления документов, принятия, обжалования, исполнения решений [3, с. 154].

Административный процесс в современных условиях должен быть ориентирован не только на рассмотрение дел о правонарушениях. Главное в административном процессе составляет то, что он является порядком реализации гражданами и юридическими лицами своих статусов в административной сфере. Из этого следует ряд важных выводов, касающихся не только отдельных вопросов, но и самих сущностных принципов административного права, проблематике административного производства в целом.

От такого акцента на понимании сущности административного процесса развиваются концепции формирования (реформирования) и развития административно-процессуального законодательства. В нем следует выделять подотрасли (органы исполнительной власти; государственная служба; административно-правовые режимы; административный процесс и законность в управлении и др.), в рамках которых можно рассматривать и принимать законы, способствующие стабилизации и укреплению режима законности в стране.

Современные политико-правовые реалии, складывающиеся в РФ, обуславливают постепенное преодоление старой концепции административного права. В нынешних условиях административно-правовое обеспечение должно быть предназначено для реализации интересов общества, государства, социальных общностей и граждан, то есть в публичной сфере в широком смысле. Поэтому современная концепция административного права не может ограничить свой горизонт только вопросами государственного управления. Расширяются, в связи с этим, сферы административно-правового регулирования, «участия» и «защиты», на что указывает Ю.А. Тихомиров [12, с. 73].

Спектр административно-правовых методов по степени обеспечения, расширения и сужения поведения объекта очень широк – явочные, регламентные, ведомственные, регистрационные, лицензионно-разрешительные, распорядительные, договорные, запрещающие и т.д.

Уместно в этой связи подчеркнуть своеобразную основополагающую роль административного права для всего комплекса отраслей общего права. Оно выполняет для них роль первоосновы в виде субъектов – органов и императивных правовых норм, имеющих как сферы самостоятельного проявления и развития,

так и сферы, в которых они действуют словно в других отраслях и их нормах (финансового, экологического права и др.).

Административное право без преувеличения можно рассматривать как базовую отрасль в системе права с мощным императивно-регулирующим потенциалом функционирования исполнительной власти и обеспечения публичных интересов во многих сферах государственной и общественной жизни.

Все элементы процессуального механизма имеют сложное строение. Так, сложным является и его нормативное звено. Разумеется, объективное право любой правовой отрасли, не только процессуального, но и материального, состоит из разносторонних юридических норм и других, более сложных, элементов. Тем не менее, здесь имеется в виду иное. В частности, юридический процесс, возникающий по конкретному делу, обслуживается не отдельными нормами, что характерно для правоотношений в материально-правовых отраслях, а в каждом случае вступает в действие практически вся отрасль процессуального права и создается сложная и целостная нормативная основа функционирования данного юридического процесса. Эта специфическая черта процессуального права была отмечена в процессуальной теории.

Так, М.А. Гурвич писал о том, что «процессуальное право применяется по каждому делу, как правило, в полном объеме и устанавливает для процесса «целостную абстрактную форму» [5].

Как процессуальные выступают управленческие действия, связанные с реализацией, например, разрешений, регистрации, с подготовкой правовых актов, с совершением распорядительных актов правоприменительного характера. Здесь речь идет о разнообразных административных процедурах и соответствующих административно-процедурных правилах. В подобной ситуации, а также с учетом дуалистической роли административного процесса, есть достаточные основания для того, чтобы саму административно-процессуальную деятельность рассматривать в двух аспектах.

В первом случае (административно-юрисдикционный аспект) деятельность сосредотачивается на осуществлении исполнительными органами (должностными лицами) функций правоохранения через совершение юрисдикционных действий в их традиционном понимании.

Во втором (административно-процедурное проявление) деятельность представлена распорядительными действиями исполнительных органов (должностных лиц) по осуществлению установленных административно-правовых процедур, не связанных с юрисдикцией. Это – реализация разрешительно-лицензионных, регистрационных и других функций и полномочий.

При любом понимании административно-процессуальной деятельности действия, осуществляемые исполнительными органами (должностными лицами), имеют своим результатом издание ненормативных (т.е. индивидуальных) правовых актов, с помощью которых административно-правовые нормы применяются к конкретным обстоятельствам либо к лицам.

Тем самым решаются различные индивидуальные дела в сфере государственного управления. От характера таких дел зависит реализация или диспозиции (процедуры) или санкции (юрисдикция) соответствующей нормы материального административного права.

Следовательно, предметом административно-процессуальной деятельности являются именно индивидуальные дела. Под индивидуальным административным делом понимается вопрос, связанный с применением административно-правовых норм, возникающий в сфере государственно-управленческой деятельности и требующий с целью его решения распорядительных (оперативно-исполнительных) действий уполномоченных исполнительных органов (должностных лиц) [6, с. 312-313].

Предписания правовых норм практически реализуются в индивидуальных действиях тех или иных органов по фактам индивидуального характера (например, по факту совершения административного, дисциплинарного проступка, по факту выдачи разрешения на осуществление определенного вида деятельности, по факту обжалования неправомерных действий должностных лиц и т.п.). Разрешение подобных индивидуальных дел и составляет основу административного процесса.

Процессуальное положение гражданина выражается в том, что он имеет установленные процессуальные права и обязанности и фактическую возможность реализовать их в ходе рассмотрения и разрешения индивидуальных административных дел. Гражданин может выступить инициатором юрисдикционного процесса своими соответствующими действиями (например, подачей жалобы, заявления и т.п.), требовать от органов и лиц, уполномоченных рассматривать дело, ознакомления с материалами дела, предоставлять доказательства, давать объяснения и т.п. [11, с. 220-222].

Традиционно выделяют следующие специфические черты административного процесса:

а) административный процесс связан с государственным управлением, его юридическими видами, которые реализуются в правовых формах;

б) административный процесс связан с материальными нормами административного права; эта связь проявляется в том, что в ходе реализации задач административного права разрешаются индивидуальные дела в государственном управлении и эффективно применяются нормы материального права;

в) применение норм материального права осуществляется в юридическом порядке, урегулированном административно-процессуальными нормами;

г) административный процесс – это не только применение норм материального права, а и соответствующая деятельность, в результате которой возникают общественные отношения, урегулированные нормами административно-процессуального права.

Указанные черты административного процесса удачно отражены в следующем определении его цели. Цель административного процесса – это

заранее запланированные результаты, достижение которых возможно с помощью соответствующих методов и средств [1, с. 184; 8, с. 64-67].

Следовательно, административно-процессуальные нормы своим назначением имеют регламентацию осуществления в процессуальном порядке юрисдикционных полномочий преимущественно органов исполнительной власти (должностных лиц). Достигается эта цель путем установления юридических правил рассмотрения в административном или судебном порядке индивидуальных административных дел различного содержания.

Не менее важное значение имеет определение структуры административно-юрисдикционной деятельности (например, стадии), порядка осуществления соответствующих процессуальных действий, порядка ведения процесса принятия решений по индивидуальным делам, а также их выполнения.

Важное значение для понимания содержания административно-процессуальных норм имеет механизм процессуальных гарантий для граждан как участников юрисдикционного производства, который ими устанавливается. Тем самым создается юридическая форма охраны личности гражданина от нарушений его административно-правового статуса, система административно-правовых гарантий его прав и законных интересов.

Процессуальные принципы административного права составляют устойчивую основу, на которой осуществляется разработка и реализация конкретных норм. Принципы указывают на вектор направленности действующего права, они являются воплощением социальных ценностей, которым служит право. Принцип – основополагающее теоретическое знание, не требующее доказывания [7, с. 363]. Понятно, что принципы не являются чем-то непостижимым и метафизическим. Они являются порождением и обобщением многообразной социальной практики, в частности, правовой.

Определяя фундаментальное значение принципов права, М. И. Байтин указывал [2], что последние являются тем, «на чем основано формирование, динамика и действие права как демократического или, наоборот, тоталитарного. Принципы права выражают то главное, основное в праве, тенденции его развития, то, на что право должно быть ориентировано, нацелено». Принципы являются первичными в отношении норм и более устойчивыми, неизменными. В то же время, во времена стремительных трансформаций может наблюдаться отставание действующих норм от нового понимания социальных отношений, нового понимания назначения и функций (а, следовательно, и принципов) права.

Принципы служат обеспечению реальности законности при рассмотрении и разрешении индивидуальных административных дел, применении административно-принудительных мер, а также в процедурном производстве.

Среди основных принципов административных производств выделяют законность, гласность, принцип компетентности, принцип охраны интересов государства и личности, принцип непосредственности, принцип быстроты и экономичности процесса, принцип достижения материальной истины, принцип доступности, принцип ответственности должностных лиц за правильное и

эффективное ведение процесса, за выявление бюрократизма при разборе жалоб и др.

Таким образом, административный процесс осуществляется с соблюдением принципов, используемых в государственном управлении, и в этом отношении принципы являются также элементом структурно-содержательной характеристики административного процесса. В то же время, эти принципы получают специфические черты, оттенки, порождают новые принципы.

В структурном плане административный процесс состоит из двух частей, в равной степени регулируемых нормами административно-процессуального права: во-первых, из деятельности органов государственного управления по разрешению конкретных дел и, во-вторых, из отношений между участниками этой деятельности. Поэтому административный процесс – это соответствующая процедура, происходящая в рамках, установленных процессуальными правовыми нормами, а их совокупность составляет производство.

Структура административного процесса, с точки зрения его динамики, относительно устойчиво представлена в научной литературе. Считается, что общими для административного процесса являются стадии:

1) предварительный анализ ситуации (в разных производствах она может называться по-разному: административное расследование, проверка жалобы, обсуждение правового акта и т.п.), в ходе которого собирается, изучается информация о реальных фактах. Эта информация фиксируется на материальных носителях в виде протоколов, справок, схем, отчетов и т.д.;

2) принятие решения (приказа, постановления, инструкции), в котором фиксируется воля субъекта власти. Решение – сознательный, волевой акт выбора одной из существующих возможностей. В нем содержится императивная, новая информация, созданная субъектом власти. Как административный акт оно, как правило, носит обязательный характер: обязывает, запрещает, уполномочивает, лишает, прекращает;

3) обжалование или опротестование решения и его пересмотр (носит факультативный характер);

4) выполнение решения, означающего материализацию распоряжений, перетворение их в реальные действия, права, отношения, процессы, блага.

В правотворческих процессах заключительной является стадия обнародования акта, доведения его до сведения [1, с. 192-193; 3, с. 156].

В ряде случаев целесообразным является усложнение процедуры принятия исполнительной властью решения определенных категорий дел, установления дополнительных стадий. Так, ряд производств (по жалобам и др.) дополнены стадиями возбуждения дела, в производстве по делам об административных правонарушениях признана необходимой стадия пересмотра постановлений [10, с. 63-67].

У большинства стадий производства можно выделить этапы – совокупность действий, направленных на достижение определенной внутренней стадийной промежуточной цели. Например, во второй стадии производства по делам об административных правонарушениях – есть такие этапы: подготовка к

рассмотрению дела, анализ имеющихся данных, принятие постановления, доведение постановления до сведения правонарушителя, потерпевшего, организаций. Таким образом, конкретное производство имеет четырехуровневую структуру: действия – этапы – стадии – производство.

С точки зрения содержания, характера и специфики индивидуальных дел административный процесс составляет совокупность административных производств, разница между которыми определяется предметом производства [9, с. 146-150].

Административное производство – это нормативно урегулированный порядок совершения процессуальных действий, обеспечивающих законное и объективное рассмотрение и разрешение индивидуальных административных дел, объединенных общностью предмета. Понятием административного производства охватываются, например, порядок рассмотрения жалоб граждан, порядок лицензирования и порядок применения мер административного принуждения и т. п. – все это виды административных производств.

Видовое разнообразие административных производств может быть сведено в соответствии с классификацией административно-процессуальной деятельности в две обобщенные группы: а) юрисдикционное производство; б) процедурное производство.

Обе группы административных производств имеют некоторые общие черты: преимущественно внесудебный порядок рассмотрения индивидуальных дел; юридически-властные основы; урегулированность (однако разной степени) административно-процессуальными нормами; административно-процессуальные отношения и принципы и т.п.

Стоит отметить, что в административно-правовой литературе проблема понимания структуры административного процесса, т.е. выделение конкретных производств всегда была дискуссионной. Причем споры ведутся не только относительно названия того или иного производства, но и относительно их общего количества.

Так, выделяют следующие виды производств: по разработке и принятию нормативных актов; по принятию индивидуальных актов управления; по применению административно-предупредительных мер и мер административного пресечения; по делам об административных правонарушениях; по делам о дисциплинарных проступках (дисциплинарное производство); регистрационно-разрешительное; надзорно-контрольное (производства по реализации контрольно-надзорных полномочий); по обращениям граждан; по земельным, пенсионным, налоговым, бюджетно-финансовым делам и др.

**Выводы.** Административно-процессуальная деятельность регламентируется процессуальными нормами административного права и реализуется в административно-процессуальных отношениях. Вне правовых норм административный процесс как явление юридической реальности не существует. Границы административно-процессуальной деятельности, соответственно, определяются таким образом, что в рамках административного процесса решаются не все индивидуальные дела, а только те, на которые распространяется

установленный административно-процессуальными нормами процессуальный порядок.

Административный процесс может быть определен как урегулированная административно-процессуальными нормами деятельность органов исполнительной власти (должностных лиц), содержание которой составляет рассмотрение и разрешение индивидуальных административных дел, возникающих в сфере государственного управления, в порядке реализации задач и функций исполнительной власти. Качественная сущность административного процесса заключается в том, что он является правомерным порядком реализации гражданами и юридическими лицами своих статусов в административной сфере.

### Список литературы

1. Адміністративне право України: підручник / за ред. Ю.П. Битяка. – Х.: Право, 2000. – 520 с.
2. Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 4-15.
3. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник для вузов.– М.: Изд-во БЕК, 1996. – 368 с.
4. Битяк Ю.П., Зуй В.В. Административное право Украины (Общая часть): учебное пособие. – Х.: ООО «Одиссей», 1999. – 224 с.
5. Гурвич М.А. Основные черты гражданского процессуального правоотношения // Сов. государство и право. – 1972. – № 2. – С. 31-33.
6. Колпаков В.К. Административное право: учебник / В.К. Колпаков. – К: Юринком Интер, 1999. – 733 с.
7. Краткая философская энциклопедия. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – 576 с.
8. Лихачёв С.В. Сущность административного процесса // Проблемы государственно-правового строительства в современной России: анализ, тенденции, перспективы: сб. материалов Междунар. научн.-практ. конф. / редкол.: Е.В. Позднякова (отв. ред. [и др.]; Юго-Зап. гос. Ун-т. – Курск, ЗАО «Университетская книга», 2016. - С. 64-67.
9. Лихачёв С.В., Авдеева С. Некоторые виды производств в административном процессе // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: сб. материалов II Междунар. круглого стола / редкол.: Е.В. Позднякова (отв. ред.) [и др.]. – Курск: ООО «Планета», 2016. – С. 146-150.
10. Ракша Н.С. Производство по делам об административных правонарушениях в структуре административного процесса // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2016. - № 3 (24). – С. 63-67.
11. Ракша Н.С., Уткина О.В. Контрольный процесс в структуре юридического процесса // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: сб. материалов II Междунар. круглого

стола / редкол.: Е.В. Позднякова (отв. ред.) [и др.]. – Курск: ООО «Планета», 2016. – С. 220-222.

12. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса [Текст] / Ю. А. Тихомиров. – М.: Издание г-на Тихомирова М. Ю., 2001. – 798 с.

УДК 342.28(497.11)

**А.А. Лысов**

**Кандидат исторических наук, доцент  
кафедры теории и истории  
государства и права, Донбасская  
юридическая академия (г. Донецк)  
(e-mail: tigrp\_dua@mail.ru)**

### **ИДЕЯ СЕРБСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ И. ГАРАШАНИНА И ЕЕ ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ**

*В статье рассматривается вопрос о формировании внешнеполитической программы Сербского княжества в середине XIX в. Особое внимание уделено идее сербской государственности в программе. Анализируется проблема попыток реализовать содержание программы, а также отношение к этому процессу великих держав.*

**Ключевые слова:** программа, внешняя политика, Начертание, Сербское княжество, южные славяне, великие державы.

**Lysov A.**

### **THE IDEA OF SERBIAN STATEHOOD IN THE FOREIGN POLICY PROGRAM I. GARASHANINA AND ITS PRACTICAL IMPLEMENTATION**

*The article discusses the question of the formation of the foreign policy program of the Serbian Principality in the middle of the XIX century the Special attention paid to the idea of Serbian statehood in the program. The problem of attempts to implement the content of the program, as well as the attitude of the great powers to this process is analyzed.*

**Key words:** program, foreign policy, the Outline, the Serbian Principality, the South Slavs, the great powers.

**Актуальность темы исследования.** В 1829-1830 гг. XIX в. Сербия получила статус автономного княжества в составе Османской империи. Несмотря на наличие определенной свободы во внутренних делах, в Сербии имела место идея о получении независимости. В конце 30-х годов XIX в. в Сербии не было выработано четкой единой внешнеполитической линии сербского руководства и единого мнения относительно будущего статуса Сербского княжества. В 1844 г. единая программа была разработана министром иностранных дел Сербии И.



Гарашаниным. В этих условиях актуальным является анализ сербской внешнеполитической программы и отраженной в ней идее о государственности Сербии, а также практическая реализация данного документа.

**Анализ научных исследований.** Вопросы, посвященные внешней политике Сербии, освещались в трудах К.В. Никифорова, А.Л. Погодина, И.С. Достян, В.Н. Виноградова. Исследователи акцентировали внимание на таких основных вопросах, как освободительная борьба сербского народа и помощь со стороны Российской империи. При этом следует отметить, что в научной литературе, несмотря на большое количество работ по различным вопросам развития Сербии, на наш взгляд, недостаточно освещена проблема идеи сербской государственности во внешнеполитической программе главы сербского МИД И. Гарашанина.

В целом анализ литературы дает сделать вывод о том, что исследователи выполнили значительный объем работы по исследованию этой темы. В то же время некоторые вопросы требуют дальнейшего изучения.

**Целью нашего исследования** является анализ концепции сербской государственности, отраженной во внешнеполитической программе княжества и попытка ее практической реализации в середине XIX в.

**Изложение основного материала.** В конце 30-х годов XIX в. несмотря на усилия российского консула в Сербском княжестве Г.И. Данилевского в вопросе установления хороших отношений с Белградом, российскому правительству так и не удалось полностью восстановить свое политическое влияние в княжестве. Этому мешала, на наш взгляд, как непоследовательная политика Российской империи в отношении Сербии, так и нечетко выраженная внешнеполитическая линия сербского руководства. Доказательством этому служит анализ внешнеполитической ориентации наиболее влиятельных представителей сербской политической структуры. Так следует отметить, что князь Александр Карагеоргиевич и глава правительства княжества А. Петрониевич были убежденными туркофилами и считали, что только Османская империя способна отстоять интересы сербов и решить их проблемы [1, с. 136]. Часть сторонников сербской конституции склонялась к опоре на Австрийскую империю, а министр иностранных дел Сербии И. Гарашанин возглавлял сторонников ориентации на Англию и Францию [2, с. 48]. Заметим еще один факт, что среди поборников «Устава» (конституции) были и сторонники прорусской внешней политики, но их позиции в княжестве были достаточно слабыми, и, таким образом, они не могли оказать серьезного влияния на сербское руководство.

Как следствие такой нестабильности в начале 40-х годов XIX в. В Сербском княжестве возникла острая необходимость в разработке единой внешнеполитической линии, которая бы консолидировала все политические силы в их стремлении к единой цели – благосостояние для Сербии и ее народа, несмотря на различную оценку международного положения княжества.

С именем И. Гарашанина связана разработка в конце 1844 г. «Начертания» – первой комплексной и четко структурированной внешнеполитической программы Сербского княжества, идеи которой были направлены на

освобождение от Турции и объединение сербов и других южных славян в единое независимое государство. Разработка программы проходила при активном участии главы тайного польского агентства в Белграде Ф. Заха, который в свое время составил «План» внешней политики Сербии. Именно на основе «Плана» и было создано И. Гарашаниным «Начертание».

Сравнительное изучение двух документов показывает, что во введении «Плана» Ф. Зах писал об острой потребности Сербского княжества в долгосрочной внешнеполитической программе, основной чертой которой должна стать именно южнославянская направленность. В соответствующем месте «Начертания» И. Гарашанин говорил, что основа сербской внешней политики должна состоять в том, чтобы не ограничиваться исключительно рамками Сербии, а стремиться привлечь на сторону княжества все славянские народы, которые его окружают, с тем, чтобы более успешно противостоять Турции. При этом Ф. Зах считал, что существуют два качественно различных способа раздела Османской империи: 1. Раздел ее владений между Австрией и Россией; 2. Создание на развалинах Турции независимого славянского государства. Чтобы осуществился второй вариант, Сербскому княжеству во внешнеполитических ориентирах нужно опереться на Великобританию и Францию, так как именно эти державы выступают против расширения и усиления влияния Австрии и России в регионе и могли бы, по мнению Ф. Заха, оказать реальную помощь сербам в их стремлении создать независимое государство. И. Гарашанин при составлении своей программы полностью принял эту часть «Плана» и включил ее в «Начертание». Таким образом, он был согласен с негативной ролью Австрии и Российской империи в процессе создания государства южных славян.

Следующий большой раздел «Плана» Ф. Зах делил на семь частей. В первой части говорилось о необходимости отправки сербских агентов в Болгарию, Боснию и Герцеговину, Северную Албанию, Славонию, Хорватию и Далмацию с целью предварительной подготовки борьбы за независимость южнославянских народов. В свою очередь И. Гарашанин добавлял к содержанию этой части «Плана», что приоритетом во внешней политике Сербии должна стать Босния и Герцеговина, Черногория и Северная Албания, то есть те регионы, где проживали этнические сербы, где бы проводимая работа приносила более быстрые результаты.

Вторая часть посвящалась отношениям Сербского княжества с Болгарией. Ф. Зах считал необходимым вывести болгар из-под российского влияния и привлечь их на сербскую сторону. В отношении Сербии Ф. Зах говорил, что Россия будет добиваться прихода к власти в княжестве преданного ей руководителя и никогда не допустит, чтобы такая маленькая страна как Сербия, ставила свои условия.

Соглашаясь в целом с автором «Плана» относительно негативной роли России в деле создания независимого южнославянского государства, И. Гарашанин при этом добавлял, что «Сербия ни с кем так легко не могла бы добиться своей цели, как при содействии России. Но это возможно только тогда, когда она совершенно и полностью приняла бы условия Сербии» [2, с. 49].

Вероятно, речь шла об обеспечении Российской империей территориального расширения Сербского княжества и ее отказе от союза с Австрией, а также об уменьшении степени вмешательства в политику Белграда.

Третья часть документа затрагивала отношения Сербии с Боснией, Герцеговиной и Северной Албанией. Ф. Зах считал, что Сербское княжество при правильной организации дела может иметь наибольшее влияние на эти земли. Для этого он предлагал провозгласить три основных принципа сербской политики, посредством реализации которых будет значительно легче воплощать внешнеполитические идеи на практике: 1) обеспечение свободы вероисповедания; 2) наличие наследственной власти сербского князя в будущем общем государстве; 3) Сербия должна выступать покровительницей всех южных славян. И. Гарашанин принял эту часть «Плана» практически полностью.

Четвертая часть работы Ф. Заха была посвящена отношениям Белграда с Хорватией. Однако эту часть И. Гарашанин целиком исключил из «Начертания».

Пятый и шестой раздел «Плана» о союзе с воеводинскими сербами и чехами И. Гарашанин основательно сократил. Он ничего не оставил от идеи союза с чехами, а в отношении сербов Воеводины был согласен только с тем, что надо попытаться установить политические контакты с их лидерами и учредить там печатный орган, который бы публиковал материалы исключительно в интересах Сербского княжества. Это могло, по расчетам И. Гарашанина, в будущем помочь вывести Воеводину из-под австрийского влияния и привлечь ее на свою сторону.

Седьмую часть «Плана», посвященную проблемам внутренней политики Сербии, И. Гарашанин не включил в «Начертание», поскольку составлял только внешнеполитическую программу [2, с. 47-51].

Как видим, большая часть текста «Плана» Ф. Заха без каких-либо изменений вошла в «Начертание». Однако при этом необходимо заметить, что И. Гарашанин, в отличие от Ф. Заха, ограничивал внешнеполитическую деятельность Сербского княжества практически только сербскими землями, которые находились под турецкой властью. Фактически речь шла о начале собирания этнических сербских земель.

После выработки внешнеполитической программы И. Гарашанин отправил своих агентов в соседние области Османской империи для установления тесных политических отношений с их лидерами. В результате работы агентуры были установлены связи с правителем Черногории Петром II Негошем, которому сербское правительство начало оказывать необходимую денежную помощь [1, с. 138]. Были также сделаны попытки привлечь на сторону Сербии население Боснии и Герцеговины, особенно монахов-францисканцев, которые вели отчаянную борьбу против посягательств на их автономию ставленника австрийского правительства епископа Р. Баришича [3, с. 147]. Особое внимание при практической реализации внешнеполитической программы И. Гарашанин уделял болгарам, которых необходимо было посредством политики просвещения и осознания славянского единства приобщить к идее освобождения и объединения всех южных славян под верховенством Сербского княжества. Проводниками таких идей, в свою очередь, были болгарские учителя и

священники; в Белград на учебу приглашалась молодежь из Болгарии; печатались и издавались книги на болгарском языке [1, с. 138].

Революционные события 1848 г. в Австрийской империи дали новый стимул национально-освободительному движению южных славян. Сербские уставобранители в сложившейся ситуации рассчитывали воспользоваться революцией и начать долгожданный процесс объединения южнославянских земель вокруг Сербского княжества. И. Гарашанин твердо решил, что уже настал благоприятный момент для практической реализации идей «Начертания». В связи с этим он поручил сербскому представителю в Стамбуле К. Николаевичу разработать проект территориального расширения Сербии. По данному проекту южнославянские области Османской империи должны были составить Сербское вице-королевство под верховной властью турецкого султана. В него должны были войти Черногория, Северная Албания, часть Македонии, Босния и Герцеговина, объединенные на условиях федерации [3, с. 235]. Заметим, что пока речь не шла о полном освобождении южных славян от власти Турции. На первом этапе, прежде всего, необходимо было объединить южнославянские народы, но не под властью сербов, а именно на равноправной основе. И только затем, будучи сплоченными, выступить против Османской империи, а после ее развала создать единое государство. Говоря в документе о федеративном устройстве, сербские лидеры ставили своей главной задачей как можно скорее и без лишних подозрений привлечь на свою сторону соседние области, так как в случае провозглашения верховенства Сербского княжества в будущем государственном образовании, возникли бы серьезные проблемы при практической реализации идей данного плана сербского руководства из-за нежелания тех же черногорцев подчиняться сербам.

Положение в Австрии побудило И. Гарашанина обратить пристальное внимание и на дела в Воеводине, Хорватии и Далмации. Созданный в Белграде демократический панславянский клуб активно распространял идею всеобщего вооруженного восстания с целью полного освобождения от турецкого ига. Обсуждался даже план сербского военного вторжения в Боснию и Герцеговину [3, с. 235]. Однако начало вооруженных действий постоянно откладывалось на неопределенный срок и, в конце концов, было решено вовсе отказаться от посылки в Воеводину добровольцев.

В Стамбуле внимательно следили за положением дел в Белграде и по достоинству оценили действия сербских властей. Порта полностью поддержала действия князя Александра Карагеоргиевича против венгерских повстанцев, с которыми уже боролись воеводинские сербы, и оценила их присвоением ему высшего воинского звания – мушира османской армии, а также передала в его распоряжение большую партию оружия и боеприпасов. В свою очередь эти действия турецкого правительства нашли полное понимание и поддержку у послов Великобритании и Франции в Стамбуле и консулов этих держав в Белграде [4, с. 593].

Такой демонстрацией поддержки сербского князя турецкое правительство стремилось, прежде всего, не допустить распространения революционных идей в славянских землях Османской империи, которых так опасалась Порта.

В ходе революционных событий в Австрийской империи внешняя политика Сербского княжества постепенно приобрела профранцузский характер. Французская дипломатия действовала через полковника Л. Быстжоновского, который в конце 1848 г. прибыл в сербскую столицу и обещал полное содействие властям княжества в деле создания южнославянского государства под верховной властью Турции в составе Сербии, Болгарии, Боснии и Герцеговины. И. Гарашанин на таких условиях был готов идти даже на примирение с венграми, хотя Сербия уже оказывала воеводинским сербам, которые боролись с ними, военную и материальную помощь [5, с. 260].

В конце 1848 г. австрийские войска вступили на территорию восставшей Венгрии, и И. Гарашанин понял, что империя Габсбургов еще достаточно сильна, и борьба венгров против нее обречена на поражение. В этих условиях сербский министр посчитал необходимым сделать ставку на совместное подавление венгерской революции. Правительство Сербии стало уже открыто отправлять в Воеводину добровольцев, которых возглавил С. Петрович-Кничанин. Во многом этому способствовало и изменение позиций консулов Австрии и Российской империи в Белграде, которые вначале выступали категорически против политики вмешательства Сербии в события в Воеводине, опасаясь распространения революции на территорию княжества, но затем поняли, что этого не произойдет и смягчили свою позицию. При этом Сербскому княжеству для усиления ее армии было выделено 10 тыс. ружей из российских arsenалов [6, л. 41].

С мая 1849 г. в Венгрии стало известно о том, что правительство Австрии решило просить императора Николая I о предоставлении ей необходимой военной помощи для скорейшего подавления революции. Это известие вынудило венгерское руководство искать мира с воеводинскими сербами и Сербским княжеством. Однако предложение венгерского генерала М. Перцеля, который действовал в Воеводине, о заключении мира с сербами не встретило понимания со стороны лидера венгров Л. Кошута, который говорил: «У Хорватии может быть бан, она может иметь провинциальное собрание, ибо имеется хорватская территория, но не может быть сербского воеводства, сербского провинциального собрания, ибо в Венгрии нет Сербии...» [7, с. 170 – 171].

В начале июня 1849 г. в Белград было доставлено письмо от российского императора и орден Белого орла для князя Александра Карагеоргиевича. Высокие российские награды получили и другие сербские руководители. При этом отмечалось, что они удостоены такого внимания за то, что заблаговременно приняли необходимые меры предосторожности, для того, чтобы оградить свою страну от соседних революционных потрясений, и, если приняли участие в судьбе славян Австрийской империи, то сумели быть благоразумными в этом деле [3, с. 239].

Венгерская революция в итоге была подавлена с помощью России и Австрийская империя, таким образом, была сохранена как единое государство. И.

Гарашанин понял, что воеводинские сербы не получают никаких привилегий за свое участие в борьбе с Венгрией, и вновь обратился к политической деятельности в южнославянских областях Османской империи, считая, что это принесет успех. В связи с этим помощники И. Гарашанина Й. Маринович, Т. Ковачевич и М. Бан разработали «Устав политической пропаганды, которую надо проводить в славяно-турецких землях». Единственной целью пропаганды объявлялась подготовка к полномасштабному вооруженному восстанию против турецкого господства на Балканах. После официального утверждения «Устава» сербские агенты начали развивать активную политическую деятельность в Далмации, Северной Албании, Черногории, Боснии и Герцеговине, привлекая на свою сторону наиболее влиятельных деятелей этих областей [1, с. 139].

Анализ «Устава» показывает, что в документе фактически отражались основные идеи, провозглашенные еще И. Гарашаниным в «Начертании». Но в отличие от программы главы внешнеполитического ведомства Сербии теперь задумывалось создание большого южнославянского государства, которое включало бы в себя кроме этнических сербов еще болгар и хорватов. При этом сохранилась прежняя ориентация во внешней политике на Францию.

В мае 1850 г. сербские организации по политической пропаганде были созданы во всех выше обозначенных областях. Однако вначале активная пропагандистская деятельность затем пошла на спад, так как революция 1848 – 1849 гг. закончилась, и надеяться на то, что она приведет к перестановке сил на Балканском полуострове, уже не приходилось. Все без исключения великие европейские державы выступали категорически против перемен в Юго-Восточной Европе и подозрительно относились к активизации внешней политики Сербского княжества. Примечательно, что сербское правительство даже вынуждено было отказать в поддержке крестьянским восстаниям против турецкой власти в Болгарии, Боснии и Герцеговине, чтобы открыто не противопоставлять Сербию великим державам [8, л. 66].

**Выводы.** Во внешнеполитической программе главы министерства иностранных дел Сербского княжества И. Гарашанина разрабатывались не только основы внешней политики, но и формировалась идея о создании независимого государства южных славян. Основные положения «Начертания» были заимствованы из «Плана» внешней политики Сербии Ф. Заха. После создания программы были сделаны попытки ее реализовать на практике, однако они не были воплощены в жизнь в результате объективных причин. Великие державы на данном этапе развития событий не были заинтересованы в изменении существующего порядка в Юго-Восточной Европе.

### Список литературы

1. Формирование национальных независимых государств на Балканах: конец XVIII – 70-е годы XIX в. / Ю.П. Аншаков, Г.Л. Арш, Е.К. Вяземская и др. – М.: Наука, 1986. – 430 с.

2. Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению сербских земель). / К.В. Никифоров. – М.: Институт славяновед. и балканистики РАН, 1995. – 188 с.
3. Международные отношения на Балканах 1830-1856 гг. / Г.Л. Арш, И.С. Варга, В.Н. Виноградов и др. – М.: Наука, 1990. – 350 с.
4. Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. – СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1887. – 640 с.
5. Лещиловская И.И. Общественно-политическая борьба в Хорватии 1848-1849 гг. – М.: Наука, 1977. – 304 с.
6. АВПРИ. – Ф. Санкт-Петербургский Главный архив. – I-9. – 1837-1854 гг. – Оп. 12. – Д. 4.
7. История Венгрии / И.М. Мешко, Т.М. Исламов, А. Авербух и др. – М.: Наука, 1972. - Т.2. – 599 с.
8. АВПРИ. – Ф. Санкт-Петербургский Главный архив. – V-A2. – 1850 г. – Оп. 12. – Д. 223.

УДК 343.8

**С.А. Маковецкий**

**Кандидат экономических наук, декан факультета подготовки кадров для Министерства доходов и сборов ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия» (г. Донецк)  
(e-mail: duaftn@mail.ru)**

## **К ВОПРОСУ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ**

*В статье рассматриваются различные подходы к определению сущности дефиниции «электронная коммерция». Осуществляется обзор основных видов и способов совершения данной категории преступлений. Дана общая характеристика уголовно-правовых отношений в сфере электронной коммерции.*

**Ключевые слова:** преступления в сфере экономики, электронная коммерция, уголовно-правовая охрана.

**Маковецкий С.А.**

## **TO THE QUESTION OF CRIMES IN ELECTRONIC COMMERCE SPHERE**

*In the article various approaches to definition of essence of definition «electronic commerce» are considered. The main types and methods of committing this category of crimes are reviewed. The general characteristic of criminal legal relations in the field of electronic commerce is given.*

**Keywords:** economic crimes, e-commerce, criminal-legal protection.

**Актуальность темы исследования.** Развитие информационно-коммуникационных технологий во второй половине XX века кардинально изменило мир, предоставило новые, возможности развития общества. Тенденции развития информатизации, касаются практически всех сфер жизнедеятельности, включая экономику, государственное управление, науку, искусство, следует отметить стремительное развитие информационной сети Интернет. Развитие происходит настолько стремительно, что большинство крупнейших мировых компаний, наряду с традиционным Off-line бизнесом начинают использовать и электронную коммерцию. Стремительное развитие электронной коммерции ставит перед государственными органами стран и компьютерной индустрией ряд важных задач. Электронная торговля все глубже проникает в жизнь общества, приобретая при этом новые формы. Информационные технологии получили приоритетное значение для правительств, деловых кругов и правовых органов. Разрабатываются и продолжают разрабатываться многочисленные рекомендации в административной, правовой, экономической и технической сферах. Следует отметить, что появление и развитие отдельных направлений электронной коммерции изначально шло параллельно с поиском методов и технологий, позволяющих использовать возможности электронной экономики в преступных целях. Известно, что технологии электронной коммерции являются весьма привлекательными для компьютерных преступников. Этому есть целый ряд объяснений, основанных на существующих принципах обмена информацией в глобальной компьютерной сети и несовершенствах распространенных технологий защиты информации. На сегодняшний день еще не существует четкой системы противодействия компьютерным преступлениям и защиты современных технологий, основанных на обмене информацией через Интернет.

**Анализ научных исследований.** До настоящего времени вопросы регулирования отношений в сфере электронной коммерции были в основном предметом анализа ученых в области общего права, информационного и гражданского права: Ю. М. Батурина, И. Л. Бачило, В. М. Богданова, Е. К. Волчинской, О. А. Гаврилова, В. А. Копылова, В. Н. Лопатина, Н.В. Миненковой, А. В. Морозова, В. А. Севернина, А. А. Стрельцова, Л.К.Терещенко, А. А. Фатьянова, М. А. Федотова, Д. Б. Фролова. Проблемы квалификации и противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий, нашли отражение в работах А.И. Бойцова, Л. А. Букалеровой, В. Б. Вехова, Е. А. Войниканиса, В.В.Голубева, У. В. Зининой, В. В. Крылова, Г. О. Крылова, Н. Е. Крыловой, В.Б. Наумова, А. Л. Осипенко, И. М. Рассолова, М. М. Рассолова, М.В.Якушева.

Отдельные аспекты уголовно-правовой охраны информационной экономики рассматривались в работах, посвященных общетеоретическим и правоприменительным проблемам уголовного права, А. И. Бойко, Г.Н.Борзенкова, Л. Д. Гаухмана, А. И. Долговой, М. А. Ефремовой, А.Э.Жалинского, И. Э. Звечаровского, Н. Г. Иванова, А. А. Комарова, В.С.Комиссарова, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, Н. А. Лопашенко,



С.В.Максимова, А. В. Наумова, С. И. Никулина, Н. И. Пикурова, В.С.Постникова, Б. Т. Разгильдиева, А. И. Рарога, Т. Б. Румянцевой, Т.Д.Сергеевой, Л. А. Хафизовой, П. С. Яни, Б. В. Яцеленко и других исследователей.

В трудах указанных авторов освещены проблемы противодействия общественно опасным проявлениям преимущественно в сфере экономической деятельности, в то время как специальные исследования преступлений в сфере электронной коммерции не проводились.

**Цель статьи.** Определить сущность дефиниции «электронная коммерция». Осуществить обзор основных видов и способов совершения данной категории преступлений. Дать общую характеристику уголовно-правовых отношений в сфере электронной коммерции.

**Изложение основного материала.** Повышение популярности понятия «электронная коммерция» произошло в результате его постоянного отождествления с термином «электронный бизнес». Однако со временем исследователи начали отделять электронную коммерцию от электронного бизнеса [1]. Изучив определение понятия «электронная коммерция», можем утверждать, что учёные не имеют единого подхода к трактовке этого понятия [2].

Компании, которые внедряют инструменты электронного бизнеса в свою деятельность, получают ряд конкурентных преимуществ за счет уменьшения затрат времени и средств на поиск, сбор и обработку информации. Перед ними открываются новые рынки и сферы действительности, упрощается сбыту и логистика, становятся доступными высокоэффективные методы привлечения новых и повышается уровень обслуживания имеющихся клиентов с возможностью их поддержки в режиме 24/7. Кроме того, необходимо понимать, что понятия электронная коммерция и электронная торговля не являются идентичными. Электронная коммерция является более широкой сферой деятельности и включает в себя электронную торговлю. По мнению Н. Л. Савицкой, электронная коммерция понимается в нескольких значениях – узком (рассматривается как коммерческая деятельность только интернет-провайдеров и производителей информационных технологий), суженном (отождествляется с электронной торговлей, когда имеется в виду осуществление покупки продажи физических, цифровых товаров, услуг, купонов и билетов через Интернет) и широком (все возможные способы использования информационно цифрового пространства и технологий для распределения деловой информации, выстраивание отношений между субъектами рынка и осуществления хозяйственной деятельности) [3]. Из вышесказанного, ясно, что электронная коммерция, является составной частью электронного бизнеса, наиболее развитой, воплощенной в жизнь его сферой. А Интернет-торговля является направлением электронной коммерции, ее пониманием в самом узком смысле, который создает принципиально новые возможности и ориентирован на торговлю с использованием информационных технологий и сети Интернет.

По мнению автора, «электронная коммерция» – это специфическая часть электронного бизнеса, которая включает в себя общественные отношения

относительно купли-продажи товаров, услуг и информации через Интернет с использованием всех инструментов, которые доступны в сети (Интернет реклама, проведение платежей и организации доставки и др.).

В подавляющем большинстве зарубежные авторы, объясняя понятие электронной коммерции, обобщают ее как деятельность, охватывающую все типы электронных транзакций между организациями и заинтересованными лицами [4].

А. Саммер, Дж. Дункан и В. Звасс считают, что «электронная коммерция» – это любая форма бизнес-процесса, когда взаимодействие между субъектами происходит электронным путем с использованием Интернет технологий [5, 6].

Д. Козье, в свою очередь, отмечает, что «электронная коммерция» включает в себя не только куплю-продажу товаров и услуг через Интернет для непосредственного получения прибыли. В это понятие, по его мнению, также входит поддержка получения прибыли, создания спроса на товары и услуги, внедрения послепродажного обслуживания клиентов облегчения взаимодействия между деловыми партнерами [7].

Среди отечественных ученых позицию, предложенную Д. Козье, разделяют А.В. Волокитин, А. П. Маню-Шкин, А. В. Солдатов и А. В. Мартов. Под «электронной коммерцией» они понимают технологию, которая обеспечивает полный замкнутый цикл операций, который включает заказ товара (услуги), проведение платежей, участие в управление доставкой товара (выполнения услуги) преимущественно ориентированную на получение прибыли в результате сделок и транзакций в Интернете [8]. Интересен подход Г. М. Хубаева, который считает, что «электронная коммерция» – такая форма поставки продукции, при которой выбор и заказ товаров осуществляется через компьютерные сети, а расчеты между покупателем и поставщиком осуществляются с использованием электронных документов и/или средств платежа [9].

Такие ученые как Г. Ю. Царев, А. М. Береза, А. Н. Юдин и И. А. Трубин под «электронной коммерцией» предлагают понимать деловую активность и вид общественных отношений по купле-продаже товаров и услуг, предусматривающий взаимодействие сторон на основе информационных сетей (без непосредственного физического контакта) [10, 11]. При множестве подходов к трактовке данного понятия и глубокому и всестороннему уровню актуальности развития рынка электронной коммерции и быстрым трансформационным преобразованиям в области информационно-коммуникационных технологий и инноваций обуславливают необходимость дальнейшего исследования данного вопроса.

Таким образом, на основании вышеизложенных мнений, автор предлагает охарактеризовать понятие электронная коммерция, следующими основными признаками: является особым сегментом экономики любого государства, регулируется общими для всех видов экономической деятельности принципами, воспроизводит основные черты реальной экономики с определенной, присущей ей спецификой, ведется полностью или частично в виртуальном пространстве, не

имеющем границ, базируется на информационных технологиях, осуществляется в глобальном масштабе, заключается в производстве, обмене и потреблении товаров и услуг между самостоятельными производителями и потребителями путем использования электронных коммуникаций, имеет сетевую структуру, требует самостоятельного правового регулирования.

Так как электронная коммерция, быстро набирает популярность, как за рубежом так и на территории Донецкой Народной Республики, объемы ее растут с каждым годом и постепенно она перерастает в высоко эффективную форму товарно-денежных отношений, то заинтересованность к ней повысилась со стороны не только экономистов как теоретиков, так и практиков, а и со стороны юристов и представителей правоохранительной системы.

Электронному бизнесу, как и любому другому сектору экономики, присущи и негативные черты, выражающиеся в желании отдельных людей завладеть незаконным путем собственностью других, и соответственно, с этим связаны преступления. Анализ ситуации на рынке показывает, что наиболее динамично растущие отрасли экономики непосредственно связаны с использованием телекоммуникационных, в том числе мобильных, Интернета и других, «высоких» технологий. В данном аспекте необходимо особое внимание уделить киберпреступности. Термин «компьютерная преступность» (киберпреступность) впервые появился в американской, а затем и другой зарубежной печати в начале 60-х годов прошлого столетия. В 1983 г. в Париже группой экспертов Организации экономического сотрудничества и развития было дано криминологическое определение компьютерного преступления как незаконного, неэтичного или неразрешенного поведения, затрагивающего автоматизированную обработку и (или) передачу данных [12]. С точки зрения экспертов ООН, преступление в сфере компьютерной информации включает любое преступление, которое может совершаться при помощи, в рамках или против компьютерной информации или компьютерных средств [13]. В инструктивных материалах Интерпола «цифровые преступления» (digital crimes) делятся на три группы: 1) собственно компьютерные преступления (нарушение авторских прав на программное обеспечение, хищение данных, нарушение работы вычислительных систем и т.д.); 2) преступления, связанные с компьютерами (финансовое мошенничество); 3) сетевая преступность (использование сетей для совершения незаконных сделок) [14].

Международная Конвенция о киберпреступности дает еще более широкий перечень киберпреступлений и предлагает криминализовать следующие деяния:

— противозаконный доступ, неправомерный перехват, воздействие на данные (согласно ч. 2 ст. 4 Конвенции преимущественно квалифицируются как преступления только те случаи воздействия на данные, которые влекут за собой серьезный ущерб), воздействие на функционирование системы, противозаконное использование устройств — преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем;

— подлог с использованием компьютерных технологий, мошенничество с использованием компьютерных технологий — правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств;

— правонарушения, связанные с детской порнографией, — правонарушения, связанные с содержанием данных;

— правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав [13].

Таким образом, в качестве киберпреступлений (компьютерных преступлений) Конвенция рассматривает не только деяния, непосредственно связанные с операциями с компьютерной информацией (доступ, перехват), но и деяния, при совершении которых компьютер выступает как орудие совершения преступления (подлог, мошенничество).

Отличительными чертами киберпреступлений в области электронной коммерции являются:

- целенаправленный характер;
- организованность и высокая координация при совершении преступления;

- групповой характер;
- международный состав, как преступной группы, так и пострадавших;
- почти всегда, предпринимаются действия по сокрытию следов преступления;

- чаще всего, требуют особых знаний и навыков, часто одним из соучастников является злонамеренный инсайдер, а также осуществляется квалифицированное юридическое сопровождение;

- трудно доказать преступный состав действий, даже если эти они носят явно асоциальный/преступный характер.

Считаем, что невозможно дать исчерпывающий перечень способов совершения преступлений в области электронной коммерции, так как наряду с известными способами, постоянно появляются новые, более изощрённые.

К наиболее часто встречающимся преступлениям можно отнести:

- фишинг – представляет широкий спектр преступлений. Используется в качестве основного или вспомогательного средства в подавляющем большинстве случаев;

- фальсификация электронных платёжных средств;
- мошенничество с использованием пластиковых карт;
- удалённый НСД к серверам платёжной системы и доступ с использованием служебного положения;

- перехват трафика, чтение почты, а также вирусы и троянские программы для сбора платёжной информации и ключей доступа;

- скиминг – получение данных пластиковых карт посредством физической установки на банкоматы специальных накладок для считывания данных карт и PIN-кодов;

- взлом интернет-магазинов и плохо защищённых платёжных систем;
- фиктивные покупки в Интернет-магазинах и казино;

- легализация незаконно приобретённых денежных средств;
- сбор и торговля конфиденциальной информацией или незаконными товарами и услугами, используя сервера страны с более "свободным" законодательством и правовой обстановкой;
- преступная небрежность при функционировании точек продаж;
- продажа заведомо некачественных/не соответствующих описанию/несуществующих товаров.

Некоторые авторы всю совокупность преступлений в сфере электронного бизнеса делят на две большие группы: преступления с использованием пластиковых карт и иные компьютерные преступления. Первые включают скимминг, кардинг, преступления с использованием банкоматов и т.п. Ко второй группе относятся преступления на рынке ценных бумаг, с использованием интернет-аукционов, финансовых пирамид, хищение информации, применение вирусов и т.д.

Классификацию по объектам (носителям следовой информации) дает В.Е. Козлов: несанкционированный доступ, злонамеренная вирусная модификация, перехват информации, комбинированное использование [15].

С учетом современного состояния экономического, социального и правового развития нашего общества, на наш взгляд, правильной является следующая классификация преступлений в сфере электронной коммерции:

- 1) незаконные операции с банковскими пластиковыми картами;
- 2) интернет-мошенничества на рынке ценных бумаг;
- 3) финансовые пирамиды в Интернете;
- 4) преступления с использованием мобильной связи;
- 5) иные преступления в сфере электронной коммерции.

Особенностью отношений, складывающихся в любом секторе электронной коммерции, является их многомерность. Субъектами отношений в сфере электронной коммерции являются коммерческие и некоммерческие организации, физические лица, государственные или муниципальные структуры, а также информационные посредники, организаторы электронной коммерции (организаторы распространения информации). Отношения между этими лицами, формирующиеся по поводу предоставления товаров, выполнения работ, оказания услуг, определяют содержание общественных отношений в сфере электронной коммерции и являются объектом правового регулирования.

По преступной мотивации исследуемые деяния дифференцируются: на деяния, направленные на получение имущественной выгоды; деяния, характеризующиеся полимотивированностью криминальной деятельности лица; деяния, мотив совершения которых не влияет на квалификацию преступления. С учетом потенциальных трендов преступности в области электронной коммерции преступления в сфере электронной коммерции по способу их совершения можно подразделить на насильственные и с насильем не сопряженные. Деяния, не сопряженные с насильем, совершаются: с помощью обмана или злоупотребления доверием; посредством подлога; с использованием служебного положения; путем

нарушения установленных законом правил осуществления определенных видов деятельности.

Обязательным признаком преступлений в сфере электронной коммерции выступает предмет преступления, влияющий на правовую оценку совершенного деяния. Особенности преступлений в исследуемом экономическом сегменте определяют специфику их предмета. Предметы преступления, обращающиеся только в виртуальном пространстве, относятся к числу неосязаемых субстанций, т. е. не имеют материальной формы, объемного выражения, не воспринимаются органами чувств человека без адаптации с помощью программного обеспечения. Предметы преступления, содержащиеся в реальном пространстве, относятся к числу предметов материального мира, но при этом являются либо товаром, предлагаемым на интернет-ресурсах, либо носителем определенной компьютерной информации, чаще всего экономического характера (например, кредитные и иные платежные карты). Предметы преступлений в сфере электронной коммерции могут находиться в свободном гражданском обороте или относиться к числу изъятых из свободного обращения. Предметы преступлений выступают в виде товара, работы или услуги. Оборота ряда новых видов товаров и услуг, предоставляемых потребителям в сфере электронной коммерции, создает серьезные криминальные риски и должен быть ограничен уголовно-правовыми средствами. Новые виды предметов преступлений, находящихся в электронном экономическом обороте, обладают признаками товара, но не имеют самостоятельного правового статуса, что не позволяет должным образом защитить интересы участников отношений в сфере электронной коммерции.

Автором так же отмечаются особенности уголовной ответственности, а именно, физические лица в отличие от юридических могут нести ответственность за различные виды нарушений в соответствии и с гражданским, и с административным, и с уголовным законодательством. Такой подход нарушает равенство субъектов отношений, складывающихся в информационной среде, перед законом, предоставляя юридическим лицам существенные преференции. Проведенное исследование российских доктринальных источников, позиций правоприменителей, зарубежного законодательства и правоприменительной практики, международных правовых актов относительно уголовной ответственности юридических лиц позволило сделать вывод о целесообразности введения в отечественном праве уголовной ответственности юридических лиц. Условиями их ответственности следует признавать: совершение преступления от имени юридического лица и в его интересах либо использование компании в преступных целях.

На сегодняшний день, уголовная политика ДНР призвана обеспечить криминологическую безопасность в обществе. На текущем этапе государственного строительства ее реализация характеризуется противоречивостью, отсутствием системности. Это выражается и в низком уровне нормативного регулирования, и в слабом кадровом составе правоприменителей. Законы подменяются разрозненными подзаконными нормативными актами, все правоохранительные органы и судебная система не укомплектованы

качественним составом сотрудников. Такая ситуация, конечно, опосредована ситуацией военно-политического конфликта, но должна быть исправлена. Сейчас перед государством стоит концептуальный выбор пути формирования и развития уголовной политики.

### Список литературы

1. Ховрак, І. В. Електронна комерція в Україні: переваги та недоліки [Текст] / І. В. Ховрак // Економіка. Фінанси. Право. - 2013. - № 4. - С. 16-20.
2. Євтушенко, Д. Д. Електронний бізнес, електронна комерція, Інтернет-торгівля: сутність та взаємозв'язок понять [Текст] / Д. Д. Євтушенко // Бізнес Інформ. - 2014. - № 8. - С. 184-188.
3. Савицька, Н. Л. Драйвери та бар'єри розвитку онлайн-ритейлу: теоретико-методичний аспект [Текст] / Н. Л. Савицька // Бізнес Інформ. - 2014. - № 10. - С. 236-241.
4. Chaffey, D. E-business and E-commerce Management. Strategy, Implementation and Practice [Text] / D. Chaffey. - Upper Saddle River: Prentice Hall, 2009. - 764 p.
5. Summer, A. E-Commerce [Text] / A. Summer, Gr. Dunkan. - New York: NYU Publishing, 1999. - 263 p.
6. Zwass, V. Electronic Commerce: Structures and Issues [Text] / V. Zwass // International Journal of Electronic Commerce. - 1996. - Vol. 1, Issue 1. - P. 3-23. doi: 10.1080/10864415.1996.11518273
7. Козье, Д. Электронная коммерция [Текст] / Д. Козье. - М.: Издательско-торговый дом «Русская редакция», 1999. - 288 с.
8. Мартовой, А. В. Сущность и основные характеристики электронного бизнеса, электронной коммерции, электронного и интернет-маркетинга [Текст] / А. В. Мартовой // Культура народов Причерноморья. - 2004. - Т. 1, № 56. - С. 146-152. - Режим доступа: <http://dspace.nbuu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/36241/37-Martovoy.pdf>
9. Хубаев, Г. Н. Маркетинг информационных продуктов и услуг [Текст] / Г. Н. Хубаев. - Ростов-на-Дону: РГЭУ «РИНХ», 2005. - 224 с.
10. Юдін, О. М. Системи електронної комерції: створення, просування і розвиток [Текст]: монографія / О. М. Юдін, М. В. Макарова, Р. М. Лавренюк. - Полтава: РВВ ПУЕТ, 2011. - 201 с.
11. Трубін, І. О. Правові засади функціонування електронних грошей у сфері електронної комерції [Текст]: монографія / І. О. Трубін. - К.: Алерта, 2013. - 136 с.
12. Юрасов А.В. Электронная коммерция: Учебное пособие. М.: Дело, 2003. С. 394.
13. Конвенция Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» (ETS № 185). Будапешт, 23 ноября 2001 г. // <http://forum.grani.ru/cybercrime>

14. Старостина Е.В., Фролов Д.Б. Защита от компьютерных преступлений и кибертерроризма. М.: Эксмо, 2005. С. 19.

15. Козлов В.Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью. М., 2002. С. 129—143.

УДК 343.13

**Т. М. Мамона**

**Аспирант, Донбасская юридическая академия, г. Донецк**  
(e-mail: tuz\_1976@mail.ru)

### **АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

*В статье исследуются актуальные вопросы, касающиеся осуществления защиты в уголовном процессе. Автором указываются отдельные замечания и обосновываются предложения по усовершенствованию правового регулирования указанной деятельности.*

**Ключевые слова:** уголовно-процессуальный кодекс, защитник, предварительное следствие, уголовное дело.

**Мамона Т. М.**

### **ACTUAL ISSUES OF IMPLEMENTATION OF PROTECTION IN CRIMINAL PROCESS**

This article explores current issues of criminal proceedings protection in the criminal process. The author points out the individual notes and justified proposals on improvement of legal regulation of this activity.

**Key words:** criminal procedure code, the defender, the preliminary investigation, criminal case.

В Донецкой Народной Республике (далее ДНР) происходят демократические преобразования, о чем свидетельствует принятие Конституции ДНР, которая провозглашает права и свободы граждан и гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи.

**Актуальность данной темы** обусловлена необходимостью усовершенствования законодательства о правовом положении защитника в уголовном процессе, правового урегулирования отдельных вопросов, способствующих реализации на практике права каждого подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи.

**Целью данной работы** является определение отдельных дискуссионных вопросов уголовно-процессуального законодательства, касающихся правовой регламентации обеспечения права на защиту, и внесение предложений по усовершенствованию правового регулирования указанной деятельности.



Для Донецкой Народной Республики наивысшей ценностью является человек, его права и свободы. В свою очередь, первоочередной задачей государственных органов и должностных лиц ДНР является защита прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с Конституцией ДНР гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина, каждый вправе защищать свои права и свободы способами, не противоречащими законам.

В соответствии со ст. 41 Конституции ДНР «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения» [7].

Одним из конституционных принципов судопроизводства является обеспечение подозреваемому, обвиняемому и подсудимому права на защиту.

Право на защиту подразумевает гарантирование конституционных и процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, предоставление возможности самостоятельно или с помощью защитника оспаривать предъявленное подозрение или обвинение, доказывать невиновность либо непричастность к совершению преступления, защищать конституционные права и законные интересы.

Право на защиту предполагает, что органы дознания, предварительного следствия и суд обязаны разъяснить подозреваемому, обвиняемому и подсудимому их процессуальные права и обеспечить возможность их осуществления.

Право на защиту реализуется в следующих формах:

- осуществление защиты подозреваемым, обвиняемым и подсудимым самостоятельно;
- осуществление защиты указанных лиц посредством участия в деле защитника.

В соответствии со ст.45 УПК ДНР, участие защитника обязательно при проведении дознания, предварительного следствия, рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции:

- 1) по делам лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления в возрасте до 18 лет;
- 2) по делам о преступлениях лиц, которые вследствие своих физических или психических недостатков (немые, глухие, слепые и т.п.) не могут сами реализовать свое право на защиту;
- 3) по делам лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство;
- 4) если санкция статьи, по которой квалифицируется преступление, предусматривает пожизненное заключение или смертную казнь;

5) при производстве по делу о применении принудительных мер медицинского характера;

б) при производстве по делу о применении принудительных мер воспитательного характера.

В суде апелляционной инстанции участие защитника является обязательным, если в апелляции ставится вопрос об ухудшении положения осужденного или оправданного.

Проанализировав ст. 45 УПК ДНР мы видим, что законодатель максимально полно обеспечивает охрану прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, которые, в силу определенных обстоятельств, нуждаются в дополнительных процессуальных гарантиях осуществления права на защиту. Такая гарантия обеспечивается обязательным для органов дознания, предварительного следствия и суда требованием приглашать защитника на стадии предварительного следствия и судебного разбирательства [13].

Процессуальное равноправие стороны обвинения и стороны защиты обеспечивается за счет обязательного участия защитника.

Невыполнение требований об обязательном участии защитника в указанных выше ситуациях является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона и ограничивает такое лицо в реализации его права на защиту.

Следует обратить внимание, что право на участие защитника в уголовном процессе у подозреваемого, обвиняемого возникает до его первого допроса.

Право подозреваемого, обвиняемого на защиту по уголовному делу предполагает состязательное ведение процесса, при котором всем участникам предоставляются равные права, и подозреваемый, обвиняемый обладает возможностью самостоятельно или с помощью защитника опровергать предъявленное обвинение.

Следует согласиться с мнением К.В. Питулько, которая считает, что обеспечение права на защиту имеет важное значение для судопроизводства благодаря тому, что правосудие не может иметь обвинительный уклон, законодателю необходимо гарантировать реализацию права на защиту для каждого подозреваемого или обвиняемого [11, с.136].

Говоря о защите в уголовном процессе, мы исходим из того, что лицо совершило преступление и ему инкриминируется конкретный состав преступления, формируется первоначальное обвинение. Защита существует параллельно с ним на всех этапах движения уголовного дела, на которых имеет место обвинение. «Если нет обвинения, то, – как справедливо отмечает В.Д. Адаменко, – защита бессмысленна» [1, с.9]. Аналогичную точку зрения высказывает А.М. Ларин, утверждающий, что защита мыслима, когда существует обвинение - уголовное преследование, от которого надо защищаться» [8, с.29].

Ученые процессуалисты определяют право подозреваемого или обвиняемого на защиту как комплекс процессуальных прав, предоставляемых на законодательном уровне подозреваемому, обвиняемому для защиты от

предъявленного обвинения, предоставления доказательств в свое оправдание или для смягчения ответственности [2, с.30]. Под правом на защиту понимается также возможность защищать свои права любыми средствами и способами, не противоречащими закону. Кроме того, в это понятие входит и то, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет установлена судом [3, с.14].

Законодатель не только провозглашает право подозреваемого, обвиняемого на защиту, но и требует от дознавателя, следователя, прокурора и суда обеспечения обвиняемому возможностью воспользоваться своими правами, которые, в частности должны быть ему четко разъяснены. Таким образом, речь идет не просто о провозглашении права на защиту, а об обязательном обеспечении этого права [4, с.50].

Стоит обратить внимание на точку зрения А.А. Леви, «это не исключает иногда возможность злоупотребления правонарушителем процессуальными гарантиями права на защиту, но и отсутствие подобных гарантий создает, в свою очередь возможности для злоупотребления со стороны должностных лиц правоохранительных органов, а это по своим последствиям часто гораздо опаснее для общества» [9, с.7].

Современные ученые-процессуалисты также полагают, что отказ от участия в деле защитника на первых стадиях уголовного процесса, как правило, является вынужденным. В этом отношении некоторые авторы указывают, что отказ от защитника на ранних этапах процесса преимущественно является вынужденным. Так, например, Н.Трофименко провел социологический опрос осужденных лиц, который показал, что примерно 40% отказавшихся от защитника, сделали это под воздействием следователей, обмана или были поставлены в такую ситуацию, когда вынуждены были отказаться от защитника. Это, по его мнению, свидетельствует о том, что настоящие причины не выясняются [12, с.26].

Стоит отметить, что расширение сферы судебного контроля во время предварительного следствия даст возможность гарантировать реальное обеспечение права на защиту.

Изыявление желания иметь защитника или отказаться от него – это неотъемлемое право задержанного и гарантия его волеизъявления. Однако следует отметить, что факт отсутствия защитника в период задержания негативно сказывается на эффективности обжалования процессуальных решений следователя. В момент задержания защищать свои права подозреваемый реально не может, так как жалоба задержанного лица на основания и порядок задержания, подготовительные действия к обжалованию вряд ли могут быть составленными профессионально, юридически грамотно, если он проявит желание осуществлять свою защиту самостоятельно [10 с. 11].

Обеспечение права на защиту по уголовному делу не считается личным делом подозреваемого или обвиняемого. В соответствии с законом должностные лица правоохранительных органов обязаны выявить как отягчающие, так и смягчающие ответственность обстоятельства. На них же возложена обязанность разъяснения подозреваемому, обвиняемому его прав (ст. ст. 42, 43 УПК ДНР). Это

требование вытекает из обязанностей государства обеспечить соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Содержанием права подозреваемого (обвиняемого) на защиту является:

- 1) наделение подозреваемого (обвиняемого) процессуальными правами;
- 2) возможность пользоваться помощью защитника;

3) обязанность следователя, органа дознания, прокурора и суда обеспечить подозреваемому, обвиняемому реальную возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного обвинения.

Таким образом, право подозреваемого, обвиняемого на защиту в ходе дознания, предварительного следствия или в суде предполагает и право на профессиональную юридическую помощь оказываемую защитником. Участие защитника в уголовном процессе является одной из важнейших гарантий права подозреваемого, обвиняемого на защиту.

Согласно законодательства ДНР и международной практике, защиту по уголовным делам осуществляет защитник (адвокат).

Защитником в соответствии со ст. 44 УПК ДНР является лицо, которое в установленном законом порядке уполномочено осуществлять защиту прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного и предоставления им необходимой юридической помощи при производстве по уголовному делу. В качестве защитника допускаются лица, имеющие свидетельство о праве на занятие адвокатской деятельностью в Донецкой Народной Республике, и другие специалисты в области права, которые по закону имеют право на предоставление правовой помощи лично или по поручению юридического лица, в качестве защитников допускаются близкие родственники обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного, его опекуны или попечители.

Правовая помощь защитника приобретает особую актуальность при собирании и исследовании доказательств по уголовному делу. Защитник, максимально используя предоставленные ему права, может:

- в процессе расследования выявить неполноту обстоятельств положенных в основу задержания, обвинения, имеющих значение для смягчения ответственности или исключения вины;
- в случае нарушения прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого потребовать их устранения;
- обнаружить слабые и сомнительные стороны обвинения, и устранить пробелы следствия.

Содержательную сторону функции защиты в уголовном процессе составляет деятельность защитника, что способствует установлению объективной истины в уголовном деле, а также является процессуальной гарантией реализации конституционного права каждого гражданина на правовую помощь.

Адвокатом может быть лицо, которое имеет высшее юридическое образование, стаж работы в отрасли права не менее двух лет, сдавший квалификационный экзамен, прошедший стажировку, принявший присягу адвоката Донецкой Народной Республики и получивший свидетельство о праве

на занятие адвокатской деятельностью (ст. 8 Закона ДНР «Об адвокатуре и адвокатской деятельности») [6].

Осуществляя свои профессиональные обязанности, связанные с оказанием юридической помощи при производстве по уголовному делу, адвокат должен соблюдать требования действующего законодательства, использовать все предусмотренные законом средства защиты прав и законных интересов подзащитных.

Адвокат в процессе своей деятельности не имеет права использовать свои полномочия во вред лицу, в интересах которого он принял поручение. Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Однако в исключительных случаях адвокат вправе отказаться от выполнения своих обязанностей после допуска к участию в деле, а именно: а) если имеются обстоятельства, которые в соответствии со ст. 66 УПК ДНР исключают его участие в деле; б) если адвокат мотивирует свой отказ недостаточными знаниями или некомпетентностью (имеется в виду ограниченный объем знаний применительно к конкретному делу, либо категории уголовных дел.

Защитник-адвокат обязан сохранять адвокатскую тайну. Предметом адвокатской тайны являются вопросы, по поводу которых лицо обратилось к адвокату, суть консультации, советов, разъяснений, а также иные сведения, полученные адвокатом при осуществлении своих профессиональных обязанностей. Моментом возникновения обязанности сохранять адвокатскую тайну следует считать момент обращения гражданина к адвокату.

Адвокату запрещается разглашать сведения, составляющие предмет адвокатской тайны, и использовать их в своих интересах либо в интересах третьих лиц. Данные предварительного следствия, ставшие известными адвокату в связи с выполнением им функции защиты в уголовном деле, могут разглашаться только с разрешения следователя, в чьем производстве находится уголовное дело, либо соответствующего прокурора.

В случае разглашения таких сведений (имеются в виду сведения, собранные в ходе производства предварительного следствия или дознания и которые содержатся в протоколах, постановлениях и иных документах, находящихся в уголовном деле) адвокат, как и иные лица, являющиеся защитниками, несут ответственность в соответствии с УК ДНР.

В то же время, адвокат, как и иные лица, обладающие процессуальным статусом защитника в уголовном процессе, обязан не препятствовать установлению истины по делу путем совершения действий, направленных на то, чтобы склонить свидетеля или потерпевшего к отказу от показаний или к даче заведомо ложных показаний, склонить эксперта к отказу от дачи заключения или даче заведомо ложного заключения. Недопустимо осуществление каких-либо действий, имеющих целью фальсифицировать доказательства по делу или затянуть расследование либо судебное разбирательство дела.

В качестве защитников могут выступать также и близкие родственники. В соответствии со ст. 33 УПК ДНР таковыми являются: родители, жена, муж, дети, родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки.

Защитниками в уголовном деле также могут выступать специалисты в области права, имеющие по закону право на предоставление правовой помощи лично либо по поручению юридического лица.

Количество защитников, которые могут защищать права и законные интересы одного подозреваемого, обвиняемого, подсудимого законом не ограничивается.

Защитник допускается к участию в деле в любой стадии процесса. Однако близкие родственники обвиняемого в качестве защитников допускаются к участию в деле с момента предъявления обвиняемому для ознакомления материалов предварительного следствия. Кроме того, в случаях, когда участие защитника является обязательным (ст. 45 УПК ДНР), близкие родственники обвиняемого могут участвовать в деле в качестве защитников лишь одновременно с защитником-адвокатом либо защитником – иным специалистом в области права, имеющим по закону право на предоставление правовой помощи лично либо по поручению юридического лица.

С момента обращения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого с просьбой об оказании юридической помощи, защитник вступает в процесс.

Назначение защитника имеет место в случаях, когда:

а) в соответствии с требованиями ч. 1 и ч. 2 ст. 45 УПК ДНР участие защитника обязательно, но подозреваемый, обвиняемый, подсудимый не желает или не может пригласить защитника;

б) когда подозреваемый, обвиняемый, подсудимый желает пригласить защитника, но из-за отсутствия средств или по другим объективным причинам не может этого сделать.

Нарушение права на защиту является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона и влечет отмену процессуального решения с возвращением дела на стадию, на которой было допущено нарушение, в случае возможности его устранения (п. 3 ч. 2 ст. 386 УПК ДНР). Судебные решения подлежат, в частности, обязательной отмене в случаях, когда такое нарушение лишило или ограничило подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или его защитника в осуществлении этого права и воспрепятствовало или могло воспрепятствовать суду всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело и вынести законное и обоснованное судебное решение.

Является нарушением права обвиняемого на защиту его вынужденный отказ от участия в уголовно-процессуальной деятельности (например, от дачи показаний, свиданий с защитником, ознакомления с материалами дела, в связи с болезнью и нахождением на стационарном лечении), если обвинение было предъявлено обвиняемому с участием адвоката, против услуг которого он возражал.

Вопрос обеспечения права на защиту в Донецкой Народной Республике является в настоящее время актуальным, о чем свидетельствует законодательная

инициатива об установлении уголовной ответственности следователя, прокурора или судьи за недопущение или несвоевременное предоставление защитника подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, либо другое грубое нарушение их прав на защиту [5, с.54].

**Таким образом, можно сделать следующие выводы:**

1. Обеспечение права на защиту от уголовного обвинения является одним из важнейших институтов уголовного процесса. Без него невозможно реализовать конституционное требование об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон.

2. Нарушение права подозреваемого (обвиняемого) на защиту является существенным нарушением норм уголовно-процессуального закона, которое влечет за собой отмену судебного решения.

3. Одной из гарантий реализации принципа права на защиту является право лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений пользоваться помощью защитника.

4. Роль защитника состоит в том, что он является гарантом соблюдения прав подозреваемого (обвиняемого).

Считаем, что в ходе усовершенствования нового УПК ДНР, законодателю необходимо включить в него норму следующего содержания: «Сведения, полученные от подозреваемого, обвиняемого или подсудимого с нарушением норм УПК, а также в отсутствие защитника, в тех случаях, когда его участие является обязательным или о таком участии заявлено ходатайство указанных субъектов – влечет за собой признание судом таких данных ненадлежащими, и исключает принятие их в основу соответствующего процессуального решения в форме постановления или приговора».

### Список литературы

1. Адаменко В.Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого. – Томск, 1983. – С. 9, 127.

2. Алиев Т.Т., Громов Н.А., Макаров Л.В. Уголовно-процессуальное доказывание. – М.: «Книга сервис», 2002. – С. 30.

3. Бурданова В.С. «Презумпция невиновности – условие соблюдения прав и законных интересов граждан. – Л. –1989. – 14с.

4. Громов Н.А., Макаров Л.В. Процессуальное положение защитника обвиняемого на стадии предварительного расследования преступлений // Уголовное право. – 2001. – № 1. – С.50.

5. Дворядкина Т.А. Уголовная ответственность за нарушение права на защиту // Уголовный кодекс Донецкой народной Республики 2014 г., проблемы применения и перспективы совершенствования: материалы международной научно-практической конференции 22.04.2016 г. – Донецк: Донбасская юридическая академия, 2016. – С.54-55.

6. Закон ДНР «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» от 14.05. 2015 г.; [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки./> – Название с экрана.

7. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> – Название с экрана.

8. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М., 1986. – С.29.

9. Леви А.А., Игнатъева М.В., Капица Е.И. Особенности расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2003. – С.7.

10. Лубшев Ю.Ф. Адвокат в уголовном деле. – М.: Юристь, 1997. – С. 11

11. Питулько К.В. Право на защиту подозреваемых и обвиняемых, задержанных и заключенных под стражу // Известия вузов. Правоведение. 2001. – № 5. – С.136.

12. Трофименко Н. Проблемы правового регулирования реализации права на защиту обвиняемого в уголовном судопроизводстве. // Право Украины. – 1994. – №1-2. – С.26

13. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики. Принят Постановлением Народного Совета ДНР № 240-ІНС от 24.08.2018. Вводится в действие 20.09.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su//zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protseussualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> - Название с экрана.

УДК 343.2

С.Ю. Мироненко

Кандидат юридических наук,  
Донбасская юридическая академия  
(г. Донецк)  
(e-mail: [mironenko-2009@mail.ru](mailto:mironenko-2009@mail.ru))

## ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

*В статье анализируются юридическая природа и место института примирения в системе уголовного права. Акцентируется внимание на определении юридической природы института примирения, которое имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку в зависимости от этого можно правильно решить целый ряд вопросов, связанных с привлечением лиц к уголовной ответственности, освобождением от нее, а также назначением наказания и его исполнением или освобождением от него.*

**Ключевые слова:** институт примирения, привлечение к уголовной ответственности, освобождение от уголовной ответственности, назначение наказания.

Mironenko S.Yu.



## INSTITUTE OF RECONCILIATION IN THE CRIMINAL LAW SYSTEM

*The article analyzes the legal nature and place of the institution of reconciliation in the criminal law system. Attention is focused on the definition of the legal nature of the institution of reconciliation, which is of great theoretical and practical importance, since, depending on this, it is possible to correctly solve a number of issues related to bringing persons to criminal responsibility, release from it, as well as imposing punishment and its execution or release From him.*

**Key words:** *institute of reconciliation, bringing to criminal responsibility, exemption from criminal liability, punishment.*

**Актуальность темы исследования.** Определение юридической природы любого уголовно-правового института имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку в зависимости от этого в деятельности правоприменительных органов можно правильно решить целый ряд вопросов, связанных с привлечением лиц к уголовной ответственности, освобождением от нее, а также назначением наказания и его исполнением или освобождением от него. В науке и судебной практике до сих пор нет единого понимания того, что же все-таки считать примирением, между потерпевшим и какими лицами возможно такое примирение. Довольно спорен вопрос о том, является ли освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим правом или обязанностью правоприменителя. Наконец, признание волеизъявления потерпевшего самостоятельным уголовно-правовым фактором по-новому заставляет осмыслить сущность правоотношения в уголовном праве.

**Анализ научных исследований.** Надо отметить, что в литературе имеется очень небольшое количество специальных исследований, посвященных примирению с потерпевшим как основанию освобождения от уголовной ответственности, и они обычно ограничиваются статьями в периодических журналах. Однако некоторые ученые подошли к изучению этого вопроса более основательно. При этом надо особо выделить труды следующих ученых: С.С. Алексеев, Х.Д. Аликперов, С.Е. Вицин, Л.А. Воскобитова, Р.Р. Галиакбаров, А.А. Герцензон, Л.В. Головкин, В.Ю. Ивонин, С.Г. Келина, М.И. Ковалев, И.Я. Козаченко, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, П.А. Лупинская, С.В. Максимов, А.В. Наумов, С.И. Никулин, П.Н. Панченко, А.А. Пионтковский, А.М. Плешаков, П.С. Ромашкин, С.Н. Сабанин, Р.А. Сабитов, А.И. Санталов, А.Н. Тарбагаев, А.Н. Трайнин, В.С. Устинов, Дж. Флетчер.

**Цель статьи** заключается в комплексном изучении особенностей юридической природы и места института примирения в системе уголовного права, изучение характера уголовного правоотношения при наличии примирения лица с потерпевшим, обоснование юридических критериев допустимости примирения с потерпевшим как основания освобождения лица от уголовной ответственности.

**Изложение основного материала.** Преступность, к сожалению, является неотъемлемым социальным явлением общества. В разные периоды своего

развития общество воспринимало преступность как зло, с которым вело постоянную борьбу. Вместе с тем представление о добре и зле так сильно изменялось от народа к народу, из века в век, что часто противоречили друг другу. Противостояние добра и зла является актуальным вопросом и сегодня. С учетом этого каждое государство стремится найти новые подходы, способствующие качественной борьбе с преступностью. При этом такие направления не связываются с усилением ответственности за совершение преступлений, поскольку ужесточение наказаний, как показывает мировая практика, положительных результатов ни в одной стране мира не принесло.

Безусловно, исследование института наказания в уголовном праве дает все основания утверждать, что уголовное наказание является, и будет оставаться, хотя и не единственным, но необходимым и одним из главных средств противодействия преступности. Однако практика назначения и реализации длительных сроков наказания уверенно свидетельствует о том, что жестокость санкций и увеличение объема наказания не приносит желаемых результатов. Более того, чем чаще политика государства склоняется к репрессиям - тем более распространенной становится преступность.

Как показывает практика, преступность невозможно побороть и за счет постоянного увеличения количества правоохранительных органов, поскольку такой подход очень часто ведет к дублированию их работы, состязательности в скорейшем раскрытии преступления не на основе профессионализма, а на основе физической активности при допросах людей, что часто приводит к злоупотреблениям самими правоохранителями.

В то же время институт примирения подозреваемого с потерпевшим за последнее время получил в мире не только значительное теоретическое развитие, но и сформировал практику его правоприменения. Причем это имеет место не только на разных стадиях уголовного процесса, но и после его завершения, во время отбывания осужденным наказания. Таким образом, общество пришло к выводу, что примирение по уголовным делам является перспективным способом решения как общественных, так и частных вопросов. Примирение потерпевшего с подозреваемым, который впервые совершил противоправное действие, как правило, способствует воспитанию последнего, особенно в отношении преступлений, совершенных по неосторожности, преступлений небольшой или средней тяжести, частных обвинений, действий с превышением необходимой обороны, незначительных краж, хулиганских действий и тому подобное. В то же время такое примирение является кратчайшим путем к быстрому возмещению морального и материального ущерба.

Институт примирения потерпевшего с подозреваемым необходимо рассматривать как самостоятельный институт, закрепленный в виде письменного соглашения, цель которого направлена на освобождение лица, совершившего противоправное уголовное наказуемое деяние от наказания, которое при отсутствии такого соглашения невозможно. В таком случае сам потерпевший может и не связывать свое согласие на примирение со степенью общественной опасности действия или наступления негативных последствий, поскольку природа

института примирения сторон в основном заключается в наличии доброй воли потерпевшего. При этом пострадавший может не связывать ее с возмещением всякого вреда. Например, лицо совершило преступление в отношении своих близких или дальних родственников, которые простили этому лицу его деяние, не настаивая на каких-либо возмещениях ущерба. Таким образом, институт примирения потерпевшего с подозреваемым или обвиняемым, по сути, декриминализует противоправное деяние. В такой декриминализации основная роль принадлежит именно воли потерпевшего. По нашему мнению, это правильно, поскольку никто не имеет права прощать лицу противоправное деяние, кроме потерпевшего. Государство, определяя наказание лицу за его противоправное деяние, не может его простить. Оно лишь применяет в порядке борьбы с преступностью предусмотренное нормами уголовного права принуждение, которое виновный в безусловном порядке обязан выполнить под контролем государства. Таким образом, законодатель, вводя институт примирения сторон, выходит из природных прав личности относительно свободного распоряжения пострадавшим своими правами, поднимая, таким образом, роль потерпевшего. В таком случае роль правоохранительных органов и суда сводится к обслуживанию воли потерпевшего. В этом и заключается суть конституционной формулы, по которой человек является наивысшей социальной ценностью. Следовательно, предоставление законодателем прав потерпевшему в части декриминализации противоправного деяния, которое имело место в отношении его имущества, здоровья или интереса, путем заключения соглашений о примирении, является не только проявлением высокого уважения к человеку, но и проявлением демократии, когда право потерпевшего ставится на «олимп» общественных отношений, где тот сам определяет границы справедливости.

Вместе с тем такой подход законодателя к заключению соглашений в уголовном производстве требует четкого распределения правовых норм относительно преступлений против государственных интересов с одной стороны, и преступлений против личности - с другой.

В теории уголовного права продолжаются дискуссии о конституционности уголовно-правового института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением виновного с потерпевшим. Одни ученые считают, что освобождение от уголовной ответственности до постановления обвинительного приговора, которым только и может быть установлена виновность лица в совершении преступления, не согласуется с конституционным принципом презумпции невиновности, а вторые - отрицают этот факт.

Согласно ч. 1 ст. 42 Конституции Донецкой Народной Республики каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Буквальное толкование этой нормы дает основания утверждать, что установление вины лица в совершении преступления в законном порядке и установления ее обвинительным приговором суда необходимо для того, чтобы признать его виновным в совершении преступления и подвергнуть уголовному

наказанию, а не для того, чтобы освободить от уголовной ответственности. Следовательно, для освобождения от уголовной ответственности не требуется признания лица виновным в совершении преступления именно обвинительным приговором суда. Это может быть сделано другим способом. Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности является конституционным, однако его положения требуют усовершенствования.

При обсуждении проблем правового института примирения возникает, прежде всего, вопрос: в связи с чем и по каким причинам возникла проблема его обсуждения и в дальнейшем внедрения в нашу практику? Это не простой вопрос. Речь идет не только о том, чтобы в законодательство и практику внедрить наиболее прогрессивные и гуманные методы обращения с нарушителями закона, проблема здесь более сложная и глубокая.

Для освещения вопроса о юридической природе примирения можно выделить несколько аспектов.

Во-первых, примирение между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим, на взгляд автора, может быть основанием не только освобождения от уголовной ответственности (как это закреплено в ст. 76 УК ДНР), но и освобождения от наказания или смягчения последнего. По мнению К. Кинкеля, бывшего министра юстиции ФРГ, норма о примирении является предметом дискуссии о границах и возможностях уголовного права вообще [5]. Учитывая это, было бы целесообразным определить примирение как институт уголовного права, поскольку, несмотря на систематизацию норм данной отрасли права, практически невозможно закрепить все содержательные аспекты этого понятия, условия и последствия его применения в одной норме. В данном случае имеется в виду норма закона в отличие от правовой нормы, которая, по мнению В.А. Навроцкого, описывает содержание явления вообще [6, с.187-189]. Законодатель нормативно заложил возможность систематического решения этой проблемы. В теории права такая возможность также не исключается. Так, С.С. Алексеев обращает внимание на логическую норму, то есть на общее правило, которое определяется логическим путем и воплощает органические связи между нормативными предписаниями, для «собрания» нескольких предписаний которым необходимо осуществить логическую операцию, в т.ч. анализ и синтез [1, с.43].

С другой стороны, необходимо отметить, что институту примирения присущи черты института социального: в известной мере с его помощью упорядочиваются отношения между людьми, их деятельностью и поведением в обществе, обеспечивается устойчивость общественной жизни. В частности, при реализации примирения весомым является аспект ресоциализации лица, совершившего преступление. Также понятие «примирение» воспринимается в обществе преимущественно вне уголовно-правового контекста. Несмотря на то, что понятие «социальный институт» развилось из понятия «институт», разработанного юридической наукой, необходимо в пределах юридической науки рассматривать примирение также как институт социальный.

Кроме указанного стоит отметить, что институт примирения между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим имеет также черты, присущие

межотраслевым правовым институтам. Так, А.А. Нечитайленко называет эти институты комплексными в отличие от определенных им межотраслевых комплексов, которые объединяют некоторые отрасли, подотрасли и институты права [7, с.78]. Вполне справедливым является позиция законодателя о том, что примирение относительно совершенного одним лицом против другого преступления как основание применения определенных правовых последствий лежит в сфере материального права. Но поскольку примирение совершается между лицами, правовой статус которых по факту совершенного преступления определяется на основании уголовно-процессуальных норм, – субъектами уголовно-процессуальной деятельности, – нет оснований отрицать частичную принадлежность этого института уголовно-процессуальному праву. Кроме того, такие действия, как возмещение нанесенного ущерба или устранение причиненного вреда, то есть возмещение вреда, является предметом и гражданского права.

Учитывая вышеизложенное, в научных исследованиях, по мнению автора, целесообразно использовать такой термин, как «институт примирения».

Стоит отметить позицию А.М. Васильева о том, что развитие понятийного аппарата теории права является результатом непрерывного расширения объема знаний, увеличение количества опознанных его сторон, а также фиксации изобретенных новых сторон и свойств правовой действительности [3, с.142]. С.С. Алексеев отмечает, что рассмотрение явлений правовой действительности сквозь призму регулятивных комплексов, где норма как центральный элемент сочетается с правосознанием и юридической практикой, позволяет повысить осмысление правовых вопросов на новый, более высокий уровень научного анализа [2, с.93].

Во-вторых, понятие «примирение с потерпевшим» использовано как понятие в ст. 76 УК ДНР и считается одним из оснований освобождения от уголовной ответственности. В уголовном праве других стран такое понятие появилось несколько раньше. Так, в Германии понятие «примирение между лицом, совершившим деяние, и потерпевшим» в уголовном праве используется на законодательном уровне с 1994 года.

В Российской Федерации понятие «примирение с потерпевшим» было использовано с принятием Уголовного кодекса в 1996 года, который был введен в действие с 1 января 1997 года.

Закрепление нормы о примирении в главе «Освобождение от уголовной ответственности» УК ДНР свидетельствует о том, что примирение является основанием для освобождения от уголовной ответственности, а потому определяет его юридическую природу в этом аспекте однозначно. Однако сомнения в оптимальности такой позиции возникают при анализе норм уголовного права других стран, в частности Германии. Анализ содержания § 46-а УК ФРГ говорит о том, что примирение, по его юридической природе, является видом не только освобождения от уголовной ответственности, но и освобождения от наказания.

В-третьих, исходя из условий определения юридической природы любого уголовно-правового института, предложенных И.С. Ретюнских [8, с.7], было бы

целесообразно установить не только то, какое место предназначено законодателем для нового института, но и какие цели имеет институт примирения между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим.

Вопрос о возможности освобождения лица от уголовной ответственности возникает только в том случае, если это лицо совершило деяние, являющееся преступлением. Итак, вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности возникает, если, с одной стороны, есть основания для привлечения этого лица к уголовной ответственности, а с другой - объективные и субъективные основания, которые делают возможным освобождение этого лица от уголовной ответственности. Однако обычно в связи с совершением преступления рассматриваются и другие возможные правовые последствия - например, применение наказания с его, например, смягчением (ст. 61 УК ДНР), освобождение от наказания и его отбывания (глава 12 УК ДНР). Именно поэтому примирение может быть основанием применения указанных правовых последствий преступления, что означает расширение его правовой природы. Итак, примирение между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим может быть основанием для освобождения от уголовной ответственности или наказания, а также обстоятельством, которое влияет на смягчение наказания.

Юридической действительностью примирения могут признаваться реальность и правомерность примирения на основании удовлетворения определенных условий, а также временного и волевого аспектов. Обращение внимания на аспект юридической действительности примирения обусловлено, в частности, тезисом Г.А. Нанейшвили о том, что в каждой правовой норме заложена такая идея, которая не подчиняется той закономерности, которая присуща явлениям психофизического порядка [4, с.18]. Итак, если есть требование юридического подтверждения действительности определенного факта, то этот факт можно считать причинно обусловленным и сам обуславливает определенный результат или последствия.

Поскольку правовые нормы, по мнению автора, не описывают, а приписывают способы человеческого поведения, они, очевидно, находятся в различных связях с действительностью. Учитывая это, вполне справедливой является позиция Р. Циппелиуса, который пишет, что для образования интересубъективных связей в праве необходимо определенное косвенное смысловое содержание, которое можно называть, в частности, объективным. Только оно может служить координационной схемой человеческого поведения [9, с.13]. Что касается примирения, то такое содержание может вкладываться в понятие «условия юридической действительности примирения». Условиями юридической действительности примирения являются те необходимые обстоятельства, которые делают возможным признание примирения реальным и правомерным. Можно сделать вывод о том, что основным условием юридической действительности примирения следует определять возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступлением.

**Выводы.** Таким образом, представляется целесообразным дальнейшее развитие института примирения, в частности нормативное расширение диапазона

правовых последствий примирения. Усовершенствованная правовая норма будет регулировать вопросы освобождения от ответственности, наказания или смягчение последнего. Учитывая неоднородность возможных правовых последствий примирения в уголовном праве, приходим к выводу о многогранности уголовно-правового значения примирения и его целей. Это означает, что институт примирения может быть частью трех институтов уголовного права: освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания и назначение наказания (его смягчение).

### Список использованных источников

1. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. – М.: Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 359 с.
2. Алексеев С.С. Теория права. - 2-е изд., стереотип. - Харьков: БЕК, 1994. - 224 с.
3. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. - М.: Юрид. лит., 1976. - 264 с.
4. Действительность права и опыт обоснования нормативных фактов. Перевод с грузинского / Нанейшвили Г.А.; Редкол.: Джорбенадзе С.М., Кодуа Э.И., Сургуладзе И.Ш., Церетели Т.В.; Пер.: Саванели Б.В., Хочалава А.А. - Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1987. - 104 с.
5. Kinkel K. Zum Forum 1992 fuer Taeter-Opfer-Ausgleich und Konfliktschlichtung // Wiedergutmachung und Strafrechtspraxis. – Bonn: Forum Verlag Godesberg. – 1993. – S. 15-23.
6. Навроцький В.О. Теоретичні проблеми кримінально-правової кваліфікації. – К.: Атіка, 1999. – 464 с.
7. Нечитайленко А.А. Основы теории права: Учебное пособие. – Харьков: Фирма «Консум», 1998. – 176 с.
8. Ретюнских И.С. Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. Науч. ред.: Труфанов В.В. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. - 107 с.
9. Циппеліус Р. Філософія права: Підручник. Пер. з нім. – К.: Тандем, 2000. – 300 с.

УДК 347.65

Т.С. Ничик

Аспирант  
административного и финансового  
права, ГОУ ВПО «Донецкий  
национальный университет»  
(г. Донецк)  
(e-mail: [redi8son@mail.ru](mailto:redi8son@mail.ru))

Л.Ю. Одегова

Кандидит юридических наук, ГОУ  
ВПО «Донецкий национальный  
университет» (г. Донецк)  
(e-mail: [milaodegova17@mail.ru](mailto:milaodegova17@mail.ru))

## ДЕФИНИЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

*В статье проведён анализ правовых позиций учёных относительно дефиниций таких ключевых понятий наследственного права, как «наследственное правоотношение», «наследование», «наследство», «наследственное имущество», «наследственная масса». Проанализировано законодательство Российской Федерации и Украины по указанной тематике исследования.*

**Ключевые слова:** наследственные правоотношения; наследование; наследство; наследственная масса; наследственное имущество.

Nichik, T.S.,  
Odegova, L.J.

## SELECTED LEGAL CATEGORIES' OF HEREDITARY LAW DEFINITIONS

*Scientists' various legal positions regarding the definitions of the key concepts of the inheritance law such as "a hereditary legal relationship", "inheritance", "legacy", "inheritance property", "hereditary mass" has been analysed in this article. The review of the current legislation of the Russian Federation and Ukraine has been carried out.*

**Key words:** hereditary legal relations; inheritance; inheritance; hereditary mass; hereditary property.

**Актуальность проблемы.** Центральное место среди многочисленных и разнообразных институтов гражданского права принадлежит институту наследования. Данное утверждение является актуальным для любой правовой системы. Благодаря институту наследования гражданские права и обязанности становятся более прочными, несмотря на то, что существование их носителя – человека является кратковременным. Нельзя не согласиться с мнением известного революционного цивилиста В.И. Синайского относительно того, что «благодаря наследованию человек в праве как бы не умирает, а продолжает существовать в лице своих преемников» [19, с. 546].

Становление Донецкой Народной Республики – демократического правового социального государства, во исполнение положений ч.1 ст. 1 Конституции ДНР [5] возможно лишь при условии своевременного совершенствования законодательства, в том числе регулирующего наследственные правоотношения.



**Анализ научных исследований.** Теоретической основой исследования послужили труды: Б. С. Антимонова, К. А. Граве, А. Е. Казанцевой, В. В. Корнюхина, Л. И. Корчевской, Р. Р. Ленковской, Е. А. Лисицыной, Д. И. Мейера, К. П. Победоносцева, О. П. Поповой, Е. Ю. Рыбачук, И. Б. Рябцевой, А. П. Сергеева, В. И. Серебровского, В. А. Тархова, Ю. К. Толстого, Е. И. Фурсы, О. М. Ходыкина, Н. В. Чельцовой, О. В. Шведковой, Г. Ф. Шершеневича, М. С. Юдина и др.

**Целью статьи** является рассмотрение и анализ правовых позиций учёных относительно дефиниций таких ключевых понятий наследственного права, как «наследственное правоотношение», «наследование», «наследство», «наследственное имущество», «наследственная масса», что неразрывно связано с совершенствованием законодательства Донецкой Народной Республики, регламентирующего соответствующие правоотношения.

**Изложение основного материала.** Наследование является необходимым и важным институтом гражданского права, который самым тесным образом связан с другим институтом гражданского права, а именно – с институтом собственности. Ведь, с одной стороны, наследование позволяет реализовать правомочие распоряжения своим имуществом, а с другой - является одним из оснований возникновения права собственности.

В силу этого изучение и анализ отдельных аспектов наследования в государстве имеет особое значение в связи с тем, что институт наследственного права играет важную роль для населения и опосредованно оказывает воздействие на гражданский оборот, стабилизируя и развивая его с учётом потребностей участников наследственных правоотношений, а, следовательно, и общества в целом.

Особый интерес к изучению наследственных отношений уходит корнями к эпохе римского права, когда наследственные отношения были основой для гражданского права. Тогда же юристы Древнего Рима впервые сформулировали понятие наследования как универсального правопреемства, а также разработали и определили иные важные дефиниции, используемые в современной науке наследственного права.

Бесспорно, любая правовая наука должна иметь чётко определенную терминологию и базироваться на соответствующем понятийном аппарате, что зачастую вызывает необходимость тщательного изучения и уточнения понятий, в данном случае, регулирующих наследственные правоотношения.

Изучение и конкретизация главных дефиниций наследственного права неразрывно связаны с совершенствованием законодательства Донецкой Народной Республики, регламентирующего соответствующие правоотношения. Не менее важным представляется исследование позиций российского и украинского законодателей по указанному направлению исследования.

Как усматривается из анализа цивилистической литературы, в юридической доктрине не сложилось единого подхода к пониманию сущности наследственного правоотношения. Так, А.Е. Казанцева предлагает считать наследственное правоотношение таким общественным отношением, которое:

1. урегулировано нормами наследственного законодательства;
2. обусловлено смертью (или объявлением умершим) наследодателя;
3. направлено на замену наследодателя наследниками в правоотношениях, не прекращающихся с его смертью.

Кроме указанного, автор выделяет характерные признаки наследственного правоотношения: абсолютный и односторонний характер, краткосрочность, безвозмездность, возникновение в связи с определенными обстоятельствами [3, с. 11].

По мнению И.Б. Рябцевой, наследственное правоотношение является абсолютным, ведь другие лица обязаны воздерживаться от нарушения прав наследников на наследство. Наследственные правоотношения, указанный автор понимает как единые, не имеющие в своей структуре обособленных стадий, абсолютные правоотношения, которые возникают в момент осуществления наследником права на принятие наследства и продолжаются до возникновения у наследников права на оформление наследственных прав. В данном определении И.Б. Рябцева также акцентирует внимание на содержании наследственного правоотношения, которым, с одной стороны, является право наследников на наследство, а обязанность неопределенного круга лиц не нарушать это право – с другой [15, с. 9-10].

В современной юридической литературе, посвященной изучению гражданского и наследственного права, определение «наследственное правоотношение» встречается не так часто. Так, к примеру, Н.С. Глушь предлагает понимать под наследственными правоотношениями такие отношения, которые возникают при реализации соответствующими субъектами их наследственных прав [24, с. 712]. С одной стороны, данное понятие является верным, но с другой стороны – оно не отражает всех особенностей наследственного перехода и может применяться для любых правоотношений вообще. Для этого достаточной будет замена сочетания слов «наследственных прав» на словосочетания «семейных прав», «имущественных прав» или других.

В свою очередь Л.И. Корчевская предлагает наследственные правоотношения считать комплексом гражданско-правовых наследственных правоотношений, возникающих с открытием наследства. В состав данных правоотношений входят правоотношения:

- из факта открытия наследства;
- по принятию наследства;
- по отказу от наследства;
- по исполнению завещания;
- по разделу наследственного имущества (возникают между наследниками);
- по наследственному отказу;
- по подназначению наследников;
- по приращению наследственных долей.

По мнению Л.И. Корчевской в наследственные правоотношения также могут входить правоотношения кредиторов в отношении наследственного

имущества, правоотношения по охране и управлению наследственным имуществом, правоотношения субституции и наследственной трансмиссии [7, с. 52-53].

Р.Р. Ленковская наследственные правоотношения представляет как совокупность юридических связей, которые основаны на нормах наследственного права и возникают между наследодателем, наследниками и другими лицами: по составлению завещания, по открытию наследства, по принятию наследства или отказу от него, по охране наследства и по другим правовым отношениям, основанным на нормах наследственного права [8, с. 50].

В данном вопросе представляются заслуживающими внимания и позиции других учёных. Так, О.П. Попова утверждает, что наследственные правоотношения (наследование) – это переход имущественных и некоторых личных неимущественных прав умершего лица наследникам на основании и в порядке, установленном действующим законодательством [14, с. 23]. По мнению Н.В. Чельцовой характерной чертой наследственного правопреемства является именно прямой переход наследства к наследнику от наследодателя, а не от других лиц, что является не чем иным, как непосредственное приобретение прав и обязанностей [25, с. 11-23].

В свою очередь рядом исследователей предпринимались попытки конкретизировать такое понятие как «наследование». В частности, В.И. Серебровский считал наследованием «переход имущества умершего лица к другому лицу или другим лицам в установленном законом порядке» [18, с. 433].

Г.Ф. Шершеневич, рассматривая данное понятие, писал: «Совокупность юридических отношений, в которые поставило себя лицо, со смертью его не прекращаются, но переходят на новое лицо», которое «заменяет прежнее и занимает в его юридических отношениях активное или пассивное положение, смотря по тому, какое место занимал умерший» [27, с. 467].

Б.С. Антимонов и К.А. Граве представляют наследование как непосредственное преемство в правах и обязанностях умершего лица, делая акцент на имуществе, принадлежащем наследодателю на праве собственности: «... прежде всего, преемство в имуществе, в праве собственности, которое является основой всех имущественных прав» [1, с. 5].

По мнению В.А. Тархова, наследование представляет собой «переход имущества лица к известным лицам» [20, с. 161].

О.В. Шведкова отмечает, что наследование – это «переход прав и обязанностей умершего лица к другим лицам в порядке универсального правопреемства или в порядке сингулярного правопреемства с сохранением признака универсальности» [26, с. 71].

Некоторые современные цивилисты под наследованием понимают переход после смерти гражданина всей совокупности принадлежащего ему на праве частной собственности имущества, включающего имущественные и некоторые личные неимущественные права, к одному или нескольким лицам [22, с. 41].

Ч. 1 ст. 1110 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определяет наследование как переход имущества умершего к другим лицам в

порядке универсального правопреемства. Законодатель уточняет, что такой переход осуществляется: в неизменном виде, как единое целое, в один и тот же момент [2].

В ст. 1216 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) содержится следующее определение изучаемого понятия: наследование – переход прав и обязанностей от физического лица, которое умерло к иным лицам. В указанной статье украинский законодатель конкретизирует, что права и обязанности – это есть «наследство», физическое лицо, которое умерло – это «наследодатель», а другие лица, к которым осуществляется переход наследства – это «наследники» [23].

Беря во внимание анализ указанных дефиниций, предлагаем не отождествлять понятия «наследственное правоотношение» и определение «наследование», поскольку наследование принадлежит к одному из способов приобретения права собственности, который осуществляется в процессе перехода имущества умершего (объявленного умершим), его прав и обязанностей к наследникам.

Наследственные правоотношения представляют собой взаимоотношения между наследодателем, наследниками и иными лицами, которые способствуют осуществлению перехода наследства к другим лицам.

Не стоит отождествлять наследственное правоотношение и наследование в связи с тем, что весь процесс наследования не может быть охвачен одним правоотношением. При наследовании возникает целый комплекс юридических отношений, куда, к примеру, входят правоотношения, возникающие: из факта открытия наследства; исполнения завещания; по принятию наследства; по отказу от наследства; по приращению наследственных долей; по наследственной трансмиссии; из завещательного отказа; из завещательного возложения и др.

Каждое отдельное наследственное правоотношение позволяет его субъекту реализовать отдельное, принадлежащее ему право.

Таким образом, считаем, что понятие «наследование» шире, чем «наследственное правоотношение», ввиду чего, отождествление указанных понятий нецелесообразно.

Переходя к анализу доктринальных положений относительно сущности правовых категорий «наследство», «наследственная масса» и «наследственное имущество», следует отметить, что эти термины принадлежат к ключевыми понятиям наследственного права и их объективная характеристика без учёта мнений различных учёных, а также официального толкования невозможна.

В современном гражданском праве Российской Федерации, Украины и ряда других государств законодательно закреплены и используются такие общепринятые понятия как «наследство», «наследственная масса» и «наследственное имущество», которые по своей правовой природе являются идентичными. По мнению Е.А. Лисицыной, по этой причине появляются различные подходы к определению понятия наследства и его составных элементов, что существенно влияет на правоприменительную практику [9, с. 95].

Так, Д.И. Мейер характеризовал наследство как совокупность юридических отношений, переходящих к наследнику [10, с. 409].

К.П. Победоносцев под наследством понимал имущество со всеми правами и обязанностями, как определенное единство наличности и долгов, объединившихся в одно юридическое целое, переходящее не к случайному захватчику, а к наследникам, которые известны и заранее predeterminedены» [13, с. 238].

Ю.К. Толстой справедливо замечает, что «состав наследства нельзя сводить к одним лишь имущественным правам и обязанностям, а потому правильнее вести речь именно о наследстве или о наследственной массе, но не о наследственном имуществе, что вольно или невольно сужает круг объектов наследственного правопреемства» [17, с. 617].

Некоторые учёные отмечают, что в состав наследства не входят обязанности наследодателя, считая, что долги умершего гражданина являются только «обременением» наследства, а не его составной частью, кроме того объектом наследственного правопреемства признаются не права и обязанности наследодателя, а имущество как совокупность определённых материальных (и некоторых нематериальных) объектов [6, с. 14-15].

В целом, можно констатировать, что в теории наследственного права наследство представляется в достаточно схожем понимании - как комплекс прав и обязанностей, как определенная часть гражданских прав и обязанностей или их совокупность.

Поскольку такие понятия как наследство, наследственная масса, наследственное имущество являются синонимами в понимании законодателя, так как выступают в качестве объекта наследственного правоотношения, представляется необходимым провести анализ доктринальных положений, касающихся объекта наследственного правоотношения.

Так, В.В. Корнюхин, анализируя объект наследственного правоотношения, указывает на сосуществование двух основных современных теорий относительно понятия объекта правоотношения: монистической, авторы которой высказывают мнение о едином объекте правоотношения и плюралистической, сторонники которой признают множественность объектов правоотношения. Отстаивая первую точку зрения относительно понятия объекта правоотношения, В.В. Корнюхин отмечает, что юридический объект (объект правового воздействия) наследственного правоотношения – это поведение его участников, а материальный (вторичный) объект – непосредственно наследственное имущество, на которое направлено поведение участников правоотношения [6, с. 14].

М.С. Юдин отмечает, что наследство является одним из видов объектов гражданских прав, отличающийся локальным характером и присутствием лишь в сфере права наследования. В то же время учёный обращает внимание на то, что в общих положениях ГК РФ, нормы которых посвящены объектам гражданских прав, упоминания о наследстве не содержат. Автор указывает на то, что согласно ст. 1112 ГК РФ наследство ограничивается четырьмя видами объектов: 1) вещи; 2)

имущественные права; 3) имущественные обязанности; 4) иное имущество [11, с. 25].

В свою очередь А.Е. Казанцева отмечает, что объектом наследственного правоотношения является наследственное имущество (наследство, наследственная масса). Автор обращает внимание на то, что состав наследства должен быть сопоставим с объектами гражданских прав. По её мнению к наследственному имуществу относятся:

- вещи, в том числе наличные и безналичные деньги;
- ценные бумаги;
- иное имущество;
- имущественные права;
- многие обязательственные права и обязанности;
- результаты творческой, а также интеллектуальной деятельности;
- некоторые неимущественные права и обязанности, принадлежавшие

автору.

Автор отдельно отмечает, что в состав наследства должны включать такие имущественные обязанности, как задолженность по алиментным выплатам, возмещение вреда, причинённого жизни или здоровью, морального вреда, если они были взысканы в судебном порядке до открытия наследства, но не выплачены [3, с. 13, 26-27].

Интересной видится позиция Е.И. Фурсы по определению понятия «наследство». Так автор считает, что общее понятие наследство должно включать имущественные и некоторые личностные неимущественные права наследодателя и обязательства, которые по своему размеру не могут превышать размер его прав [21, с. 40-43].

А.Е. Казанцева отмечает, что ряд правоведов справедливо понимает наследство в совокупности прав и обязанностей, поясняя это тем, что согласно закону наследование является основанием возникновения права собственности, а не имущества, вещей. Однако автор уточняет, что целью наследования всегда было обеспечение перехода от наследодателя к наследникам не только права собственности, а и различных вещей, принадлежащих к объектам материального мира, денег, ценных бумаг, имущественных прав, принадлежавших наследодателю. Акцентирует внимание А.Е. Казанцева и на том, что со смертью человек выбывает из социальных и экономических отношений, а не только из правовых. Таким образом, происходит замена умершего его наследниками в общественных отношениях собственности. Последние в свою очередь осуществляют господство над унаследованным имуществом и обеспечивают его сохранность с момента открытия наследства. В результате автор приходит к выводу о том, что в состав наследства входит не только право собственности, но и само имущество, принадлежавшее гражданину до его смерти [4, с. 102].

Е.Ю. Рыбачук указывает на то, что в наследственную массу могут входить различные объекты гражданских прав, в том числе и предметы обычной домашней обстановки и обихода [16, с. 141].

Официальное определение понятия «наследство» содержится в ст. 1112 ГК РФ и в ст. 1218 ГК Украины.

Анализируя положение ч. 1 ст. 1112 ГК РФ приходим к выводу, что наследство – это принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, другое имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

В то же время, в соответствии с частями 2, 3 вышеуказанной статьи, не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается Гражданским Кодексом или другими законами. Не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага [2].

В ст. 1218 ГК Украины указано, что наследство – это все права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на момент открытия наследства и не прекратившиеся вследствие его смерти.

Заслуживает внимания тот факт, что ст. 1112 ГК РФ, а также ст. 1219 ГК Украины содержат перечень прав и обязанностей лица, не входящих в состав наследства. При этом украинский законодатель уточняет, что это те права и обязанности, которые неразрывно связаны с личностью наследодателя, а именно:

- личные неимущественные права;
- право на участие в товариществах и право членства в объединениях граждан, если иное не установлено законом, либо учредительными документами;
- право на возмещение вреда, причинённого увечьем или иным повреждением здоровья;
- права на алименты, пенсию, помощь или иные выплаты, установленные законом;
- права и обязанности лица как кредитора или должника, предусмотренные ст. 608 ГК Украины [23].

В соответствии с п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о наследовании» от 29 мая 2012 года № 9, в состав наследства входит принадлежавшее наследодателю на день открытия наследства имущество, в частности: вещи, включая деньги и ценные бумаги (согласно ст. 128 ГК РФ); имущественные права; имущественные обязанности (долги в пределах стоимости перешедшего к наследникам наследственного имущества).

Согласно п. 15 указанного Постановления, имущественные права и обязанности не входят в состав наследства, если они неразрывно связаны с личностью наследодателя и если их переход в порядке наследования не допускается. Так, в состав наследства не входят: право на алименты и алиментные обязательства, права и обязанности, возникшие из договоров безвозмездного пользования, поручения, комиссии или агентского договора [12].

**Выводы.** Таким образом, руководствуясь вышеприведёнными нормами ГК РФ и ГК Украины, положениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о наследовании» от 29

мая 2012 года № 9, а также исходя из анализа юридической доктрины, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Наследственное правоотношение необходимо отличать от наследования, поскольку весь процесс наследования не может быть охвачен одним правоотношением. При наследовании возникает целый комплекс юридических отношений. Поэтому понятие «наследование» шире, чем «наследственное правоотношение», ввиду чего, отождествление указанных понятий нецелесообразно.

2. Наследство (наследственная масса, наследственное имущество) – объект наследственного правоотношения, включающий в себя такие объекты, как: вещи, иное имущество, имущественные права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства и не прекратившиеся вследствие его смерти.

3. Наследственное имущество может выступать в качестве самостоятельного объекта наследства (наследственной массы), если под ним понимаются вещи или иное имущество, принадлежавшее наследодателю на день открытия наследства и существующее после его смерти.

4. Не входят в состав наследства те права и обязанности, которые имеют неразрывную связь с личностью наследодателя, а также те права и обязанности, переход которых запрещён действующим законодательством Донецкой Народной Республики.

### Список литературы

1. Антимонов Б.С., Граве К.А. Советское наследственное право. – М.: Юр. лит. – 1955. – 264 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть 3) от 26 ноября 2001 г. N146-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Гарант: [сайт информационно-правовое обеспечение]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10164072/entry/33333:0> (дата обращения: 10.05.2018).

3. Казанцева А.Е. Теория наследственного и причастных к нему правоотношений по гражданскому праву Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 «Гражданское право; гражданский процесс; семейное право; международное частное право». – ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». – Томск, 2015. – 46 с.

4. Казанцева А.Е. Теория наследственного и причастных к нему правоотношений по гражданскому праву Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 «Гражданское право; гражданский процесс; семейное право; международное частное право». – ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». – Томск, 2015. – 342 с.

5. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года (с изм., внес. Законами от 27.02.2015 года № 17-ИНС, от 29.06.2015 года № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> (дата обращения 22.06.2018). – Название с экрана.



6. Корнюхин В.В. Наследственные правоотношения и роль правоохранительных органов России в их реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 «Гражданское право; гражданский процесс; семейное право; международное частное право». – Санкт-Петербургский университет МВД России. – СПб, 2004. – 20 с.

7. Корчевская Л.И. Объекты наследственного преемства в условиях экономических преобразований: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 «Гражданское право; гражданский процесс; семейное право; международное частное право». – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М., 1997. – 245 с.

8. Ленковская Р.Р. Наследственные правоотношения: понятие и содержание / Р.Р. Ленковская // Социально-политические науки. – № 4. – 2017. – С. 47-50.

9. Лисицына Е.А. Понятие и состав наследства / Е.А. Лисицына // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – № 40 (257). – 2011. – С. 95-99.

10. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2-х ч. Часть 2). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М. Статут. (в серии «Классика российской цивилистики») – 1997.– 455 с.

11. Наследственное право: лекционный материал / составитель М.С. Юдин // НОУ ВПО «Институт государственного администрирования». – М., 2013. – 160 с.

12. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 / [официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации]. – URL: [http://www.vsrfl.ru/Show\\_pdf.php?Id=7978](http://www.vsrfl.ru/Show_pdf.php?Id=7978) (дата обращения: 15.06.2018).

13. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть 2-я. Права семейственные, наследственные и завещательные. – М.: Статут, 2003. – 639 с.

14. Попова О.П. Наследственное право: учеб. пос. / О.П. Попова. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. – 85 с.

15. Рябцева И.Б. Наследственное правоотношение: некоторые проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 «Гражданское право; гражданский процесс; семейное право; международное частное право». – ГОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права». – Иркутск, 2009. – 21 с.

16. Рыбачук Е.Ю. Наследование имущественных прав, связанных с предпринимательской деятельностью: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 «Гражданское право; гражданский процесс; семейное право; международное частное право». – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. – М., 2013. – 141 с.

17. Сергеев А.П., Толстой Ю.К. Гражданское право. В 3-х томах / под ред. Сергеева А.П., Толстого Ю.К. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, 2005. – 784 с.

18. Серебровский В.И. Наследственное право (разд. IV) // Советское гражданское право: уч. пос. для юридич. вузов / под ред. С. Н. Братуся: в 2 т. Т. 2. – М.: Госюриздат, 1951. – 494 с.
19. Синайский В.И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2002. – 638 с.
20. Тархов В.А. Римское частное право: Учеб.пособие. Саратов: СГАП, 2003. – 120 с.
21. Фурса Є.І. Основні терміни спадкового права // Підприємництво, господарство і право. – 2002. – № 3. – С.40-43.
22. Ходыкин О.М. Понятие наследственного правоотношения / О.М. Ходыкин // Вестник Краснодарского университета МВД России. – № 2 (16). – 2012. – С. 40-44.
23. Цивільний кодекс України від 16 січ. 2003 р. № 435-IV (в ред. від 28 бер. 2014 р.) // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 40.
24. Цивільне право України: Підручник: У 2-х кн. / За ред. О.В. Дзери, Н.С. Кузнецової. – К.: ЮрінкомІнтер, 1999. – Кн. 2. – 784 с.
25. Чельцова Н.В. Процессуальные особенности рассмотрения судами дел о наследовании // Информационная система «Кодекс»: Раздел «Наследственное право», 1998. – С.11-23.
26. Шведкова О.В. Понятие наследственного правопреемства / О.В. Шведкова // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 68-72.
27. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Вступительная статья, Е.А. Суханов. – М.: Фирма «СПАРК», 1995. – 556 с.

УДК – 347.234

**А.В. Овчаренко**

Аспирант кафедры административного и финансового права юридического факультета Донецкого национального университета Донецкой Народной Республики (г. Донецк)  
(E-mail: [vsdnr-uzd@mail.ru](mailto:vsdnr-uzd@mail.ru))

## НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИМУЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ АГРЕССИИ

*В статье проанализирована история развития института национализации имущества, а также международное законодательство в рассматриваемом аспекте. Также содержатся предложения по решению социально-правовой проблемы применения института национализации имущества. Предложено введение нового вида национализации имущества, который позволит расширить имеющиеся знания о предмете исследования.*

**Ключевые слова:** военная агрессия, имущество, национализация имущества, право собственности, прекращение права собственности

**Ovcharenko, A.V.**

### **NATIONALIZATION OF PROPERTY UNDER THE CONDITIONS OF MILITARY AGGRESSION**

*The article analyzes the history of the development of the institution of nationalization of property, as well as international legislation in this aspect. Also, there are proposals to address the socio-legal problem of applying the institution of nationalization of property. The introduction of a new type of nationalization of property is proposed, which will expand the existing knowledge about the subject of the study.*

**Key words:** military aggression, property, nationalization of property, property right, termination of ownership.

Одним из основных принципов международного права, который закреплён в международных пактах о правах человека, декларациях Генеральной Ассамблеи ООН, документах межгосударственных и международных неправительственных организаций является принцип равноправия и самоопределения народов. В частности, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года, вступил в силу 3 января 1976 года), Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года декларируют за самоопределяющимися народами право свободно устанавливать свой политический статус и обеспечивать своё экономическое, социальное и культурное развитие [1, с. 53]. В то же время вопреки наличию свободного волеизъявления граждан путём проведения демократического референдума о провозглашении независимости республики, Донецкая Народная Республика по состоянию на сентябрь 2017 года не получила поддержки у мирового сообщества и международного признания в качестве государства. В связи с отсутствием действенного механизма защиты в международных организациях своих прав как государства, а также необходимостью защиты основополагающих прав и свобод граждан, Донецкая Народная Республика приняла на себя обязательства по защите населения от противоправных действий государства Украина, применяя механизмы, не противоречащие международным нормам и принципам.

Неоспоримым является тот факт, что события на Донбассе в период с 2014 года принесли в дома жителей республики горе, боль и слёзы, искалечили тысячи человеческих судеб. Причиной всему явился государственный переворот, который в результате вооружённого конфликта привёл к насильственному захвату агрессивными национал-радикалами, последователями пособников немецко-фашистских оккупантов времён Великой Отечественной войны государственной власти в Киеве.

Так, в результате агрессии Вооруженных Сил и вооруженных формирований Украины против мирных граждан в Донецкой Народной Республике многие города и посёлки полностью разрушены, увеличилось количество разрушений жилых домов, детей-сирот, чьи родители погибли во время военных действий. В результате указанных событий многие граждане остались без жилья и по состоянию на сентябрь 2017 года вопрос эффективного восстановления в правах жителей, пострадавших в результате военной агрессии, инициированной государством Украина, законодательством Донецкой Народной Республики не урегулирован. В указанном аспекте считаем необходимым отметить отсутствие персональной ответственности граждан Украины, действовавших против интересов Донецкой Народной Республики, как государства, так и его граждан.

Отдельно следует акцентировать внимание на совершении военных преступлений против жителей Донецкой Народной Республики. «Азов», «Айдар», «Правый сектор» и др. – на сегодняшний день указанные батальоны наряду с регулярными войсками принимают участие в военных действиях на территории Донецкой Народной Республики, которая временно оккупирована Украиной. Указанные формирования вооруженных украинских добровольцев, отличившиеся особо жестокими действиями по отношению к мирному населению Донецкой Народной Республики, изначально не имели точно определённого юридического статуса, однако затем они были частично легализованы, формально подчинившись Национальной гвардии Украины, Министерству обороны Украины или Министерству внутренних дел Украины (далее – МВД). Отсутствие точно определённого юридического статуса позволяет указанным преступным формированиям безнаказанно совершать военные преступления против Донецкой Народной Республики, заключающиеся в убийстве мирных граждан, разрушении инфраструктуры, жилых домов.

Кроме того, общеизвестным фактом является то, что ряд сотрудников Службы безопасности Украины, МВД, других структур, работавших, проживавших, имеющих собственность на территории Донецкой Народной Республики, покинули указанную территорию и продолжают свою деятельность против интересов Донецкой Народной Республики на территории Украины, или ведут подрывную деятельность на территории Донецкой Народной Республики в составе диверсионно-разведывательных групп, принимая участие в убийстве мирных граждан, разрушении инфраструктуры, жилых домов.

Необходимо акцентировать внимание на практике огосударствления частной собственности в некоторых европейских государствах. Так, в законах Югославии 1944 – 1945 годов собственностью государства объявлено имущество лиц, сотрудничавших с оккупантами или находившимися в эмиграции [2]. Указом Президента Республики Южная Осетия от 7 декабря 2010 года правоустанавливающие документы на жилые помещения и земельные участки, выданные в период, когда часть Ленингорского района Южной Осетии находилась под юрисдикцией Грузии в 1991 – 2008 годах были признаны недействительными. На основании Постановления Президиума Государственного

Ныхаса Республики Южная Осетия от 10 января 1994 года до установления (восстановления) гражданином права на жилое помещение жилой фонд на рассматриваемой территории признан государственной собственностью Республики Южная Осетия [3].

Приведённые факты актуализируют вопрос необходимости законодательного регулирования национализации имущества лиц, участвовавших в деятельности, направленной против Донецкой Народной Республики, осуществляющих геноцид против народа Донецкой Народной Республики. В то же время, создание эффективного механизма изъятия имущества в пользу государства у сотрудников органов государственной власти и лиц, участвующих в боевых действиях против Донецкой Народной Республики, в условиях военной агрессии, требует несколько иного подхода к правовому регулированию понятия «национализация» и его сущности в целом.

Отметим, что в условиях мирного времени вопросы прекращения права собственности регулируются законами, реализуются и гарантируются судебной системой, однако практика показала, что правовое регулирование указанных вопросов в чрезвычайных обстоятельствах, в условиях вооруженного конфликта является неэффективным [4, с. 123]. В данном случае, с одной стороны, государство обязано использовать все доступные силы и средства для скорейшего обеспечения гарантий безопасности граждан. С другой – отсутствует действенный механизм позволяющий изымать имущество у лиц, покинувших территорию Донецкой Народной Республики и продолжающих деятельность против Республики, без применения реквизиции.

Анализируя основные международные договоры по правам человека необходимо прийти к выводу о том, что последние создают режимы, при которых не исключается возможность ограничения прав человека, в том числе и права собственности, в ходе вооруженного конфликта. Условием таких ограничений является необходимость достижения той или иной легитимной цели и пропорциональность. В случае вооруженного конфликта в качестве таких целей может выступать, в частности, защита прав других лиц.

Необходимо акцентировать внимание, что принятая ещё в 1789 году во Франции Декларация прав человека и гражданина установила принцип принудительного прекращения права собственности [5]. В силу указанного принципа собственность ненарушима, священна, и никто не может быть лишен её, за исключением случаев, когда этого очевидно требует общественная необходимость, констатированная законным образом и под условием справедливого и предварительного вознаграждения.

Из практики международных судебных и квазисудебных органов по защите прав человека следует, что пределы допустимого вмешательства государств в осуществление прав и свобод могут варьироваться в зависимости от существа самого права или свободы, обстоятельств конкретного дела, а также изменяться с течением времени.

Следует отличать ситуации вмешательства государства в общественные отношения по использованию имущества, которые фактически представляют

собой экспроприацию и предполагают выплату компенсации от мер, необходимых для урегулирования государством отношений в области экономики, в социальной сфере и т.д. Так, абзац второй ст. 1 Дополнительного протокола № 1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод признает, что государства участники имеют право, среди прочего, контролировать использование собственности в соответствии с интересами общества, вводя такие законы, которые они считают необходимыми для этой цели. При рассмотрении дел Европейский суд по правам человека, разрешая вопрос об отличии экспроприации от мер по регулированию внутренней политики государства в социальной сфере, в сфере защиты окружающей среды, в области экономики, использует принцип пропорциональности (справедливого равновесия между публичными интересами и необходимостью защиты основных прав и свобод человека) [6, с. 167].

Одним из основных принципов гражданского законодательства Донецкой Народной Республики в силу пункта 2 части 1 статьи 3 Гражданского кодекса Украины от 16 января 2003 года № 435-IV (далее - ГК), действующего на территории Донецкой Народной Республики на основании части 2 статьи 86 Конституции Донецкой Народной Республики [7], является принцип неприкосновенности права собственности, который резюмируется в Основном Законе нашего государства [8]. Однако следует акцентировать внимание на отсутствии детализации содержания данного принципа в указанных источниках права. В то же время, провозглашая неприкосновенность права собственности, статья 28 Конституции Донецкой Народной Республики тем самым вводит исключение из общего правила, позволяя принудительно лишить собственника его имущества по решению суда в связи с государственной необходимостью и при условии предварительного и равноценного возмещения. При этом содержание понятия «государственной необходимости» действующим законодательством Донецкой Народной Республики также не урегулировано.

В указанном аспекте следует подчеркнуть, что для экономики любого развивающегося государства, в частности экономики Донецкой Народной Республики, характерным является процесс постоянных качественных изменений форм собственности и перераспределение объектов права собственности. Более того, отличительной особенностью экономики переходного периода является постоянный переход прав собственности и имущества, обусловленный влиянием различных факторов. Так, формальным образом закреплённые права собственности оказываются недостаточным основанием для реализации таких прав собственником. В то же время весьма сомнительные с юридической точки зрения права могут быть достаточными для реализации полного распоряжения тем или иным объектом материального мира. В связи с указанным, юридическая составляющая форм собственности в переходных обществах зачастую не отвечает их действительному экономическому содержанию, а также требованиям социальной справедливости.

Обращаясь к философской науке необходимо отметить, что в современном мире демократия определяет категорию «справедливость» как «морально-

правовое и социально-политическое сознание», содержащее требование соответствия всего лишь между правами и обязанностями. В рассматриваемом аспекте уместно вспомнить Карла Маркса: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества». Следует помнить, что «люди равны в качестве «соучредителей» социального пространства. Но сам акт учреждения состоит в легитимации (т.е. в признании или подтверждении законности) неравенства. Проблема состоит в сложности формирования в законодательстве норм, основанных на понимании категорий равенства и неравенства. В морали и праве «справедливость оказывается равенством...». Между тем, «представление о том, что равенство есть выражение справедливости», возникло исторически. Оставаясь «историческим продуктом» равенство и справедливость существуют лишь в противоположностях: равенство–неравенство, справедливость–несправедливость [9, с. 70].

Ввиду необходимости восстановления социальной справедливости, стабилизации экономической ситуации в Донецкой Народной Республике и приведения в соответствие действительному экономическому содержанию отношений между предприятиями Донецкой Народной Республики, Народным Советом Донецкой Народной Республики установлены принципы законодательного регулирования процесса введения внешнего управления на предприятиях, осуществляющих деятельность на территории Донецкой Народной Республики, на которые распространяется украинская юрисдикция. Указанные принципы стали основой для принятия Советом Министров Донецкой Народной Республики Постановления «О порядке введения временных государственных администраций на предприятиях и в учреждениях» от 26 сентября 2014 года № 35-8 [10]. Указанные мероприятия позволили создать механизм для поддержания экономической стабильности Донецкой Народной Республики, обеспечив условия для её дальнейшего государственного развития. Однако следует подчеркнуть, что указанные механизмы в большей мере направлены на защиту общегосударственных интересов. В то же время, следует акцентировать внимание на том, что в соответствии со статьёй 4 Конституции Донецкой Народной Республики одним из основных направлений социальной политики нашего государства является создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, народное благосостояние, доступность основных материальных благ. На практике указанные условия обеспечиваются путём установления гарантий социальной защиты человека и гражданина.

Таким образом, на сегодняшний день существует необходимость в создании новой системы, предполагающей возможность национализации имущества, которая позволит государству использовать все доступные силы и средства для скорейшего обеспечения гарантий социальной защиты граждан, пострадавших в результате вооружённой агрессии со стороны государства Украина.

Ввиду тесной взаимосвязи нашего государства с Российской Федерацией в историческом контексте считаем необходимым обратить внимание на развитие рассматриваемого вопроса именно в указанном государстве. Из исторически

сформированной международной практики необходимо прийти к выводу о том, что на формирование института национализации и закрепление его в законодательстве Российской Федерации оказали влияние различные правовые системы, что указывает на универсальность данного института. Становление России как государства на всех исторических этапах тесно связано с осуществлением различных вооруженных конфликтов, что приводило к необходимости принудительного прекращения права собственности у субъектов им владеющим.

В юридической литературе национализация понимается как право государства изымать имущество, которое можно использовать в случае крайней необходимости. Причиной изъятия имущества должно являться возникновение чрезвычайных обстоятельств, в том случае, когда предупреждение или ликвидация иными способами не дали необходимого результата и не обеспечена безопасность граждан [11, с. 135]. В приведённых случаях органы государственной власти в общественных интересах имеют полномочия существенно ограничивать право собственности юридических и физических лиц. Национализация применяется для удовлетворения государственных нужд и в интересах общества.

Руководствуясь положениями Конституции Донецкой Народной Республики, Декларации о государственном суверенитете Донецкой Народной Республики, общепризнанных международных норм и правил, в том числе основываясь на суверенном праве Донецкой Народной Республики на защиту своей национальной безопасности, национальных интересов, суверенитета и территориальной целостности, своей экономической самостоятельности, прав, свобод и законных интересов граждан Донецкой Народной Республики, общества и государства, органами государственной власти могут применяться специальные экономические меры.

С учётом потребности неотложного и эффективного реагирования на возникающие угрозы национальным интересам Донецкой Народной Республики, включающие оккупацию территории, экспроприацию собственности государства, физических и юридических лиц, причинения имущественных потерь и создания препятствий для устойчивого экономического развития, полноценного осуществления гражданами Донецкой Народной Республики принадлежащих им прав и свобод возникла необходимость применения, кроме санкций, и такого мероприятия как национализация в Донецкой Народной Республике имущества государства-агрессора Украины и его резидентов-сотрудников органов государственной власти и лиц, участвующих в боевых действиях против Донецкой Народной Республики. В связи с отсутствием механизма изъятия собственности у указанных лиц, предлагаем на законодательном уровне закрепить такое понятие, как «национализация имущества государства-агрессора и его резидентов-сотрудников органов государственной власти и лиц, участвующих в боевых действиях против суверенного государства». В основу рассматриваемого понятия следует отнести следующие принципы: 1) безвозмездность, 2) особая категория лиц, 3) справедливость, 4) применение в особых правовых режимах.



Поскольку на сегодняшний день Донецкая Народная Республика находится в сложном экономическом положении, стабилизация которого требует немало времени и усилий, национализация объектов права собственности государства - агрессора и его резидентов-сотрудников органов государственной власти и лиц, участвующих в боевых действиях против суверенного государства должна осуществляться без последующего возмещения стоимости имущества.

Главным отличием указанной национализации от классического понимания понятия «национализация» должна являться возможность применения исключительно в отношении государства-агрессора и его резидентов-сотрудников органов государственной власти и лиц, участвующих в боевых действиях против суверенного государства.

В связи с указанным под процедурой национализации имущества государства-агрессора и его резидентов-сотрудников органов государственной власти и лиц, участвующих в боевых действиях против суверенного государства, предлагаем понимать принудительное изъятие объектов права собственности государства-агрессора и объектов права частной собственности его резидентов-сотрудников органов государственной власти и лиц, участвующих в боевых действиях против суверенного государства, на основании общественной необходимости в собственность государства.

Учитывая всю сложность реализации изложенной процедуры в указанном аспекте для регулирования общественных отношений, важно законодательно установить за судом исключительное право в каждом конкретном случае применять национализацию имущества государства-агрессора и его резидентов-сотрудников органов государственной власти и лиц, участвующих в боевых действиях против суверенного государства.

Полагаем, что закрепление в законодательстве Донецкой Народной Республики понятия «национализация имущества государства-агрессора и его резидентов-сотрудников органов государственной власти и лиц, участвующих в боевых действиях против суверенного государства» позволит создать действенный механизм, способный эффективно восстановить права граждан, утративших своё имущество в результате противоправных действий в условиях военного положения.

### Список литературы

1. Тимошев Р.М. Право наций на самоопределение и современные межнациональные конфликты // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2008. № 3. С. 53-63.
2. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. д. ю. н., проф. О. А. Жидкова и д. ю. н., проф. Н. А. Крашенинниковой. - 2-е изд., стер. М.: Норма, 2004. 624 с.
3. Указ Президента Республики Южная Осетия «О мерах по урегулированию спорных жилищных вопросов на территории Ленингорского района Республики Южная Осетия и по решению проблемы возвращения граждан

Республики Южная Осетия (вынужденных переселенцев) в места прежнего проживания» от 7 декабря 2010 года // [Электронный ресурс]. URL: [http://ugo-osetia.ru/10\\_121/10\\_121-2.html](http://ugo-osetia.ru/10_121/10_121-2.html). (Дата обращения 24.10.2017).

4. Палькевич А.В. К вопросу о принудительном прекращении права собственности в условиях вооруженного конфликта не международного характера // Труды академии управления МВД России. М., 2014, № 1 (29). С. 122-126.

5. Декларация прав человека и гражданина 26 августа 1789 года. Принята Учредительным собранием 26 августа 1789 г. // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26-29.

6. Ежова, Т.Г. Право собственности и экспроприация в практике Европейского суда по правам человека // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 3. С. 167-171.

7. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года // [Электронный ресурс]. URL: <http://dnr-online.ru/doc/zakony/>. (Дата обращения 22.10.2017).

8. Гражданский кодекс Украины от 16 января 2003 года № 435-IV // [Электронный ресурс]. URL: <http://dnr-online.ru/doc/zakony/>. (Дата обращения 22.10.2017).

9. Лукьянов И.С. Справедливость, гражданское общество, государство // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки [Электронный ресурс]. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-grazhdanskoe-obschestvo-gosudarstvo>. (Дата обращения 26.10.2017).

10. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики «О порядке введения временных государственных администраций на предприятиях и в учреждениях» от 26 сентября 2014 года № 35-8 // [Электронный ресурс]. URL: [https://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN35\\_8\\_26092014.pdf](https://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN35_8_26092014.pdf). (Дата обращения 22.10.2017).

11. Данельян А.А. Институт национализации в международном праве // материалы межд. науч.-практ. конф. - Казань: КФ ФГБОУВПО «РАП», 2014. С. 134-142.

**УДК 347.232**

**А.В. Овчаренко**

Аспирант кафедры административного и финансового права юридического факультета Донецкого национального университета Донецкой Народной Республики (г. Донецк)  
(E-mail: [vsdnr-uzd@mail.ru](mailto:vsdnr-uzd@mail.ru))

**К ВОПРОСУ О ПРИОБРЕТЕНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА  
БЕСХОЗЯЙНОЕ НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО**

*В статье проанализировано правовое регулирование института бесхозяйного имущества в Донецкой Народной Республике. Также содержатся предложения по решению социально-правовой проблемы применения института приобретательной давности. Предложено введение в законодательство Донецкой Народной Республики новой редакции понятия бесхозяйного имущества, которое позволит расширить имеющиеся знания о предмете исследования, а также обеспечить защиту прав и интересов граждан в период военного положения.*

**Ключевые слова:** *бесхозяйное имущество; военная агрессия; имущество; право собственности; прекращение права собственности; приобретательная давность.*

**Ovcharenko A.V.**

## **TO THE QUESTION OF ACQUISITION OF THE OWNERSHIP OF PROPERTY ON HUMAN BEING PROPERTY**

*The article analyzes the legal regulation of the institution of ownerless property in the Donetsk People's Republic. There are also proposals to address the socio-legal problem of the application of the institution of acquisitive prescription. The introduction in the legislation of the Donetsk People's Republic of a new edition of the concept of ownerless property, which will expand existing knowledge about the subject of research, as well as ensure the protection of the rights and interests of citizens in times of martial law.*

**Key words:** *ownerless property; military aggression; property; property rights; termination of ownership; acquisitive prescription.*

В связи со сложившейся сложной политической ситуацией, военным положением и необходимостью обеспечения стабильного экономического развития в Донецкой Народной Республике на сегодняшний день возникла острая необходимость в разработке механизмов регулирования общественных отношений, в частности, связанных с оборотом и использованием недвижимого имущества. В условиях экономической блокады, проведения противоправных военных действий со стороны государства Украина, сопровождающихся целенаправленным геноцидом народа Донбасса и уничтожением социальной инфраструктуры, а также ввиду сложной экономической ситуации возникла необходимость оптимизации отношений, которые связаны с собственностью, а также поиска путей решения сложных социальных вопросов с соблюдением международно-правовых принципов и Конституции Донецкой Народной Республики.

Общественные отношения, связанные с собственностью, являются наиболее гибкими и динамично развивающимися в современном праве. Указанное в свою очередь вызывает потребность в создании оперативного, эффективного, а также способного своевременно реагировать на изменения

социально-экономической среды механизма регулирования. Сформированноена сегодняшний день законодательство Донецкой Народной Республики в сфере имущественных отношений не даёт возможности достигать соответствующего эффекта, в связи с чем возникают проблемы, а также коллизии в регулировании отдельных аспектов гражданско-правовых отношений в сфере собственности. В частности, регламентация института бесхозяйного имущества на современном этапе не отвечает динамично развивающимся рассматриваемым общественным отношениям, ввиду наличия следующих основных проблем:

- отсутствие актуальных теоретических разработок в сфере отношений, предметом которых являются бесхозяйное имущество, в частности, в условиях военного положения;

- несоответствующее обеспечение органов государственной власти и местного самоуправления, которые являются субъектами правоотношений в сфере приобретения права собственности на бесхозяйное имущество (хранение бездомных животных в органах местного самоуправления и полиции при их выявлении и т.д.);

- архаичность норм, регламентирующих рассматриваемые отношения;

- несогласованность актов законодательства Донецкой Народной Республики, регламентирующих правовой статус вещей, которые относятся к категории бесхозяйного имущества;

- отсутствие эффективного антикоррупционного правового регулирования, позволяющего пресекать противоправные действия в отношении бесхозяйного имущества.

Неспособность правовой регламентации института бесхозяйного имущества выполнять поставленные задачи потребовала критического исследования системы обращения и использования бесхозяйных вещей. Устаревшая регламентация исследуемого вопроса с общетеоретической и научно-практической позиций привела к тому, что бесхозяйное имущество рассматривается лишь в качестве источника доходной части бюджета, без акцента на должное обеспечение защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений, ввиду изъятия у них имущества и его возврата в случае отмены судебного решения.

Необходимо отметить, что государственное управление распространяется как на принадлежащее государственное имущество, так и на имущество, имеющее иной правовой статус. В то же время имущество, обладающее признаками бесхозяйного, по своему статусу находится в пограничном состоянии – прежним собственником оно оставлено, однако новый еще не появился. Так, на современном этапе стала наиболее актуальной тема создания государством правовых механизмов, обеспечивающих эффективное обращение бесхозяйного имущества, как в собственность государства, так и путём применения института приобретательной давности.

Следует отметить, что процесс управления оборота бесхозяйного имущества и его дальнейшая реализация является не просто одним из полномочий, осуществляемых государством, поскольку указанный процесс

можно рассматривать как исторически сложившуюся публичную функцию государства. Так, посредством реализации указанной функции государство, в частности, решало задачу по повышению эффективности управления бесхозяйным имуществом, а именно по улучшению взаимодействия в данной сфере государственных органов между собой и во взаимоотношениях с гражданами. Эффективное управление должно было привести, в первую очередь, к обеспечению защиты прав и законных интересов граждан в процессе гражданского оборота бесхозяйного имущества.

На сегодняшний день основным нормативным правовым актом, регламентирующим отношения в сфере бесхозяйного недвижимого имущества в Донецкой Народной Республике, является Закон Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» от 25 декабря 2015 года № 99-ІНС (далее – Закон № 99-ІНС). Так, согласно подпункту «а» пункта 56.1 статьи 56 Закона № 99-ІНС бесхозяйным признается движимое имущество и денежные средства, а также выморочное имущество, включающее в себя недвижимое имущество, без собственника или собственник которого не известен. В то же время рассматриваемое понятие не в состоянии эффективно обеспечить развитие института бесхозяйного имущества с позиции обеспечения защиты прав и законных интересов граждан Донецкой Народной Республики [1].

Объективно, что недостаточная правовая разработка понятия «бесхозяйное имущество» негативным образом отражается на применении института приобретательной давности в контексте соблюдения принципа многообразия и равенства всех форм собственности. Так, недвижимое имущество, собственник которого неизвестен, не может считаться бесхозяйным ввиду особенностей государственной регистрации прав на такое имущество. В статье 142 Земельного кодекса Украины закреплён единственный порядок отказа лица от принадлежащего ему права на земельный участок, заключающийся в подаче заявления о таком отказе в соответствующий орган [2]. В случае отсутствия заявления об отказе лица от принадлежащего ему права на земельный участок, оставленные собственником земельные участки нельзя считать бесхозяйным имуществом.

Необходимо обратить внимание, что, несмотря на очевидный прогресс, на сегодняшний день правовые средства, аккумулированные для создания желаемого социального состояния для субъектов права в данной сфере общественных отношений не являются в полной мере эффективными и нуждаются в доработке. Правоприменительным органам приходится полагаться на сложившуюся практику взаимодействия различных государственных структур между собой, а также на такие способы восполнения пробелов в праве, как аналогия закона и аналогия права.

Обратим внимание, что ключевым элементом нового института бесхозяйного имущества призван стать новый порядок обращения имущества, оставленного собственником.

Таким образом, необходимым в первую очередь является изложение подпункта «а» пункта 56.1 Закона № 99-ІНС в следующей редакции: «бесхозяйное имущество - движимое и недвижимое имущество (денежные средства), которое не

имеет собственника, собственник которого не известен или которое было оставлено собственником на срок более трёх лет, без его дальнейшего хозяйственного использования и обеспечения».

В целях выявления случаев оставления собственником имущества на срок более трёх лет без его дальнейшего использования и обеспечения целесообразно предусмотреть специальный порядок установления соответствующего факта. Полагаем, что факт оставления собственником недвижимого имущества на срок более трёх лет, без его дальнейшего хозяйственного использования и обеспечения целесообразно связывать с фактом неуплаты обязательных платежей, а также признания лица безвестно отсутствующим.

Отметим, что вопрос о необходимости обнаружения бесхозяйного имущества неоднократно обсуждался учёными. В частности, Елизаров А.Б. призывал на законодательном уровне обязать органы местного самоуправления выявлять бесхозяйное имущество и обращаться в суд заявлением о признании такого имущества собственностью муниципального образования либо собственностью иных лиц на условиях возмездности [3, с. 18].

Вместе с тем необходимо акцентировать внимание на том, что особое внимание при проведении указанного процесса необходимо уделить именно механизму установления факта бесхозности, а также периода, когда титульный собственник может быть восстановлен в своих правах на имущество. Так, Г.В. Алексеев и Г.Н. Морозов отмечали, что легитимность всего процесса изъятия и реализации имущества зависит в том числе и от полного и эффективного правового обеспечения защиты материальных благ граждан, чьи интересы затронуты данным процессом [4].

Акцентируем внимание, что Законом № 99-ІНС выявление, учёт и хранение бесхозяйного имущества, оценка такого имущества, распоряжение им отнесено к компетенции органов доходов и сборов Донецкой Народной Республики. Таким образом, Министерство доходов и сборов Донецкой Народной Республики, кроме случаев изъятия имущества, стоимость которого превышает 15 миллионов российских рублей и подлежит согласованию с Главой Донецкой Народной Республики, фактически единолично принимает решение о дальнейшей судьбе имущества, тем самым нарушая принцип разделения властей и создавая предпосылки для нарушения прав собственников.

Следует обратить внимание, что достоверное установление факта бесхозности имущества и определение возможности дальнейшего введения его в гражданский оборот в распоряжение субъектам, не относящимся к титульному собственнику, возможно исключительно в судебном порядке. Так, частью 4 статьи 344 Гражданского кодекса Украины установлено, что право собственности по приобретательной давности на недвижимое имущество приобретается только по решению суда [5]. Однако в рассматриваемом аспекте в юридической литературе авторами, в частности, Горячевой Е.В и Толстой Ю.К., акцентировалось внимание на целесообразности рассмотрения дел данной категории в порядке особого производства. Спор указанной категории дел отсутствует ввиду того, лицо беспрепятственно владеет недвижимым

имуществом длительный срок. В таких случаях установление в особом порядке факта давности владения является более целесообразным, чем рассмотрение дела в порядке искового производства [6].

Внесение соответствующих изменений в законодательство Донецкой Народной Республики, с учётом вышеуказанных аспектов, поможет обеспечить следующие положительные результаты: 1) обеспечить механизм реализации института приобретательной давности; 2) создать механизм временного использования бесхозного имущества в условиях военного положения гражданами, пострадавшими от военной агрессии для решения социальных задач до окончания войны; 3) обеспечить контроль за гражданским оборотом недвижимого имущества и его целевым использованием.

Следует отметить, что возможность использования оставленного недвижимого имущества была законодательно разрешена в период войны в Абхазии в 1992 – 1993 годах, что позволило оказать поддержку гражданам, чья недвижимость была разрушена в результате военного конфликта. Начиная с 2010 года и по сегодняшний день, в Абхазии ведутся споры относительно имущества, которое было утрачено в период вооруженного конфликта. Так, в 2010 году в Абхазии создана комиссия, призванная обеспечить защиту имущественных прав граждан Российской Федерации в Республике Абхазия. Установлено, что по заявлению председателя указанной комиссии вопросы, которые связаны с собственностью граждан Российской Федерации, оставленной ими в период военных действий в Абхазии в период 1992 – 1993 годы, должны рассматриваться в суде [7].

Следует акцентировать внимание на то, что усовершенствование законодательства в контексте уточнения правового режима бесхозного недвижимого имущества как объекта права собственности, а также исключение разногласий регламентации рассматриваемого института способствует эффективному использованию бесхозного имущества и его скорейшему возвращению в гражданский оборот, а также позволит избежать возможных противоречий между субъектами общественных отношений, связанных с собственностью. Особое внимание следует уделить нормативно-правовому регулированию института приобретения собственности на бесхозное недвижимое имущество. Так, следует законодательно закрепить модель взаимоотношений, исключающую возможность злоупотреблений со стороны соответствующих органов государственной власти и коллизий законодательства, что обеспечит эффективное использование недвижимого имущества после приобретения на него права соответствующими органами местного самоуправления собственности с целью выполнения социальных задач.

### Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» от 25 декабря 2015 года № 99-ІНС (ред. от 25.05.2018) // [Электронный ресурс].

URL: <http://dnrsovet.su/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.  
(Дата обращения 05.06.2018).

2. Земельный кодекс Украины от 25 октября 2001 года № 2768-III (ред. от 05.12.2013) // [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/276814?test=dCCMfOm7xBWMoAdEZiFNH/vfHI4kws80msh8Ie6>. (Дата обращения 05.09.2016).

3. Елизаров, А. Б. Административно-правовой статус бесхозяйного имущества // Вестник Омского юридического института. 2010. № 2 (13). С. 16-18.

4. Алексеев Георгий Валерьевич, Морозов Григорий Никитович Политико-правовые аспекты управления процессом конфискации имущества и признания имущества бесхозяйным, а также реализации указанного имущества // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики [Электронный ресурс] 2004, №17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-aspekty-upravleniya-protsessom-konfiskatsii-imuschestva-i-priznaniya-imuschestva-beshozuaynum-a-takzhe-realizatsii> (Дата обращения 05.06.2018).

5. Гражданский кодекс Украины от 25 октября 2001 года № 2768-III (ред. от 12.04.2018) // [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/435-15>. (Дата обращения 05.09.2018).

6. Горячева Елена Васильевна. Признание права собственности в силу приобретательной давности // ИСОМ [Электронный ресурс]. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznanie-prava-sobstvennosti-v-silu-priobretatelnoy-davnosti> (дата обращения: 05.06.2018).

7. Комиссия по защите имущественных прав граждан РФ в Абхазии рассмотрела 119 заявлений граждан России // Государственное информационное агентство Республики Абхазия [Электронный ресурс].

URL: <http://apsnypress.info/news/komissiya-po-zashchite-imushchestvennykh-prav-grazhdan-rf-v-abkhazii-rassmotrela-119-zayavleniy-grazhdan/>. (Дата обращения 05.06.2018).

## УДК 340.1

**В. А. Остапец**

**Преподаватель кафедры теории государства и права, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)**  
([tigr\\_dua@mail.ru](mailto:tigr_dua@mail.ru))

### **ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА**

*В статье сделана попытка обобщить суть ныне существующих теорий происхождения государства, обосновать причину происхождения государства осознанием индивида необходимостью обеспечения своего существования.*

***Ключевые слова:** основная функция государства, основная цель государства, происхождение государства, догосударственная форма социального существования, патриархальная семья, род, племя.*



Ostapets V. A.

### EXISTENTIAL THEORY OF THE ORIGIN OF THE STATE

*The article makes an attempt to generalize the essence of the existing theories of the origin of the state, to justify the reason for the origin of the state by the awareness of the individual by the need to ensure his existence.*

**Key words:** *the main function of the state, the main goal of the state, the origin of the state, pre-state form of social existence, patriarchal family, clan, tribe.*

С античных времен и до современности многие авторы, такие как Эпикур, Спиноза, Дидро, Пейн, Констант, Кант, Гумплович, Харт, Финнес, и др. – указывают, что главной, основной целью государства является обеспечение и сохранение естественных прав человека, в т.ч. и право на жизнь, т.е. - обеспечение существования человека [1, с. 31; с. 95; с. 123; с. 129; с. 162; с. 178; с. 207; с. 251; с. 261]. Очевидность этого обосновывается тем что, если не сохранена жизнь человека, то все иные его права становятся не актуальными. Тем не менее, ни одна из теорий происхождения государства не связывает основную цель государства с причиной его возникновения. Возникновение государства связывается с выделением в обществе отдельной категории людей, на постоянной основе занимающихся только управленческой функцией, и не участвующих в производственной деятельности.

Причиной возникновения государства в большинстве источников указывается имущественное расслоение общества, вследствие разделения труда, специализации и совершенствования технологий производства, появление избыточного продукта. Такой взгляд является следствием влияния марксистской идеологии на мировоззрение постсоветских теоретиков государства и права.

В настоящее время наиболее распространенными теориями происхождения государства являются следующие.

1. Патриархальная теория – основывает происхождение государства вследствие разрастания семьи, в результате объединения людей в масштабные социальные образования, что, в конечном итоге, приводит к образованию государства. Глава государства происходит от отца, патриарха.

2. Кризисная теория – говорит о том, что государство возникло вследствие изменений условий обитания человека. В связи с изменением климата, человечество вынуждено было организовывать свою социальную структуру таким образом, чтобы в максимальной степени обеспечить свое выживание и относительно комфортное существование [2, с. 15].

3. Теория общественного договора – объясняет происхождение государства посредством заключения общественного договора, рассматриваемого как результат разумной воли народа, на основе которого произошло добровольное объединение людей с целью лучшего обеспечения свободы и взаимных интересов.

Согласно этой теории, в процессе развития человечества права одних людей приходят в противоречие с правами других, нарушается порядок, возникает насилие. Для обеспечения нормальной жизни люди заключают между собой договор о создании государства, добровольно передавая ему часть своих прав.

Содержание понятия естественного права включает в себя представления о правах принадлежащих человеку и гражданину от рождения. Римские юристы наряду с гражданским правом и правом народов выделяли естественное право (*ius naturale*) как отражение законов природы и естественного порядка вещей. Сейчас нормы естественного права являются общеобязательными для каждого современного государства. Основные права человека и гражданина, соблюдение которых является обязанностью государства, определены нормами международного права [3, с. 48].

4. Ирригационная теория – объясняет возникновение государства необходимостью создания специального аппарата для строительства и поддержки ирригационных сооружений в древних земледельческих цивилизациях [4, с. 15].

5. Психологическая теория – основывается на том, что человек в силу своих психологических свойств стремится к существованию в рамках организованного сообщества, а также в необходимости коллективного взаимодействия [3, с. 48].

«... сущность государства заключается в необходимости удовлетворения человеческой психики. В связи с этим происхождение государства обусловлено особыми свойствами человеческой психики. У одних людей есть психологическая потребность повелевать слабыми, у других – подчиняться более сильным. Они связывают появление государственности с данными свойствами человеческой психики: потребностью людей во власти над другими людьми, стремлением подчиняться, подражать» [5, с. 24].

Представителями этой теории, возникшей в середине XIX в., были Г. Тард, Л.И. Петражицкий (1867—1931 гг). Они объясняли появление государства и права через свойства человеческой психики, т.е. потребностью подчиняться и быть зависимыми от элиты. Народ рассматривался как пассивная инертная масса, ищущая подчинения [6, с. 48].

6. Органическая теория. По оценкам представителей данной доктрины, ... государство – продукт социальной эволюции, которая является лишь разновидностью эволюции биологической. Государство, будучи разновидностью биологического организма, имеет мозг (правителей) и средства выполнения его решений (подданных). ... Таким образом, государство практически "уравнивается" с биологическим организмом [6, с. 13].

7. Теория насилия – данная теория объясняет возникновение государства вследствие завоевания одного племени другим.

8. Классовая (марксистская теория). Марксизм, господствовавший в советской науке, решающую роль отводил возникновению классов, антагонистическим противоречиям между ними, непримиримости классовой борьбы: государство возникает как продукт этой непримиримости, как орудие

подавления господствующим классом других классов. ... С точки зрения классового подхода сущность государства состоит в поддержании господства одного класса над другим, причем меньшинства над большинством. Государство – это диктатура экономически и политически господствующего класса [5 с. 27].

9. Инцестная теория (ее автор – французский этнограф и социолог К. Леви-Строс) ограничивает возникновение государства необходимостью создания специального аппарата у племен и народов для предотвращения кровосмесительных браков. Однако вряд ли введение запрета на кровосмесительное родство было у древних людей сознательным, а значит, оно не могло требовать учреждение специального репрессивного органа. [4, с. 20]

10. Диффузионная теория (ее родоначальник – Ф. Гребнер) связывает возникновение государства с процессом распространения управленческих навыков и государственных начал от одного народа к другому. В истории цивилизации известно множество случаев распространения технических и культурных достижений из одного или нескольких очагов на другие страны, континенты, даже в масштабах планеты [4, с. 17].

11. Патримониальная теория связывает рождение государства с утверждением поземельной собственности. По мнению основоположника этой теории швейцарца К.Л. фон Галлера, по мере концентрации власти в руках вождей им передается и распоряжение землей, а затем «именно из права владения землей власть автоматически распространяется и на проживающих на ней людей...» [4, с. 19].

Так называемая теологическая теория происхождения государства, по сути, является ненаучной, поэтому здесь не рассматривается.

Рассмотрим каждую из выше приведенных теорий происхождения государства по отдельности и во взаимосвязи одних теорий с другими.

Если задать вопрос: кто мог быть во главе патриархальной семьи, какие цели и задачи стояли перед патриархом, мы приходим к выводу, что возглавлять патриархальную семью мог наиболее опытный человек, который своими навыками, опытом и организационным воздействием мог обеспечить получение патриархальной семьей достаточного количества ресурсов, необходимых для приемлемого уровня ее существования. Если вследствие травмы, болезни, или по иным причинам патриарх утрачивал свои способности, то он неизбежно заменялся на иного, наиболее соответствующего данной функции, члена семьи, брата, сына бывшего патриарха, и т.п. Данное утверждение имеет историческое обоснование. Организационное воздействие на общество оказывалось патриархом путем следования его распоряжениям и заимствованием его модели поведения другими членами общества, с целью обеспечения наилучших результатов совместной деятельности, направленной на обеспечение выживания всех членов семьи. Заимствование определенных моделей поведения обусловлено тем, что патриарх, будучи наиболее опытным и интеллектуально более развитым членом семьи, мог определять, изобретать такие формы и приемы деятельности, которые давали наибольший положительный результат. Менее развитые, менее опытные члены семьи вынуждены были следовать за патриархом, иначе их шансы на

выживание резко снижались. Аналогичная форма поведения в биологии называется «симпатическая индукция» или «социальное облегчение». Отсюда вытекают положения психологической теории происхождения государства, которая говорит о том, что одни члены общества повелевали, а другие подчинялись повелителям, однако эта теория не раскрывает причин такого положения в обществе. Таким образом, в патриархальной теории неизбежно присутствуют как психологический аспект, содержащийся в психологической теории, так и элемент договора между патриархом и членами семьи о взаимном распределении функций и обязанностей. Данное утверждение может быть подкреплено тем, что проведя мысленный эксперимент, когда мы исключаем какой-либо один, психологический или договорной аспект из патриархальной модели устройства семьи, мы приходим к выводу, что такое социальное образование неизбежно разрушается.

Следовательно, можно говорить не об отдельных теориях, а об одной, комплексной теории происхождения государства, включающей в себя три – патриархальную, психологическую и договорную теории.

Кризисная теория теоретиками связывается с неолитической революцией, переходом от присваивающей экономики к производящей. Данная теория вполне убедительна. Однако можно утверждать, что и психическое развитие человека, повышение интеллектуального уровня, накопление и использование наблюдений за природными явлениями, (установление связи между погодными условиями и урожайностью растений, выяснение повадок животных, предрасполагавших к их одомашниванию, фиксация изменения свойств глины после ее случайного пребывания в костре, и т.п.) могли привести к тому же результату. Понятие «кризис» имеет параметрическую характеристику. Всякое изменение в окружающей среде, требовавшее приспособительной реакции общества, можно рассматривать как кризис. Качественное различие между разного рода кризисами может быть проведено между явлениями, непосредственно или опосредованно угрожающими существованию человека, и только ухудшающие его положение. С последними ситуациями человечество сталкивается постоянно, на протяжении всей своей истории. Так или иначе, человечество всегда находилось так сказать, на переднем крае борьбы за свое существование, и постоянно сталкивается с разного рода кризисами, последствия которых с тем или иным успехом или избегает или преодолевает. При этом человечество всегда трансформирует свое состояние в зависимости от сложившихся условий, что обусловлено всеобщим свойством материи - отражением. Каждый индивид, социальная группа, и человечество в целом, в той или иной ситуации выстраивает наиболее оптимальную модель поведения, которая обусловлена сложившейся ситуацией (в т.ч. имеющимися ресурсами), целью субъекта, его опытом и интеллектуальным уровнем. Для решения различного рода задач, периодически возникающих перед обществом, выстраивается универсальная структура общества, которая обеспечивает оперативное и эффективное реагирование на изменяющиеся условия. Проверенная практикой, эффективная форма закрепляется в обществе, приобретает постоянный характер. Таким образом, сформировалась модель, сходная с некоторой биологической системой, в составе которой имеется

управляющий центр, и специализированные управляемые элементы системы, что дало повод и основание для появления органической теории происхождения государства. Как кризис можно расценивать необходимость орошения больших сельскохозяйственных площадей, продуктивность которых необходимо было поддерживать и повышать, вследствие роста численности населения, или изменения климата в определенной местности. Таким образом, и ирригационную (гидравлическую) теорию можно считать вариантом кризисной теории.

Доктор юридических наук, профессор А.Б. Венгеров пишет: «И вместе с тем ирригационная теория (ее еще называют гидравлической) улавливает также лишь отдельные связи, отдельные стороны процесса государствообразования, но опять-таки гиперболизирует и универсализирует их» [2, с. 29].

В категорию явлений, охватываемую кризисной теорией можно отнести и патриархальную, договорную, психологическую, органическую, диффузионную, инцестную, и патримониальную (как выводную теорию из патриархальной теории, или теории насилия) теории, как теории, описывающие поведение субъектов в кризисных ситуациях. Также в эту область, можно отнести и теорию насилия, и классовую теорию, хотя о них следует сказать отдельно.

Классовая (марксистская, материалистическая теория) происхождения государства описывает варианты происхождения государства по так называемым афинскому, римскому, германскому образцам. Первые два – афинский и римский способы предполагают, что на момент начала борьбы рабов и плебеев за свою свободу, за равные с патрициями гражданские права, в тех обществах существовала определенная структура. В этих обществах существовали и поддерживались специальными механизмами определенные экономические, политические и социальные отношения. А это, в свою очередь, с необходимостью требовало наличия определенной управленческой функции в обществе, которую могло выполнять только государство, в форме отдельной категории людей, на постоянной основе выполнявшей управленческие функции. Таким образом, афинский и римский способы образования государства описывают не возникновение государства, а его трансформацию, социальную революцию. То есть, в этой части марксистская теория описывает не возникновение, а трансформацию уже существующих государств.

Вот что пишет в связи с этим, профессор А.Б. Венгеров:

«Классовая природа первичных государств четко определялась лишь с течением времени, когда расслоение общества, классовое образование приводили к захвату государства тем или иным классом и приспособлением его к своим интересам, нуждам.

Следовательно, процессы образования классов и государства нельзя понимать упрощенно, будто сперва возникли классы, затем их антагонизм привел к появлению государства. Эти процессы идут параллельно, независимо, взаимодействуя друг с другом.

Так, не только классовое образование стимулирует появление первичных государств – у шумеров, майя, ацтеков, инков, в Древнем Египте, Индии, Китае и т.д. Само первичное государство выступает мощным катализатором

классообразования, способствует возникновению раннеклассового общества» [2, с. 18].

«Таким образом, рабовладельческое государство, характерное для определенного этапа античной истории, является не универсальным в истории человечества, а уникальным, тем особенным государством, которое характерно для конкретно-исторической ситуации Греции и Рима. Более того, античные рабовладельческие государства – это лишь этап в истории государственности Греции и Рима, которому предшествовал иной этап – первичных форм государственности, имеющих все те же характерные черты раннеклассовых государств» [2, с. 20].

Следовательно, профессор Венгеров А.Б. прямо указывает на то, что государство образовалось ранее классов, и не являлось результатом классовой борьбы.

Теория насилия содержит в себе две «подтеории» - внешнего и внутреннего насилия. Выше описанные, так называемые афинский и римский способы возникновения государства, по сути, являются «теорией внутреннего насилия», если не принимать во внимание того, что это была трансформация государства, а не его возникновение. Теория внешнего насилия описывает модель, в которой для управления захваченным обществом назначается определенная группа людей, имеющая в своем распоряжении силовой блок. Данная теория также не может считаться теорией происхождения государства, т.к. прежде чем использовать такую форму управления захваченным социальным образованием и территорией, эта форма должна была быть уже хорошо известна, захватчикам. Следовательно, здесь мы имеем дело не с образованием государства, а с явлением, которое можно обозначить, как насильственная диффузия (см. диффузионная теория, которая также описывает не возникновение государства, а экстраполяцию данной модели существования общества с одних социальных образований, на другие) [4, с. 17].

Похожий взгляд на теории происхождения государства обозначен в учебнике доктора юридических наук Л.П. Рассказова, который он называет интегративным подходом причин образования государства [5, с. 32].

Авторы д.ю.н. Малько А.В. и д.ю.н. Саломатин А.Ю. пишут о мультифакторной модели образования государства [4, с. 22].

Говоря о главной, основной цели государства, необходимо рассмотреть соотношение основной цели государства и его основных функций. Хотя функции государства с течением времени менялись в зависимости от различных обстоятельств, тем не менее, существует определенный минимальный набор функций в самом обобщенном виде, т.е. в том виде, в котором функции выполняются всеми государствами во все времена, невыполнение которых означает гибель государства. Иногда их называют основными функциями. Наиболее общая и наиболее распространенная классификация функций – по сфере их осуществления – внешние и внутренние. Основными, по социальному значению, обобщенными внутренними функциями являются:

- функция защиты прав человека и гражданина - направление, которое охраняет закреплённые законом права и свободы человека и гражданина от всех возможных нарушений со стороны государства и общества и создаёт необходимые условия для обладания и пользования человеком и гражданином своих прав без всяких незаконных препятствий;

- экономическая функция состоит в выработке и координации стратегических направлений развития экономики страны [7, с. 74];

- социальная функция – функция, в различных интерпретациях наполненная различным содержанием, основным из чего можно назвать обеспечение достаточного уровня жизни, образование, занятость, обеспечение по болезни, инвалидности, старости, здравоохранение, и т.д.

Анализируя основные функции государства на предмет их соответствия основной цели государства, мы видим, что, так или иначе все они подчинены основной цели государства, и направлены на ее достижение и поддержание.

Профессор А.Б. Венгеров пишет:

«Наименее изменчиво и наиболее стабильно общесоциальное содержание функций государства, то, которое формируется для решения основных социальных, политических, в том числе геополитических, экономических и иных задач, затрагивающих интересы всего общества на длительном историческом пути его жизнедеятельности. Основные общесоциальные функции обеспечивают существование, благополучие, а порой и выживание самого общества.

Именно в этом смысле государственная организация общества приобретает большую социальную ценность» [2, с. 88].

Таким образом, профессор Венгеров А.Б. указывает на то, что в основе всякой функции государства лежит сохранение жизни членов общества, обеспечение их существования.

Доктор юридических наук А.В. Мелехин пишет:

В функциях государства прослеживается прямая связь с основными целями и задачами государства, стоящими перед ним на том или ином этапе его развития.

Цель представляет собой желаемый конечный результат деятельности государственных и негосударственных структур. Достижение цели предполагает необходимость согласованных и системных действий всех субъектов управленческого процесса. С изменением цели изменяется и характер действий всех взаимодействующих структур [3, с. 98].

Все функции государства, так или иначе, прямо или опосредованно направлены на выполнение главной функции, главной задачи государства. Другими словами, поведение человека биологически детерминировано, и носит коэволюционный (взаимодействие биологического и социального) характер.

Основные функции государства с необходимостью выполняются и в, так называемых, догосударственных формах социального существования человека. В любом социальном образовании, патриархальная семья, род, племя, протогосударство, так или иначе, явно или латентно (в зависимости от масштаба социального образования), выполняются все те же основные функции, которые

выполняет государство. Любое социальное образование на ранних стадиях развития человечества для поддержания своего существования выполняло определенные экономические функции, будь то присваивающая или производящая экономика. Любое социальное образование организовывалось оптимальным образом, в котором каждый член общества имел определенный статус, позволяющий ему существовать в соответствии с его природными качествами и потребностями, что является прототипом функции, которая в современном мире называется функцией защиты прав человека и гражданина. В любом социальном образовании выполнялся ряд функций, например, таких как образование – передача накопленного опыта новым поколениям, с целью их социализации, приобретения навыков, необходимых для выживания. Эта же функция является прототипом современной функции государства – обеспечение занятости. Социальная функция также выражается в выделении части продукта для нужд нетрудоспособных членов семьи, племени – детей, стариков, инвалидов; выделение части продукта на содержание вождей, шаманов, трудовые затраты на создание средств внешней обороны – эта форма распределения продукта в так называемых догосударственных социальных образованиях является прототипом современного налога.

Следовательно, все основные функции, выполняемые государством, выполнялись и в так называемых догосударственных социальных формированиях.

В связи с вышеизложенным, возникает вопрос: существует ли принципиальная разница между, так называемыми, догосударственными социальными формированиями и обществом, управляемым государством, если и в том и в другом случае выполняются все те же функции? Фактически разница состоит в том, что в так называемых догосударственных социальных формированиях все функции выполняются одним лицом или группой лиц, не на постоянной основе, а по мере необходимости, в зависимости от масштаба социального образования, (следовательно, от объема необходимой деятельности, от количества проблем, требующих решения) которые участвуют и в других, не управленческих видах деятельности.

Отвечая на этот вопрос мы должны учесть тот факт, что не существует критерия определяющего минимальную численность населения, необходимого для признания того или иного социального образования государством. Следовательно, даже один человек, выполняющий все функции государства, может считаться государством, как, например, литературный персонаж – Робинзон Крузо, живший в одиночестве на необитаемом острове, до появления Пятницы.

Если на проблему происхождения государства посмотреть шире, то мы придем к следующему. Весьма вероятно, и даже неизбежно, что человечество вышло из природного существования, унаследовав высшие на тот момент формы существования своих предков, т.е. высших обезьян (антропоидов). Форма социального существования высших обезьян, очень близка к социальной организации человека на ранних этапах развития – патриархальная семья. Мало того, в социальных образованиях высших обезьян, как собственно и у других



социальных животных, выполняются те же функции, которые выполняются в догосударственных формах существования человека.

То есть, государство возникло вместе с появлением человека. Причиной возникновения государства является осознание необходимости индивидами предпринимать в сложившейся обстановке определенные действия, выработку наиболее целесообразных форм поведения, направленные на обеспечение выживания и существования индивидов. Появление человека, т.е. качественный рубеж, который разделяет человека и животное – это достижение уровня самосознания, т.е. приобретение способности мыслить о себе, давать оценку своим действиям, руководить ими. Процесс перехода от так называемого простого сознания к самосознанию занимал довольно большой временной промежуток, равный, как минимум, историческому этапу, в течение которого длилась первобытно-общинная форма существования человечества.

### **Выводы.**

1. Все ныне существующие основные теории происхождения государства констатируют последствия действия причин, которые привели к возникновению государства, а не саму причину.

2. Причина возникновения государства кроется в объективных закономерностях природы живой материи и в объективных закономерностях реальной действительности, в условиях которой осуществляет процесс своей жизнедеятельности человек, и живая материя в целом.

3. Точно так же, как появление разумной жизни является естественным следствием развития живой материи, точно также и возникновение государства является естественным и неизбежным результатом развития живой материи. Следовательно, можно говорить о теории происхождения государства, основывающейся на необходимости обеспечения существования индивидов, т.е. на экзистенции – экзистенциальная теория происхождения государства.

### **Список литературы**

1. История политических и правовых учений: курс лекций (учебное пособие) / под общей редакцией к.ю.н., доцента П.И. Павленко; Донбасская юридическая академия. – Донецк: Цифровая типография, 2018. – 331 с.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
3. Мелехин А.В. М473 Теория государства и права: учеб. / А.В. Мелехин. – М.: Маркет ДС, 2007. – 640 с. (Университетская серия).
4. Малько А.В., Саломатин А.Ю. Теория государства и права: Учеб. пособие / Предисл. акад. РАН А.Г. Лисицына-Светланова. – 2-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. – 213 с.
5. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. – 559 с.

6. Григорьева, И.В. Теория государства и права: учебное пособие / И.В. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. – 304 с.

7. Павленко П.И., Грабельников В.А., Писаренко М.Г. Теория государства и права: курс лекций (учебное пособие) / под общей редакцией к.ю.н., доцента П.И. Павленко; Донбасская юридическая академия. – Донецк: Цифровая типография, 2017. – 278 с.

## УДК 34.01

А.А. Поправко

Старший преподаватель,  
Донбасская юридическая  
академия (г. Донецк)  
(e-mail: popravkoalex@mail.ru)

### ЗАКОНОПРОЕКТ «О ЦИФРОВЫХ ПРАВАХ» И ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

*В статье проводится анализ первого в РФ законопроекта «о цифровых правах» и рассматриваются проблемные вопросы данного законопроекта, а также необходимый пакет законов для формирования цифрового общества в России. В данном исследовании сделана попытка обратить внимание научного сообщества и законодательного собрания РФ на стратегическое значение скорейшего правового урегулирования тех многочисленных проблем, которые напрямую угрожают государственности, а значит благополучию граждан РФ.*

**Ключевые слова:** Цифровые права, цифровые финансовые активы, краутфантинг, валидатор, токены, крипто валюта.

Popravko A.A.

### THE DRAFT LAW ON DIGITAL RIGHTS AND THE FORMATION OF THE DIGITAL SOCIETY IN RUSSIA

*The article analyzes the first draft law on digital rights in the Russian Federation and addresses the problematic issues of this draft law, as well as the necessary package of laws for the formation of a digital society in Russia. This study attempts to draw the attention of the scientific community and the legislative assembly of the Russian Federation to the strategic importance of an early legal settlement of those numerous problems that directly threaten statehood, and thus the well-being of Russian citizens.*

**Keywords:** Digital rights, digital financial assets, krautfanting, validator, Tokines, crypto currency.

В Госдуме РФ 16 мая 2018 года в первом чтении был рассмотрен законопроект «о цифровых правах». Это первый официальный законопроект, направленный на формирование цифрового общества в России. Законопроект

содержит три самостоятельные части: о цифровых финансовых активах; о краутфантинге; поправки в гражданский кодекс. В проекте закона «о цифровых финансовых активах» вводится в гражданское законодательство понятие цифровое право вместо понятия «токен» и «цифровые деньги» вместо криптовалюты. Это попытка государства сохранить свой контроль над финансовым сектором, часть которого неуклонно уходит в сеть интернет.

Законопроект предусматривает только один вид сделок, которые могут совершать владельцы цифровых финансовых активов: это обмен «токенов» на рубли или иностранную валюту [1].

Согласно законопроекту криптовалюта и токен являются имуществом и не являются средством платежа на территории РФ. Собственник должен удостоверить право собственности в специальном реестре цифровых транзакций. Реестр составляет и вносит изменения в него специально уполномоченное лицо - «валидатор».

Осуществлять обмен цифровых финансовых активов может оператор, именно он может осуществлять сделки по обмену токенов на рубли и иностранную валюту.

Основная цель законопроекта - упорядочить рынок цифровых финансовых активов, не допустить ухода их в теневые преступные структуры и финансирование терроризма. Это очень серьезная проблема, на которую уже давно следует обратить внимание, ведь в РФ многие транзакции с использованием криптовалют, осуществляются бесконтрольно.

Законопроект «об альтернативных способах привлечения инвестиций (краутфантинг)» предлагает установить возможности для привлечения инвестиций всеми субъектами хозяйственной деятельности. Для минимизации препятствий в развитии этого вида деятельности планируется освободить краутфантинговые площадки от уплаты НДС, а для проверки инвесторов и физических лиц использовать бюро кредитных историй.

В законопроекте пока не определен лимит инвестирования. ЦБ РФ настаивает на сумме 600 тыс. рублей для неквалифицированных инвесторов, а Министерство экономического развития РФ 1,4 млн. рублей в течении года.

В тоже время автор статьи считает необходимым сделать юридические уточнения в данном законопроекте. В нем дается следующее определение цифровых прав как совокупности электронных данных (цифровой код, смартконтракт) которые удостоверяют права на различные объекты собственности. С точки зрения теории права оно не может быть совокупностью электронных данных. Теоретик права В.В. Лазарев определяет право, как совокупность признаваемых в обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом [3, с.19]. Другой теоретик права А.Б. Венгеров определяет право как имеющую большую ценность регулятивную систему, которая с помощью формально установленных или закрепленных норм и правил поведения, выраженных в нормативных актах, судебных прецедентах, обеспеченных возможностью государственного

принуждения, воздействует на общественные отношения с целью их упорядочения, стабилизации либо социально необходимого развития [4, с.199]. По мнению автора наиболее полно дал определение права ученый-юрист С.С. Алексеев. В юридической науке, пишет он, термин право используется в нескольких значениях: во-первых, правом называют социально-правовые притязания людей, например, право человека на жизнь, право народов на самоопределение. Эти притязания обусловлены природой человека и общества и считаются естественными правами. Во-вторых, под правом понимаются юридические нормы, это право в объективном смысле, ибо нормы права создаются и действуют независимо от воли отдельных лиц. В-третьих, данный термин обозначает официально признанные возможности, которыми располагает официально признанное юридическое лицо, организация. Во всех вышеперечисленных случаях речь идет о праве в субъективном смысле, то есть о праве, принадлежащем отдельному лицу (право на труд, отдых, охрану здоровья, физическое имущество). В-четвертых, право используется для обозначения системы всех правовых явлений, включая естественное право, романо-германское право, англо-саксонское [5, с.106].

Таким образом, исходя из классической теории права, цифровое право не может быть совокупностью электронных данных, которые удостоверяют субъективные права на финансы и имущество. Значит, под цифровыми правами мы должны понимать систему юридических норм, которые регулируют имущественные и иные отношения в обществе на основе различных видов электронных данных (цифровой код, электронный смарт контакт и другие. Что касается текста законопроекта «о цифровых правах», то он носит во многом декларативный характер с точки зрения типологии норм права. Перечислю следующие пункты законопроекта, которые требуют уточнения:

- в проекте закона о цифровых финансовых активах говорится, что реестр цифровых транзакций составляет особое лицо-валидатор. Не ясно кто может выполнять его функции;

- создание централизованного реестра должно базироваться на базе региональных реестров, создание которых не предусмотрено;

- не совсем понятны функции оператора обмена цифровых финансовых активов, который должен быть юридическим лицом, совершающим обмен токенов на рубли или иностранную валюту и осуществлять свою деятельность на основе федерального закона от 22 Апреля 1996 года №39 «О рынке ценных бумаг» ст. 3,4,5 и федерального закона от 21.11.2011 №325 «Об организованных торгах» главы 2 и 3;

- в статье 3 закона «О рынке ценных бумаг» речь идет о брокерской деятельности, совершении гражданско-правовых сделок с ценными бумагами и заключения договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, осуществляемых на возмездных условиях [6, с.3];

- в статье 4 этого закона речь идет о дилерской деятельности, о купле-продаже ценных бумаг, но не цифровых финансовых активов.

По мнению автора, необходимо внести изменения в законы РФ «О рынке ценных бумаг», «Об организованных торгах», где были отражены понятия, использованные в цифровом праве.

Законопроект «О крауtfантинге» меньше связан с цифровой экономикой, но широко используется во всем мире для привлечения народных средств в экономику. Привлечение средств будет происходить на крауtfантинговых площадках (платформах). Проект закона вводит следующие базовые требования к лицу, которое привлекает деньги через платформу:

- наличие статуса индивидуального предпринимателя или зарегистрированного юридического лица;
- в отношении платформы не подано заявление о банкротстве, в составе органов управления нет лиц, которые не соответствуют требованиям деловой репутации, установленных в правилах инвестиционной платформы.

В статье 3 проекта закона подчеркивается, что услуги по организации финансирования оказываются на основании договоров. Присоединение к договору оказания услуг по привлечению инвестиций или по содействию инвестированию, осуществляется при условии идентификации и аутентификации лица, намеренного стать участником инвестиционной платформы и оформляется электронным документом, заверенным электронной подписью [7, с.4].

Вопрос состоит в том, кто займется созданием системы идентификации участников крауtfантинговых платформ. В статье 4 четко прописаны правила инвестиционной платформы, порядок идентификации и аутентификации участников данных платформ, их допуска к информационным ресурсам, требования к инвестиционным проектам, к деловой репутации лиц, привлекающих инвестиции, порядок и сроки передачи денежных средств участникам инвестиционной программы с номинального счета открытого оператором инвестиционной платформы [7, с.5].

В статье 5 изложены способы вложения инвестиций посредством инвестиционной платформы и ограничения инвестирования. Вложение инвестиций с помощью данной платформы может осуществляться путем:

- предоставления займов;
- приобретения ценных бумаг;
- приобретения доли участника в уставном капитале;
- приобретения токенов инвестиционного проекта [7, с.6].

Определены имущественные права инвестора, который приобрёл токен инвестиционного проекта. Очень важным является пункт, что общая сумма инвестиций привлеченным одним лицом в течении одного календарного года не может превышать 200 млн. рублей. Изъято из проекта закона первоначальное положение, что ЦБ РФ разрешает неквалифицированным инвесторам до 500 тыс. рублей в год, 50 тыс. рублей на один проект.

Строгие правила предъявляются оператору инвестиционной платформы, размер собственных средств установленный нормативными актами банков России для организаторов торговли должен составлять не менее 5 млн. рублей.

В статье 8 проекта прописана ответственность оператора инвестиционной платформы за предоставление недостоверной информации, правил инвестиционной платформы [7, с.11].

Определен порядок требований к лицам, привлекающим инвестиции посредством инвестиционной платформы. Отмечается, что не допускаются к привлечению инвестиций лица, которые не соответствуют требованиям деловой репутации. В тоже время в законопроекте не выписаны четко критерии деловой репутации. На что делается акцент на профессиональный, моральный или психологический уровень. В законопроекте выделены особой статьей вопросы регулирования и надзора за деятельностью рыночного финансирования (краутфантинга).

Деятельность оператора инвестиционной платформы должны быть четко обозначены в Интернете:

- информация об операторе информационной платформы;
- правила инвестиционной платформы;
- порядок действий, необходимых для присоединения к договору об оказании услуг по организации различного функционирования;
- сведения, позволяющие идентифицировать оператора, его местонахождение, адрес и устав;
- информация об инвестиционных проектах, в отношении которых осуществляется привлечения инвестиций [7, с. 18-19].

В ст. 14 проекта Закона определены Полномочия Банка России, в плане контроля ведения реестра операторов инвестиционных программ и соблюдения операторами требований Федерального закона [7, с. 22-24].

Выводы:

- цифровизация общества является общемировой тенденцией. Только новые технологии могут оказать существенное взаимодействие на развитие экономики, государственного управления, рост качества жизни;
- Россия имеет необходимую интеллектуальную и научную базу по созданию эффективной структуры цифрового общества;
- процессу построения цифрового общества препятствует отсутствие правовой базы;
- первые законопроекты «О цифровых финансовых активах», «О краундфантинге», внесены в Госдуму РФ;
- необходимо принять в ближайшее время группу законов, касающихся цифрового авторского права, прав использования роботов и коботов в различных отраслях экономики;
- особое внимание следует уделить правовым аспектам безопасности цифрового общества. Глава 28 Уголовного кодекса РФ предусматривает наказание за нарушение обращения информации, связанной машинным носителем, то есть компьютером, но там нет статей, связанных с цифровой информацией в беспроводных информационно-телекоммуникативных системах. Поэтому необходимо дополнить ст. 272 УК РФ, где речь идет о компьютерной информации, более широком контексте «цифровая

информация», и ст. 272 УК РФ должна иметь название «неправомерный доступ к охраняемой законом цифровой информации и её перехват»;

- создание основ цифрового общества невозможно без принятия на уровне правительства постановления о подготовке юристов по различным направлениям изучения цифрового общества.

Цифровое общество, цифровое право и свободы должны обеспечить подлинную революцию в обществе и прежде всего в сфере госуправления, резко повысить эффективность реализации государственных решений, существенно сократить коррупционную составляющую.

Создание правовой базы цифрового общества, безусловно потребует создание системы подготовки и переподготовки кадров, текущих новых направлений как юрист-валидатор, юрист-специалист по правовым аспектам робототехнических систем, юрист по вопросам кибербезопасности. Юристы-специалисты по «узким» специальностям не следует в полной мере отвечать потребностям цифрового общества.

Право не только является средством и инструментом, обеспечивающим развитие цифровых технологий, но и объектом воздействия цифровизации. Но и в теории и на практике нет четкого понимания перспектив трансформации права. В тоже время некоторые позиции, считает автор, можно выдвинуть в качестве дискуссионных.

Во-первых, навряд ли искусственный интеллект может заменить юриста на всех участках его деятельности. Цифровые технологии, по мнению автора, могут фрагментарно заменить юриста в его профессиональной деятельности. Речь идёт о применении искусственного интеллекта для комплексного правового анализа, практики гражданско-процессуальных актов, анализ сферы краудфантинга.

Во-вторых, и это главное, возможно видоизменение права в виде программного кода, что связано с новым поколением прав второго модерна, как считают представители юридического сообщества.

В-третьих, безусловно, цифровизация общества кардинальным образом отражается на системе нормотворчества, что должно стать гарантом свободы и справедливости гражданина такого общества.

Мир цифровых технологий предлагает все больше и больше возможностей переноса отдельных видов деятельности в глобальную сеть интернет, но так как эти технологии понимает очень маленький процесс людей и это поле для различных манипуляций. В силу того, что существует множество платежных систем в интернете, таких как WebMoney, Qivi, Яндекс деньги, которые с легкостью перебрасывают электронные денежные средства с одного конца мира в другой. Эти компании требуют авторизации от пользователей, которые для использования системы дают свои личные данные, только это не может дать гарантии, что конкретным электронным кошельком будет пользоваться то лицо, на которого он зарегистрирован. А денежные транзакции до 15 тыс. рублей, вообще осуществляются анонимно. То есть визуального контакта при осуществлении электронных транзакций, между отправителем и

получателем не осуществляется. Недаром множество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, торговлей оружием и деятельностью международных террористов, оплачивается именно через электронные платежные системы. Получается, что даже если правоохранительные органы обнаружат нарушение, то реальным владельцем счета может быть подставное лицо, и даже если счет заблокировать, то реальный преступник все равно может уйти от ответственности. Ведь контроль и проверку берет на себя банк-посредник, который выступает гарантом, а вся отчетность отправляется в контрольные органы по интернету и в силу больших объемов данных легко может быть подделана. Также есть люди, которые владеют достаточным количеством наличных и виртуальных денег, чтоб осуществлять обмен, вообще без всякого контроля, что создает почву для отмывания денег и преступлений, связанных с продажей товаров, запрещенных законом. Особенно серьезную угрозу в сфере контроля виртуальных денежных средств несет такая криптовалюта как Bitcoin, которая спроектирована таким образом, что отследить транзакции и владельцев кошельков вообще невозможно. Данная крипто-валюта свободно конвертируется в любую другую валюту на специальных биржах и понять происхождение средств невозможно. Это малая часть тех проблем, которые должны быть урегулированы на законодательном уровне, и они носят не государственный, а международный характер, ведь сервера многих компаний находятся за рубежом и наложить арест или ввести другие санкции на виртуальное имущество будет не так просто, и они неохотно будут делиться личными данными своих пользователей. А как мы знаем в силу удобства, да и просто потому, что это выгодно государственным банкам с легкостью сотрудничают с компаниями, выполняющими операции с криптовалютами, что позволяет с легкостью обналичить электронные деньги и наоборот.

По мнению автора, уже давно пора создать новое подразделение, в структуре ФСБ РФ, которое будет заниматься регулированием интернет-банкинга и обяжет компании-поставщики услуг дать им базу данных всех пользователей и возможность управлять их аккаунтами, в случае обнаружения нарушений закона в этой сфере, а также просто для мониторинга. Также нужно создать международный орган по борьбе с преступлениями в данной области у которого также будут обширные полномочия, только вот на практике это почти невозможно сделать в силу того, что в основном сервера компаний, занимающихся криптовалютами находятся в так называемых офшорных зонах по всему миру, для того, чтоб на них не могли влиять государства, на территории которых с помощью данных платежных систем нарушается закон. Отдельным вопросом стоит кибербезопасность данного сектора, ведь, по сути, электронные деньги тоже можно подделать, а заметить подделку в этом случае вообще невозможно. Какая не была бы система защиты, но даже биткойны (криптовалюта) иногда удавалось украсть. Bitcoin- это вызов государственности и мировой безопасности в целом, но также он и может преобразовать государство в лучшую сторону. У мировых банкиров будет отнята возможность



манипулировать процессами в экономической сфере в отдельных странах и регионах, богатство будет распределяться более справедливо, государство не будет орудием в руках богачей против бедняков, люди станут более независимы, но готов ли человек к такой свободе и где ее границы? Одно можно сказать наверняка прогресс не остановить, мир стремительно меняется, появляются новые вызовы и законодательство в сфере цифровых технологий должно идти в ногу со временем. Все это требует появления нового поколения юристов, тех кто, будут разбираться не только в области права, но и в современных цифровых технологиях ведь, нельзя регулировать отношения в той сфере, в которой ты не разбираешься и к большому сожалению понимание того, как устроена система цифровых финансовых отношений, есть далеко не у каждого человека на планете, будь у него даже высшее экономическое образование. Переход к цифровой экономике, а как следствие и к цифровому обществу может привести как к положительным, так и отрицательным последствиям для будущего России и вопрос правового регулирования в данной области имеет стратегический характер для защиты и развития государственности.

### Список литературы

1. Проект федерального закона от 22.05.2018. О «цифровых правах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/27029/> .- (Дата обращения 21.06.2018).
2. Проект федерального закона №419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m.government.ru/all/32371/>.- (Дата обращения 21.06.2018).
3. Лазарев В.В. Общая теория права и государства // Учебник. – М.: Юрист, 2001.- С.19. – 520 с.
4. Венгеров А.Б. Теория государства и права // Монография.- М.: Юриспруденция, 2000.- 528 с.
5. Алексеев С.С. Теория государства и права // Учебник для вузов.- М.: Норма, 1998.- 265 с.
6. Федеральный закон РФ №39 от 22.04.1996. «О рынке ценных бумаг».
7. Проект федерального закона №419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге). С. 4-24.

УДК 341.743

Чамлай В.В.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Донбасская юридическая академия (г. Донецк). (e-mail:tigrp\_dua@mail.ru)

### ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

*В статье рассматривается процесс становления правоохранительной системы в период становления советской власти. Автор статьи рассматривает деятельность органов милиции в послереволюционный период.*

**Ключевые слова:** правоохранительные органы, гражданская война, компетенция органов милиции, советская власть.

Chamlai V. V.

### LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES IN THE PERIOD OF APPROVAL OF THE SOVIET POWER.

*The article deals with the process of formation of the law enforcement system in the period of the formation of the Soviet power. The author of the article reviews the activities of the police in the post-revolutionary period.*

**Keywords:** law enforcement agencies, civil war, the competence of the police, the Soviet government.

Процесс развития советской государственной системы и укрепления власти большевиков тесно взаимосвязан с деятельностью правоохранительных органов. Необходимость обеспечения правопорядка в рамках государства является неотъемлемой частью деятельности правоохранительных органов. Проблема обеспечения правопорядка всегда остается достаточно актуальной и сегодня в процессе развития молодой Республики необходимость исполнения функций вооруженной защиты государства возлагается на органы полиции.

Исследуя данную проблему необходимо обратить внимание, что первоначально проект устава Красной гвардии от 3.09.1917г., отображал задачи, связанные с "охраной жизни и имущества граждан, независимо от пола, возраста и национальности"[1, с. 91]. Учитывая революционные настроения общества, деятельность правоохранительных органов интегрировалась с интересами органов власти в вопросах обеспечения революционного порядка на территории закрепленной за большевиками. Борьба с анти революционным элементом способствовала созданию на местах временных органов так называемого революционного типа: "тройки", "пятерки", "семерки. Основная задача данных

органов сочетала функций борьбы с общей уголовной преступностью и контрреволюционными проявлениями [2, с. 208].

Деятельность временных органов регламентировалась законодательной базой, основанной на решениях принимаемых ревкомами, народными трибуналами, народных судами. Основная сфера их деятельности была связана с проблемами борьбы с преступностью, которая значительно возросла в послереволюционный период, число преступлений против собственности увеличилось в разы, потому и меры борьбы с данным социальным явлением были радикальными: расстрелы воров и грабителей без суда и следствия, предание суду лиц, ведущих асоциальный образ жизни, пьяниц и тунеядцев.

Первые этапы советского строительства имели весьма условное деление граждан на право послушных и нет, что обусловлено поиском более совершенных форм организации государственного аппарата параллельно с процессами формирования органов новой власти. в Украине еще не было достаточно четкого разграничения.

В декабре 1917 г. в Харькове состоялся Первый Всеукраинский съезд Советов, провозгласив украинские земли федеративной частью Российской Республики, на которой действовали все декреты и распоряжения Рабоче-Крестьянского правительства федерации» [2, с. 574]. Таким образом все законы и подзаконные государственно-правовые акты Советской России автоматически распространялись на украинские земли, находившиеся под контролем советской власти. Имевшая место быть в послереволюционный период сложная военно-политическую ситуация вызванная событиями гражданской войны, и противостоянием Центральной Рады, Украинской государства Скоропадского, не способствовала развитию нормативно правовой базы государства в целом. Лишь, после того, как оккупационные войска покинули территорию Украины, начался процесс восстановления советской власти. 6 января 1919 г. декретом ЦИК Украины было утверждено официальное название советского государства - Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), важной вехой в истории государства является реорганизация рабоче-крестьянского правительства, в Совет Народных Комиссаров (РНК). Таким образом установилась единая аналогичная структура власти [3, с. 9-10]. Также следует отметить, что 1919 год ознаменован формированием функции правоохранительных органов в лице органов НКВД, как основного исполнительного органа большевицкой власти [4, с. 104].

Согласно мартовской "Инструкция по организации советской рабоче-крестьянской милиции", от 1919 года, были установлены единые для правоохранительных органов организационно-правовые формы построения а также определены основные направления деятельности центрального и местных аппаратов НКВД.

Компетенцию силовиков принято рассматривать в 4 направлениях деятельности:

- Организационная деятельность, относительно вопросов общего руководства органами милиции;
- Правотворческая деятельность в вопросах издание правовых актов – приказов и инструкций регламентирующую деятельность силовиков;
- Внутренний контроль правоохранительных органов путем внезапных проверок и ревизий, проведенных старшим командным составом ;
- Финансовый контроль расхода государственных средств на содержание правоохранительный [5].

Кроме того важной частью деятельности правоохранительных органов в первые годы власти большевиков был фронт работ связанных с кадровой политикой в системе органов исполнительной власти.

Основным принципом отбора кадров было внедрение классового подхода подбора кадров в органы милиции, т.е. занимать должности могли лишь лица из класса трудящихся. Кроме того при поступлении на службу в милицию каждый гражданин заполнял регистрационную карточку, которая содержала 27 различных вопросов, вплоть до биографических данных членов семьи.

Указание недостоверных данных во время заполнения жестоко наказывалось, лица, утаившие правдивые сведения отдавались в суд революционного трибунала, причем санкцией за сокрытие сведений была высшая мера наказания.

Безусловно, что такой жесткий отбор был вызван необходимостью охраны революционного порядка в государстве, именно вокруг мероприятий связанных с укреплением власти большевиков и формировалась большая часть функций правоохранительных органов.

Среди них выделим следующие:

- охрана основ советского государственного и общественного строя;
- обеспечения выполнения предписаний советских законов;
- охрана общественного порядка;
- борьба с уголовной преступностью, содействие органам правосудия [6, С. 68-69].

В первой половине 1919 г. начался процесс реорганизации милиции в контексте определения специализации ее органов, который был прерван обострением военно-политической ситуации. Осложнения военного положения УССР летом 1919 г., было вызвано успехом наступательной кампании армии Деникина, что привело к новому витку гражданской войны. Недавно

сформированные подразделения милиции фактически были не готовы к таким событиям, в середине 1991 года была лишь наспех организована работа подразделений по охране общественного порядка и борьбе с уголовной преступностью. Тем не менее, нужно отдать должное мужеству и смелости право охранителей которые в кратчайшие сроки прошли реорганизацию и приняли непосредственное участие в военных действиях.

Данные изменения аппарата органов милиции закреплены в Постановлении ВУЦИК "О милитаризацию милиции" от 30 июля 1919 г. Важно отметить что социально-политическая напряженность, вызванная боевыми действиями позволила комплектовать подразделения лишь людьми искренне верными «правому» делу. Именно эта категория сотрудников наиболее рьяно противостояла контрреволюционным действиям отдельных лиц [7].

В мае 1919 г. совместным постановлением ВЦИК, НКВД и ВЧК было утверждено "Положение о чрезвычайных комиссиях", в котором регламентировалось правовое положение чекистских органов. В Положении подробно регламентировалась компетенция местных чрезвычайных комиссий. Им предоставлялось право принимать меры предупреждения и подавления проявлений контрреволюции, вплоть до применения силы. Эти задачи они выполняли путем осуществления обысков, арестов, облав; наложением ареста на имущество; ведения следствия по отношению к частным и должностных лиц и организаций, подозреваемых в проявлениях контрреволюции, шпионаже или бандитизме; вынесения приговоров по таким делам, если они по своему характеру считались слишком важными и требовали немедленного решения, с особого разрешения местного исполкома проводить следствие и выносить приговоры по другим делам. Важный объем работы был возложен на особый отдел, действовавший в рамках ВЧК. Особый отдел при ВЧК был наделен функциями следствия и дознания, кроме того полномочия данного отдела распространялись не только на военные формирования, но и на гражданское население [8]. Исходя из выше сказанного, становится понятно, что задач у право охранителей в период утверждения советской власти было много, особенно в условиях гражданской войны и главным фактором успеха был высокий моральный дух и непоколебимая вера в социалистические идеалы, именно высокая самоотдача перекрывала недостаток профессионализма на этапе прихода большевиков к власти. Кроме того, политика военного коммунизма внедренная на начальном этапе прихода большевиков, имела негативные последствия для экономики страны. Показательна позиция В.Г. Короленко, изложенная в 1920 г. в письмах к советскому наркому просвещения А.В. Луначарского. В данном письме указывалось, что вы победили капитал, и он лежит теперь у ваших ног, искажен и разбит [9, С. 201-219]. Политика «военного коммунизма» привела к разрухе всех отраслей производства, что негативно повлияло на криминогенную ситуацию в стране. Переход к НЭПу был осуществим в результате давления со стороны крестьян, рабочих и политической оппозиции, а не в результате изменений политико-идеологических принципов большевиков [10, С. 98]. Процесс

восстановления советской власти и завершения гражданской войны происходил в условиях широкого применения репрессий, направлялись на оппозицию с целью установления контроля над противниками большевистского режима. Следует обратить внимание, что большевистская власть отличалась от предшественников наличием правоохранительного аппарата начался процесс восстановления которого припал на 1920 г. Обеспечение правопорядка осуществлялось путем воздействия правоохранительных органов на граждан во всех сферах общественной жизни: в сфере экономики, политики, идеологии, регулировании общественных отношений. Исходя из выше указанных задач происходил процесс реформирования правоохранительной системы. Постепенно были сформированы уголовный розыск, общая, промышленная, железнодорожная, водная службы милиции.

Уголовно-розыскная работа стала частью милицейской деятельности. Основные задачи право охранителей были переформатированы под мирное условия развития государства. Среди них выделим такие как надзор за преступными элементами и предупреждения преступлений; проведение розыска лиц, подозреваемых в совершении преступлений; изучение следов, которые могут быть доказательствами при раскрытии преступлений. Кроме того следует обратить внимание, что процесс реформирования милиции способствовал ее штатному увеличению числа сотрудников милиции.

В начале 1921 г. штат правоохранительных органов был чрезвычайно раздут. Например, организационная структура Главного управления милиции НКВД Украины включала в себя 5 управлений, разделенных на 44 отдела. Стоит обратить внимание, что высокая численность сотрудников не перекрывала необходимость реформирования нормативно-правовой базы, необходимость реформирования которой стала особо остро в период перехода к «новой экономической политике» [11]. Старые основы управления страной изжили себя, многочисленные своды законов не действовали, новые же право декреты и распоряжения зачастую были непонятны и неправильно истолковывались на местах. Позднее данная проблема была решена большевиками путем проведения специальных курсов в рядах правоохранительной, повышению уровня образованности сотрудников правоохранительных органов. А на начало 1921 года возможности нормализовать деятельность милиции и превратить ее в исполнительный орган с четко определенными правами и функциями не было, поэтому случаи нарушения в то время были сплошь и рядом.

В целях наведения штатной дисциплины, и обучения правоохранителей проводятся мероприятия по военизации милиции - ее органы в соответствии с постановлением правительства УССР от 12 августа 1921 г. Принятие таких мер, повысило уровень дисциплины, позволило взять на контроль численность вооружения. Однако главные вопросы, связанные с переходом к НЭП оставались открытыми, также остро стояла проблема неудовлетворительного материального

обеспечение сотрудников милиции (деньгами на 20%, обмундированием - в среднем на 50%) [12].

Таким образом в тяжелые для государства послевоенные времена опорой большевиков наряду с правохранителями стала армия, которая также принимала участие в осуществлении организационно-административных функций обеспечивая вооруженную поддержку процессам формирования на местах органов советской власти и повышению эффективности их функционирования.

После окончания гражданской войны, вместе с сокращением численности Красной Армии, возникла необходимость сокращения и реорганизации правоохранных органов. 19 января 1921 г. Подразделения, наделенные полномочиями чрезвычайных комиссий, получили расширение своих компетенций в отношении охраны государственных границ. [13, С.19] Кроме того значительно укрепилось правовое положение самого ВЧК. 29 января 1921 г. на основе постановления РПО коллегия Всероссийской Чрезвычайной комиссии утвердила "Основные положения организации и деятельности войск ВЧК". Необходимость в реорганизации ВЧК и сужении компетенции и сферы их деятельности припало на 1922 год. Это объясняется несколькими причинами. Прежде всего следует отметить, что новая экономическая политика, внедряемая большевиками в начале 20-х годов представляла несколько другие подходы навязывания своих требований, и была антиподом «военному» коммунизму. Также за 5 лет борьбы большевиков за власть с 1917 по 1922 год произошло масса событий в том числе и Гражданская война, что в целом снизило количество оппозиционеров, в результате чего послевоенный период обусловлен укреплением авторитета действующей власти. Продолжение борьбы с правонарушителями требовало новых более изысканных подходов, к тому же за сформированными подразделениями в рядах правоохранных органов уже стояли четко сформированные задачи, среди которых мы выделим такие как:

- предвидение мероприятий по охране и борьбе со шпионажем; подавление открытых контрреволюционных выступлений;
- охрана железнодорожных и водных путей сообщения;
- политической охраны границ республики;
- борьбы с контрабандой и пересечением границ республики без соответствующего разрешения;
- выполнение специальных поручений Исполнительного комитета или Совета Народных Комиссаров с целью охраны революционного порядка.

Последующий процесс развития СССР в контексте взятия курса на НЭП тесно связан с новыми функциональными обязанностями правоохранных органов, которые в ходе реформирования претерпели не только изменения названий, но и изменения характера и методов их деятельности. Отказ от радикальных чрезвычайных мер и функций, изъятие внесудебных полномочий, усиление надзора и контроля за деятельностью правоохранных органов было в интересах самих большевиков.

Вследствие этого местные органы НКВД, представляли собой главное звено аппарата исполнительных комитетов Советов, они обеспечивали функционирование государственного механизма, а также способствовали снятию социальной напряженности в обществе. Новая экономическая политика в умах современников, представляла собой процесс светлого оптимистичного строительства светлого будущего. Именно усилия народа в этом направлении способствовали решению тех проблем которые накопились к 1920 году. Среди них выделим такие, как:

- завершение гражданской войны;
- преодоление политической, экономической и социальной нестабильности в государстве;
- повышению уровня правовой культуры в обществе;
- переход от репрессивных методов воздействия на граждан свойственных «военному коммунизму» к передовым и лояльным методам вызванным внедрением «новой экономической политики».

Таким образом, по нашему мнению, целесообразно сделать следующие выводы. Прежде всего, органы исполнительной власти стали опорой большевицкой власти в смутное время. Процесс формирования правоохранительной системы путем проб и ошибок позволило найти оптимальный алгоритм работы правоохранительных органов, преодолеть послереволюционный рост преступности и сформировать жесткую вертикаль власти в государстве, при которой правоохранительные органы заняли важное место в процессе утверждения советской власти, и по сути сохраняют данное место в государственном аппарате и в настоящее время.

### Список литературы

- 1 Михайленко П.П., Кондратьев Я.Ю. История милиции Украины в документах и материалах: В 3 т. – К.: Генеза, 1997. – Т.1: 1917-1925pp. – 504с.
- 2 Великая Октябрьская Социалистическая революция на Украине. Сборник документов и материалов: В 3 т. – К.: Госполитиздат Украины, 1957. – 686с.
- 3 ЦГА Украины Ф.1216. – Оп.1. – Дел.4,17.
- 4 Борьба с преступностью в Украинской ССР (1917-1967): В 2 т. – К. 1966. – Т.1.: 1917-1925гг. – 831с.
- 5 ЦГА Украины Ф.1075. – Оп.1. – д.46.
- 6 Приложение к инструкции по организации советской рабоче-крестьянской милиции. – Х.: НКВД УССР, 1919.
- 7 ЦГА Украины Ф.5. – Оп.1. – д.21.
- 8 ЦГА Украины Ф.5. – Оп.1. – д.77



9 Короленко В. Письма к Луначарскому /В. Короленко // Новый мир. – 1988. – № 10. – С. 201-219.

10 Ситник А.М. Ідеологічні трансформації в Україні протягом 1917-1939 років: [монографія] /О.М. Ситник. – Д.: Вид-во ДЮІ ЛДУВС ім. Е. О. Дідоренка, 2010. – 240 с.

11 ЦГА Украины. – Ф.6. – Оп.1. – д.1184.

12 ЦГА Украины Ф.5. – Оп.1. – д.994.

13 Рогожин А.И. Рабоче-крестьянская милиция УССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. – Х., 1964. – 30с.

УДК 343.976

Е.А. Янчик

Старший следователь прокуратуры  
Новоазовского района Донецкой  
Народной Республики, Донбасская  
юридическая академия (г. Донецк)  
(e-mail:) XANDERkj@rambler.ru

### **ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРЕСЕЧЕНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ К НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

*В статье рассматривается предупреждения и пресечения, связанные с привлечением несовершеннолетних к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Исследуется криминологическая особенность лиц, которые вовлекают несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.*

*Проводится анализ законодательного регулирования и государственного управления Донецкой Народной Республики в сфере наркотических средств и психотропных веществ. Предлагаются меры по обеспечению предотвращения правонарушений в сфере привлечения несовершеннолетних к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.*

**Ключевые слова:** *предупреждение и пресечение, несовершеннолетние, наркотические вещества, психотропные вещества, прекурсоры, легальный оборот наркотических средств и психотропных веществ, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.*

Yanchik, E.A.

### **ATTRACTION OF MINORS TO ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, ANALYSIS OF LEGISLATIVE REGULATION**

*The article deals with the warnings and suppression related to the involvement of minors in the illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. The criminological peculiarity of persons who involve minors in the illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances is investigated.*

*The analysis of legislative regulation and state management of the Donetsk People's Republic in the field of narcotic drugs and psychotropic substances is carried out. Measures are proposed to ensure the prevention of offenses in the sphere of involving minors in the illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances.*

**Key words:** *prevention and suppression, minors, narcotic substances, psychotropic substances, precursors, the legal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, illegal traffic in narcotic drugs and psychotropic substances.*

Актуальность данной темы заключается в том, что предупреждение и пресечение привлечения несовершеннолетних лиц к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ связано со специфической категорией субъектов. Привлечение несовершеннолетних к употреблению наркотиков приобретает все более широкий размах, изменяя подходы и характер. Особая опасность распространения наркотиков среди молодежи состоит в том, что несовершеннолетние, вовлеченные в употребление наркотических средств и психотропных веществ, как правило, самоустраиваются из общественной жизни, утрачивают позитивные социально-значимые связи с обществом и в подавляющем большинстве случаев вследствие наркозависимости сами совершают преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, а нередко и другие более опасные преступные посягательства, включая тяжкие и особо тяжкие.

Несовершеннолетние лица – это лица специфической категории в любых общественных отношениях, особенно когда вопрос касается незаконной деятельности и непосредственно их правовой ответственности. Однако происходит ситуация, когда таких лиц вовлекают в незаконную деятельность, в том числе к незаконному обороту наркотических и психотропных веществ.

Целью данной работы является анализ научных исследований касательно предупреждения и пресечения, связанных с привлечением несовершеннолетних к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Исследовать криминологическую особенность лиц, которые вовлекают несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Провести анализ законодательного регулирования и государственного управления Донецкой Народной Республики в сфере наркотических средств и психотропных веществ. Предложить собственные меры по обеспечению предотвращения правонарушений в сфере привлечения несовершеннолетних к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

В криминологическом смысле преступность несовершеннолетних, в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, является особой разновидностью преступности несовершеннолетних и

определяется, как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 262-271 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, совершенных на определенной территории за определенный период времени всеми лицами в возрасте от 14 до 18 лет, характеризующаяся определенными количественными и качественными показателями. Указанная разновидность преступности несовершеннолетних, находится во взаимосвязи с преступностью в целом, и в последние годы характеризуется очень высокой латентностью и крайне негативными количественными и качественными изменениями.

Предотвращение таких ситуаций, требует определенного анализа и исследования не только непосредственно несовершеннолетних лиц, а и тех, кто их в такую деятельность вовлекает. Именно личность преступника в данном случае выступает носителем определённых свойств и качеств, которые напрямую способствуют преступлению и воздействуют на несовершеннолетнего.

Большую исследовательскую работу касательно некоторых вопросов характеристики лиц, вовлекающих несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, а также проводивших анализ законодательного регулирования данного вопроса, проделали Л.С. Радькова, А.Е. Шалагин, Н.Н. Щелчков, И.А. Уварова и др.

Для положительного решения вопроса касательно предупреждения данного вида преступления, прежде всего следует установить определённые качества личности преступника, которые способствовали совершению им преступления, исследовать механизм формирования преступного поведения и его влияние на поведение лица.

Согласно проведенному исследованию Главного управления статистики Донецкой Народной Республики разместило сведения о проведении оперативных закупок органами и подразделениями внутренних дел Донецкой Народной Республики, с указанием: «За период с 01.01.2016 по 31.12.2016 в ходе мероприятий изъято наркотические вещества (г.) 801,785 психотропные препараты (г.) 51,217. А за период с 01.01.2017 по 31.07.2017 в ходе мероприятий изъято наркотические вещества (г.) 358,724 психотропные препараты (г.) 0». Проводя исследование по данному рода статистике мы можем сделать вывод, что из выявленных лиц значительно преобладают мужчины – 74 %, чем женщины – 26% от общего числа лиц причастных к вовлечению [6].

Несмотря на тот факт, что лиц мужского пола, подавляющие большинство, исследователи отмечают, что женщины более склонны к сокрытию своих знакомств и встреч с подростками, а сами криминальные действия женщин, вовлекающих несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, более скрыты.

Л.С. Радьковой было проведено исследование по данному вопросу, В ходе него удалось установить группы лиц, вовлекающих несовершеннолетних к незаконному обороту наркотиков: 1 группа лица от 18 лет до 24-х лет; 2 группа от 25-ти до 29-ти лет; 3 группа от 30 до 39-ти лет; 4 группа от 40 до 49-лет. Проведенные исследования показывают, что лица из 1 группы совершили 27,3% преступлений, 2 группа – 35,8%, 3 группа – 30,5%, 4 группа – 6,4%. Исходя из

этого автором указывается, что основной массив деяний, связанных с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков, совершаются лицами второй группы от 25 до 29 лет.

Такая статистика объясняется тем, что среди подростков считается престижным общение с любыми старшего возраста, которые выступают для их психотипа авторитетным, значимым и интересным лицом, которое обладает качествами лидерства и может влиять на процесс вовлечения подростков в различные сферы противоправного поведения, в том числе и в совершение незаконной деятельности с наркотическими средствами и психотропными веществами. Все больше проводимых исследований показывает, что наркотики пользуются большим спросом у населения, особенно среди несовершеннолетних лиц [5].

Стоит отметить, что ключевой особенностью наркотической преступности среди несовершеннолетних является то, что официальные данные не отражают ее истинного состояния. Высокая латентность преступлений в первую очередь связана с нежеланием потерпевших содействовать правоохранительным органам в обнаружении вовлеченных, конспирацией лиц, употребляющих наркотические средства и психотропные вещества, особой сложностью работы правоохранительных органов по доказыванию таких преступлений, поскольку сбор доказательств по делам данной категории в современных условиях требует серьезной ресурсной работы и материально-технической подготовки, а полученные фактические данные в подавляющем большинстве не являются существенными.

Следственная практика показывает, что для сбора интересующей информации по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков с участием несовершеннолетних лиц, знания о лицах привлекающих несовершеннолетних к такой деятельности не достаточно, следует изучить еще и психотип самих несовершеннолетних лиц, их склонности и особенности касательно тех факторов которые влияют на склонность к незаконной деятельности с использованием наркотических средств и психотропных веществ.

Естественно не существует и не может существовать единой методики или готовой схемы установления причин, по которым несовершеннолетние лица являются уязвимой категорией для лиц реализующих незаконную наркодеятельность, поэту нужно учитывать, все возможные варианты, психику различных категорий несовершеннолетних, их прямую или косвенную заинтересованность в самих наркотиках, восприятие лиц которые привлекают их к незаконному обороту наркотических средств и так далее [7].

Проводимый анализ криминогенной ситуации среди молодого населения, показывает, что распространение ситуаций привлечения лиц к незаконному распространению наркотических средств, является результатом отсутствия направленной молодежной политики, отсутствием экономической и социальной защиты подростков и молодого населения, пропаганды асоциального поведения и ряда других факторов. В подобных условиях легко формируется девиантное мировоззрение несовершеннолетних, которое выступает в качестве благодатной

почвы для вовлечения их в преступную деятельность. Большую роль в данном случае играют нарко преступления, которые вынуждают правоохранительные органы к выработке наиболее эффективных мер борьбы с нарко-преступлениями несовершеннолетних [9].

Касательно мер предупреждения преступлений и административных правонарушений в сфере наркотических средств и психотропных веществ, можно отметить, что профилактика наркомании, токсикомании, борьба с распространением наркотиков в учебных и воспитательных учреждениях, является на сегодняшний день необходимостью, т.к. несовершеннолетние в данном отношении являются уязвимой категорией для лиц заинтересованных к привлечению несовершеннолетнего к наркотической среде.

Предлагаемые совершенствования А.Е. Шалагиным, считаем необходимым, также взять на вооружение: непосредственно со стороны государства – совершенствование механизма лицензирования отдельных видов деятельности, связанных с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Создание механизма контроля за любыми действиями связанными с переработкой, ввозом, вывозом, хранением, реализацией, учетом, и самое главное уничтожением, наркотических средств и психотропных веществ. Расширение взаимодействия правоохранительных органов с лечебными, аптечными, научно-исследовательскими, экспертными и иными учреждениями по проблеме утечки наркотических средств из легальной среды в криминальную и взаимодействия их с несовершеннолетним населением [8].

Касательно государственного регулирования вопросов, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в Донецкой Народной Республике, следует отметить, что регулирует правоотношения, связанные с созданием, регистрацией, производством, контролем качества и реализацией лекарственных средств, определяет права и обязанности предприятий, учреждений, организаций и граждан, а также полномочия в этой сфере органов государственной исполнительной власти. Законом установлено, что лекарственные средства допускаются к применению после их государственной регистрации, кроме случаев, предусмотренных настоящим Законом. На сегодняшний день эти вопросы урегулированы Законом Донецкой Народной Республики «Об обороте лекарственных средств» [3].

Также, в республике установлен порядок оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров в учреждениях здравоохранения. Этот круг вопросов на сегодня регулируется Приказом Министерства здравоохранения Донецкой Народной Республики №012.1/268 от 13.08.2015 года «Об утверждении Правил хранения лекарственных средств для медицинского применения» [4].

Касательно совершенствования республиканского законодательства, хотелось бы отметить, что необходим специально уполномоченный компетентный орган в сфере контроля над оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. На сегодняшний день эти функции возложены на Республиканскую службу лекарственных средств Министерства здравоохранения Донецкой Народной Республики. Служба осуществляет свою

деятельность на основании Положения, утвержденного приказом Министерства Здравоохранения Донецкой Народной Республики от 02.02.2015 № 69.

Однако, основным заданием Службы является реализация полномочий в сфере обеспечения качественными лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения населения и учреждений здравоохранения Донецкой Народной Республики, что по нашему мнению не в полном объеме удовлетворяет предупреждение и пресечение реализации наркотических средств и психотропных веществ и их обороту.

Отдельно хотелось бы сказать, что Донецкая Народная Республика также старается не отставать от других государств в сфере борьбы с наркотизмом в целом, и среди несовершеннолетних и молодежи в частности. Так, 26 июня мировое сообщество отмечало Международный день борьбы с употреблением наркотиков и их незаконным оборотом. Проблемы профилактики и борьбы с этим явлением стали темой прошедшего в Донецке брифинга. В нем приняли участие куратор наркологической службы Министерства здравоохранения Донецкой Народной Республики Юлия Гуричева, начальник отдела по работе с молодежью Министерства молодежи, спорта и туризма Донецкой Народной Республики Наталья Юрченко, заместитель главного врача Республиканского наркологического центра Виктория Кучерявая и сотрудник Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики Сергей Никишин. Об этом сообщает корреспондент официального сайта Донецкой Народной Республики.

«Все заинтересованные ведомства Донецкой Народной Республики проводят профилактическую работу по борьбе с наркоманией. Особенно это актуально в летний период, когда школьники и студенты находятся на каникулах. С целью повышения уровня информированности нами проводится социальная рекламная акция «Скажем наркотикам нет!». Руководство Донецкой Народной Республики поддерживает нас, для проведения социальной акции дополнительно выделено 20 рекламных площадей. Статистика говорит, что сейчас наркомания помолодела, наркотики принимают даже дети до 14 лет. Мы хотим привлечь внимание к этой проблеме и надеемся на понимание», — сказала Юлия Гуричева. В свою очередь, представители других министерств и ведомств рассказали о мероприятиях по учебно-воспитательной деятельности, пропаганде здорового образа жизни, работе с трудными подростками и их родителями, вовлечению детей в спортивные и иные секции, военно-патриотическом воспитании молодежи [10].

Еще одним автором, предлагается подход связанный с повышением уровня эффективности по предупреждению и пресечению преступлений несовершеннолетних наиболее целесообразным способом, а именно, активное использование возможностей взаимодействия с подразделениями по делам несовершеннолетних. Именно данная функция оперативно-розыскной профилактики будет реализовываться в рамках ведения дел оперативного учета. В процессе их ведения будет проводиться работа по сбору дополнительных сведений о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, выявлению признаков

подготовительной преступной деятельности несовершеннолетних, реализации полученных материалов в целях предупреждения и раскрытия преступлений [10].

Такого рода профилактика и форма взаимодействия, по нашему мнению, позволит разрешить ряд существенных вопросов:

- получение достоверной информации об источниках криминальной опасности на подведомственной территории;
- обеспечение оперативного контроля мест концентрации несовершеннолетних и выявление конкретных признаков, свидетельствующих о реальной угрозе криминальных событий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств;
- определение мест сосредоточения представителей криминальной среды и мест систематической фиксации фактов антиобщественного поведения несовершеннолетних;
- выявление неформальных лидеров в среде несовершеннолетних из числа взрослых, в том числе лиц с криминальным прошлым;
- своевременное пресечение фактов криминального поведения и нейтрализации причин и условий, способствующих преступности несовершеннолетних.

Следует отметить, что большая роль в осуществлении профилактики наркотизма среди несовершеннолетних отводится государственным органам, и в частности органам внутренних дел, однако профилактическая работа по противодействию распространения наркотиков со стороны одних лишь правоохранительных органов больших результатов не принесет, здесь важно глобальное изменение отношений со стороны общественности, устранение противоречий и несогласованности в законодательстве, а именно просвещение детей и родителей по вопросам законодательства в отношении наркомании и лиц, распространяющих и употребляющих наркотики.

А главное предложить меры по обеспечению предотвращения правонарушений в сфере привлечения несовершеннолетних к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Стоит подытожить о профилактике наркотизма среди несовершеннолетних в рамках всего государства, то считаем необходимым принять в Донецкой Народной Республике программу по предупреждению и профилактике наркотизма среди молодежи, которая бы предусматривала:

- своевременное выявление причин и условий, способствующих распространению наркомании, организация и реализация мер по их устранению или минимизации;
- формирование в обществе негативного отношения к наркомании и связанным с ней правонарушениям;
- антинаркотическая пропаганда и реклама, противодействие фактам пропаганды и незаконной рекламы наркотиков; психолого-педагогическая и медицинская диагностика наркотического поведения и своевременное выявление незаконных потребителей наркотиков и лиц, склонных к их потреблению;

– повышение уровня осведомленности населения о негативных последствиях немедицинского потребления наркотиков; изучение и внедрение в практику наиболее эффективных видов и направлений профилактической работы, основанных на отечественном и зарубежном опыте организации профилактики наркомании;

– создание условий и формирование мотивации на лечение у лиц, больных наркоманией, повышение эффективности и доступности социально-медицинской и духовно-психологической реабилитации, развитие сети реабилитационных учреждений;

– снижение тяжести медицинских и социальных последствий наркомании;

– организация мониторинга наркоситуации;

– укрепление материально-технической базы и кадрового состава наркологических служб;

– обучение и переподготовка педагогов образовательных учреждений, родителей (иных законных представителей) и других специалистов, осуществляющих работу с молодежью (в том числе медицинских работников и психологов) современным формам, методам и средствам профилактики наркомании;

– популяризация массовых видов спорта и вовлечение детей и подростков в систематические занятия физической культурой и спортом;

– формирование волонтерского молодежного антинаркотического движения;

– проведение научных исследований в сфере профилактики наркомании, реабилитации наркозависимых; совершенствование законодательства в сфере профилактики наркомании, реабилитации наркозависимых.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет выявить в целостном аспекте рассмотреть предупреждения и пресечения, связанные с привлечением несовершеннолетних к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Исследовать криминологическую особенность лиц, которые вовлекают несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Провести анализ законодательного регулирования и государственного управления Донецкой Народной Республики в сфере наркотических средств и психотропных веществ.

## Список литературы

1. В Донецке обсудили вопросы профилактики и борьбы с наркоманией: Официальные новости Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Официальный сайт Донецкой Народной Республики [dnr-online.ru](http://dnr-online.ru): <http://dnr-online.ru/v-donecke-obsudili-voprosy-profilaktiki-i-borby-s-narkomaniej/>.

2. Закон Донецкой Народной Республики «О здравоохранении» (Постановление №I-150П-НС) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://old.dnr-online.ru>. — (Дата обращения 06.09.2018).



3. Закон Донецкой Народной Республики «Об обороте лекарственных средств» (Постановление №1105П-НС). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://dnrsovet.su/zakon\\_dnr\\_ob\\_oborote\\_lekarstvennykh\\_sredstv.pdf](http://dnrsovet.su/zakon_dnr_ob_oborote_lekarstvennykh_sredstv.pdf). – (Дата обращения 06.09.2018).

4. Приказ Министерства здравоохранения Донецкой Народной Республики №012.1/268 от 13.08.2015 года «Об утверждении Правил хранения лекарственных средств для медицинского применения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mzdnr.ru/doc/prikaz>. – (Дата обращения 06.09.2018).

5. Радькова Л.С. Криминологическая характеристика лиц, вовлекающих несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – №4. – С. 92-99.

6. Сведения о проведении оперативных закупок органами и подразделениями внутренних дел Донецкой Народной Республики за 2016-2017 гг.: Главное управление статистики Донецкой Народной Республики (внутренняя информация). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://glavstat.govdnr.ru>. – (Дата обращения 06.09.2018).

7. Уварова И.А. Особенности допроса несовершеннолетнего обвиняемого при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2007. – №3. – С. 102-104.

8. Шалагин А.Е. Преступления в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ: особенности квалификации и предупреждения // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – №4. – С. 205-208.

9. Щелочков Н.Н. К вопросу о типичных следственных ситуациях и соответствующих им типовых версиях по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных несовершеннолетними // Общество и право. – 2009. – №2(24). – С. 230-233.

10. Щелочков Н.Н. Некоторые проблемы взаимодействия при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных несовершеннолетними // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2009. – №2-1. – С. 264-270.